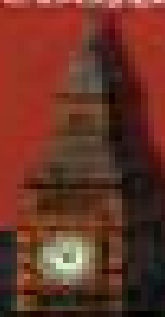

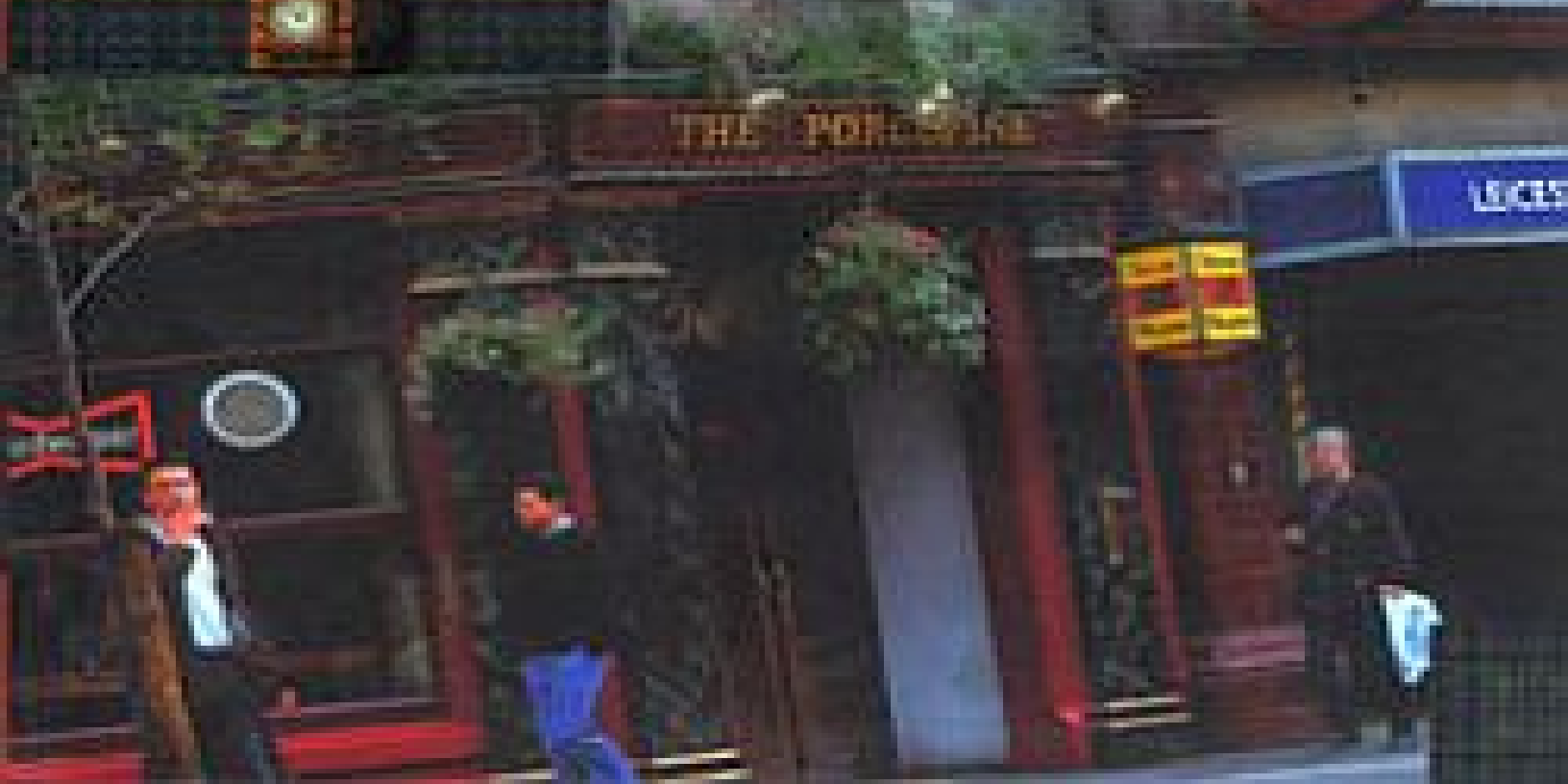
МЕЙВ БИНЧИ

Серебряная
свадьба

THE POTTS

LEICESTER

Annotation

Ирландская писательница Мейв Бинчи, автор нескольких пьес, сборников рассказов и более десятка романов, известна во всем мире. Ее книги не раз становились бестселлерами, получали международные премии.

Герои романа «Серебряная свадьба» готовятся отпраздновать знаменательное событие — двадцать пять лет совместной жизни Дейрдры и Десмонда Дойлов. В торжестве должны принять участие трое детей Дойлов, а также родственники и друзья. У каждого из героев романа своя непростая жизнь, свои проблемы, свои затаенные обиды, секреты и радости. Серебряная свадьба Дойлов заставляет всех заглянуть в прошлое, многое переосмыслить и по-новому оценить настоящее.

- [Мейв Бинчи](#)
 - [1. АННА](#)
 - [2. БРЕНДАН](#)
 - [3. ХЕЛЕН](#)
 - [4. ДЕСМОНД](#)
 - [5. ОТЕЦ ХЁРЛИ](#)
 - [6. МОРИН](#)
 - [7. ФРЭНК](#)
 - [8. ДЕЙРДРА](#)
 - [9. СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА](#)
 - [ОБ АВТОРЕ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

Мейв Бинчи

Серебряная свадьба

1. АННА

Анна понимала, что он изо всех сил старается выглядеть заинтересованным. Ей было хорошо знакомо это выражение его лица. То самое выражение, которое появлялось, когда они встречались в клубе со старыми актерами и вынуждены были выслушивать их бесконечные истории о делах давно минувших дней. Тогда Джо тоже старался казаться искренне заинтересованным; у него был такой приветливый, вежливый, внимательный вид, будто он надеялся, что чем неподдельнее будет выглядеть его интерес к собеседнику, тем быстрее удастся от него отделаться.

— Извини, я заканчиваю, — сказала она. И скорчила, обернувшись, забавную рожицу. Она сидела напротив, на другом краю кровати, одетая в одну из его рубашек, а между ними валялись воскресные газеты и примостился на подносе завтрак.

Джо улыбнулся в ответ; на этот раз вполне искренне.

— Да нет, это даже мило, что ты так беспокоишься; хорошо, что тебя заботят семейные дела.

Она знала, что в глубине души он и в самом деле думает, что заботиться о семье или о застрявших на дереве котятках, о великолепных закатах или больших собаках колли — это хорошо. В принципе, Джо одобряет заботу о ближних. Но это совершенно не относится к его собственным родственникам. Наверное, он даже не знает, сколько лет были женаты его родители. Весьма возможно, что он и понятия не имеет, сколько лет женат он сам. Какие-то там серебряные свадьбы нимало не заботили Джо Эша.

Анна посмотрела на него со смешанным чувством нежности и страха. Страстно и нежно: он казался ей таким родным, когда лежал, раскинувшись здесь между подушек; его мягкие волосы легко и спокойно ниспадали на худые, загорелые плечи. Она боялась потерять его, боялась, что он так же спокойно, тихо уйдет из ее жизни, как когда-то вошел в нее.

Джо Эш никогда не тратил времени и сил на борьбу с другими людьми. Улыбаясь своей широкой мальчишеской улыбкой, он говорил Анне, что жизнь слишком коротка, чтобы растрачивать ее на сражения. И он прав.

Он только пожимал плечами, когда что-нибудь случалось или когда приходило очередное дурное известие.

Как, например, было с его женой Дженет. Он просто собрал вещи и ушел.

Анна боялась, что однажды он вот так же соберет вещи и уйдет из этого дома. Однажды Дженет пришла к ней и предложила денег, чтобы Анна исчезла из жизни Джо. Она рыдала и рассказывала, как хорошо было им вместе, показывала фотографии двоих их детей. И уверяла, что у них все снова будет хорошо, как только Анна куда-нибудь испарится.

— Но ведь он ушел от вас не ко мне. Он целый год жил один, пока не встретил меня, — пыталась объяснить Анна.

— Да, но все это время я надеялась, что он ко мне вернется.

Анне неприятно было вспоминать лицо Дженет — в красных пятнах и мокрое от слез, вспоминать, как она готовила для нее чай, и особенно неприятно было думать о том, что, может быть, когда-нибудь и у нее лицо будет таким же мокрым и в таких же пятнах. Ее передернуло, когда она бросила взгляд на этого красивого мальчика, валявшегося теперь на ее постели. Потому что, несмотря на свои 28 лет, он был все еще мальчик. Красивый, жестокий мальчишка.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

Правды она не скажет. Она никогда не говорила ему, как много о нем думает и как боится, что он когда-нибудь ее бросит.

— Я думаю, что с тех пор, как вышли на экран новые «Ромео и Джульетта» с твоим участием, стало просто несправедливо лишать мир возможности любоваться твоей красотой, — рассмеялась она.

Он поставил поднос с завтраком на пол. Воскресные газеты полетели следом.

— Иди сюда, — пародируя ирландский акцент, сказал Джо, — представь, я думал совершенно о том же.

— Как у тебя здорово получается, — заученно пробормотала Анна, прижимаясь всем телом к Джо. — Не удивительно, что ты — лучший актер на всем белом свете с этой своей коллекцией акцентов.

Она разнежилась в его объятиях и опять ничего не сказала о том, как беспокоит ее эта серебряная свадьба. По лицу Джо она видела, что мысли его где-то уже очень далеко.

Даже через тысячу лет Джо вряд ли будет способен понять, что значит эта годовщина для ее семьи. Четверть века совместной жизни родителей. В семье Дойлов отмечали все семейные праздники. Там годами хранились коробочки с сувенирами и альбомы с записями о прошедших годовщинах. На стене гостиной в их доме была целая галерея Великих Празднований. День свадьбы, крестины, шестидесятилетие бабушки О'Хаган, поездка дедушки Дойла в Лондон. Он был сфотографирован в форме гвардейца в медвежьей шапке позади Букингемского дворца.

Три первых причастия, три подтверждения, небольшой уголок, посвященный спортивным победам Брендана. Он был тогда в старших классах школы. Небольшой академический уголок с портретом самой Анны в момент получения диплома; на этом фото она держит его перед собой с таким видом, будто он весит целую тонну.

Мать с отцом всегда шутили по поводу своей галереи, что это — самая лучшая выставка в мире. На что им нужны старые мастера и всякие там знаменитые картины, если у них есть эта увешанная фотографиями стена, готовая рассказать всему миру об этапах жизни и заслугах их семьи?

Анна вздрагивала, когда родители говорили гостям о своей галерее. Вздрогнула она и теперь, когда ей пришлось солгать Джо.

— Из-за чего это ты дрожишь: из-за отвращения ко мне или от страсти? — спросил Джо.

— О, это необузданная страсть! — ответила Анна, удивляясь тому, как легко ей удается лгать самому привлекательному мужчине во всем Лондоне и думать при этом не о нем, а о стене в гостиной родительского дома.

А ведь перед серебряной свадьбой надо еще украсить дом. Наверное, будет много картонных колокольчиков и серебряной мишуры. Будут раскрашенные серебряной краской цветы. Будет звучать пленка с записью «Свадебного вальса». Будут подоконники, заваленные поздравительными открытками, которых наверняка будет так много, что их придется склеивать в ленты, как на Рождество. Будет торт с традиционными украшениями и пригласительные билеты с серебряным обрезом. Все это кружилось в голове Анны. Родители рассчитывают на своих детей — на Анну, Хелен и Брендана.

Но прежде всего на Анну.

И это должна будет сделать она.

Анна повернулась к Джо и поцеловала его. Больше она могла не думать о предстоящей годовщине. Она будет думать о ней завтра, на работе, в книжном магазине.

Она просто не могла больше думать об этом, ведь рядом находился гораздо более приятный предмет для размышлений.

— Так-то лучше, а то я уже решил, что ты собираешься заснуть, — сказал Джо Эш и привлек Анну к себе.

Анна Дойл работала в маленьком книжном магазинчике «Книги для всех», которому весьма благоволили многие авторы, издатели и средства массовой информации. Все они не уставали повторять, что это особый книжный магазин, ничуть не похожий на все эти громадные бездушные книжные супермаркеты. Втайне Анна не вполне была согласна с ними. Слишком уж часто в течение рабочего дня приходилось ей отказывать людям, которые заходили приобрести новейший бестселлер, расписание электричек или поваренную книгу. И каждый раз Анне приходилось направлять их в другой магазин. Анна понимала, что, несмотря на название, ее магазин специализировался вовсе не на общедоступных, пользующихся широким спросом книгах, а на изданиях, посвященных скачкам, профессиональной психологии, стихах, путеводителях, социологических брошюрах и политических памфлетах.

Год назад она попыталась уйти, но как раз в это время познакомилась с Джо. А когда Джо решил, что останется с ней, пришлось считаться с тем, что работы у него тогда не было.

Джо что-то делал там, что-то здесь и всегда был при деньгах. Во всяком случае, их было достаточно, чтобы купить Анне какую-нибудь премиленькую индийскую шаль, очаровательный бумажный цветок или разыскать самое модное грибное блюдо среди всех деликатесов Сохо.

Зато не было денег, чтобы заплатить за квартиру, телевизор, телефон или электричество. Со стороны Анны было бы слишком большой глупостью бросить в такой момент привычную, приносящую стабильный доход работу, не имея в запасе лучшего варианта. И Анна осталась в «Книгах для всех», несмотря на свою ненависть к этому названию, решив для себя, что большинство покупателей книг к категории «все», так или иначе, не принадлежит. Ее коллеги были

людьми, приятными во всех отношениях, но при этом Анна никогда не встречалась с ними вне службы, за исключением отдельных случаев вроде поэтических встреч или благотворительных вечеров наподобие того, с вином и сыром, организованного в поддержку актеров соседнего театра, на котором она и познакомилась с Джо Эшем.

Рано утром в понедельник Анна была на работе. Самое подходящее время, чтобы поразмыслить о чем-то своем или ответить на письма. В магазине работало всего несколько человек, и у каждого был свой ключ. Анна отключила сигнализацию, подобрала с коврика перед дверью пачку бумаг. Всего лишь реклама. Почтальон еще не приходил. Включив кофеварку, она бросила взгляд в висевшее на стене зеркало. Собственные глаза показались ей громадными и встревоженными. Анна задумчиво смотрела на свое изображение. Она выглядела бледной, а под карими глазами совершенно определенно проступали тени. Волосы схвачены широкой розовой лентой, в точности подходившей под цвет блузки. Она подумала, что если не будет делать легкий макияж, то скоро начнет пугать своим видом окружающих.

Было время, Анна собиралась обрезать волосы. Она уже договорилась, что ей сделают прическу в некоем шикарном заведении, обслуживавшем даже членов королевской семьи. Одна из девушек, работавшая в этом салоне стилисткой, приходила к ним в магазин. Она обещала, что сделает Анне скидку. Но как раз в тот вечер Анна познакомилась с Джо, а он сказал, что у нее чудесные волосы, и она решила, что ни за что не будет стричься.

Как и теперь, он спросил ее тогда, о чем она думает. Но тогда она сказала ему правду. О том, что собиралась на следующий день постричься.

— Даже и не думай, — возразил Джо, и они договорились пойти вместе в греческий ресторан, чтобы обсудить эту тему подробно.

И вот они сидели вдвоем посреди теплой весенней ночи, он рассказывал ей о своих актерских работах, а она ему — о своей семье. О том, что живет на квартире, отдельно от родителей, потому что почувствовала, что стала слишком зависимой от них, слишком втянутой во все, что происходит с семьей. Но по воскресеньям, а то и среди недели, она обязательно появляется в родительском доме.

Джо с интересом смотрел на нее. Он никогда не встречался прежде со взрослыми людьми, которые по два раза в неделю возвращаются в семейное гнездо.

Сначала они встречались у него на квартире, потом — у нее, потому что в ее квартире им было гораздо удобнее. Он коротко и сухо рассказал ей о Дженет и двух мальчиках. Анна же рассказала Джо о преподавателе из колледжа, в которого она была когда-то безумно влюблена, и о том, что любовь эта свелась всего-навсего к получению диплома без отличий и к огромному чувству утраты.

Джо очень удивился, что она рассказала ему эту историю. Ведь дело не дошло здесь до совместного имущества или общих детей. О Дженет же он сообщил Анне только потому, что формально до сих пор был на ней женат. Анне хотелось бы рассказать ему обо всем, но Джо отнюдь не намерен был все это выслушивать.

Было бы вполне логично, если бы они стали, в конце концов, жить вместе. Но Джо не настаивал на этом, а Анна просто не могла себе представить, что бы она ответила, предложи ей Джо переселиться к нему. Было бы так сложно объяснить это матери и отцу. Но однажды, после приятно проведенных вдвоем выходных, она решила спросить у Джо, как он отнесется к тому, чтобы перебраться в ее маленькую квартирку на первом этаже дома в Шепердс-Буш.

— Пожалуй, если это доставит тебе удовольствие, — ответил Джо, польщенный, но не удивленный, согласный, но отнюдь не горящий желанием. Он съездил к себе, уладил дело с квартплатой и переехал к Анне Дойл с двумя саквояжами в руках и кожаным пиджаком на плечах.

А Анна Дойл должна была хранить его переезд в тайне от своих родителей, обитавших в пригородном местечке Пиннер и при этом в совсем ином мире, где дочери никогда не позволяют женатым мужчинам проводить вечера с ними наедине.

С того апрельского понедельника они прожили вместе уже целый год. Теперь был май 1985-го, и Анне приходилось прилагать немалые усилия, чтобы совершенно разделить миры Пиннера и Шепердс-Буш, со все возрастающим чувством вины маневрируя между ними.

Матери Джо было 56 лет, но выглядела она гораздо моложе. Она работала за стойкой в актерском баре и сталкивалась там с сыном два или три раза в неделю. Когда Анна бывала в баре вместе с Джо, его

мать запросто приветствовала их взмахом руки, словно они были всего лишь обычными завсегдатаями. Целых шесть месяцев она даже и не догадывалась, что Джо и Анна живут вместе. Джо просто не позаботился сообщить ей. Когда же, наконец, она узнала, то просто сказала Анне: «Прекрасно, дорогая», — тем же тоном, каким общалась с абсолютно незнакомыми людьми, заказывавшими кусок телятины или пирожок с мясом.

Анна подумала, что нужно бы пригласить ее в гости.

— Зачем? — искренне удивился Джо.

В следующий раз, когда они были в баре, Анна направилась к стойке и обратилась к матери Джо:

— Не хотели бы вы как-нибудь навестить нас?

— Зачем? — спросила та с неподдельным интересом.

— Не знаю. Может быть, просто чтобы выпить с нами по рюмочке, — нашлась Анна.

— О Боже, моя дорогая, ведь я никогда не пью. Я каждый день вижу здесь столько пьяных, что у меня навсегда отшибло охоту даже думать о выпивке.

— Ну тогда чтобы повидаться с сыном.

— Так ведь я вижу с ним здесь, не правда ли? Он уже взрослый, моя дорогая, и ему совсем не понравится, если его старая мама будет навязывать ему свое общество изо дня в день.

Анна наблюдала за отношениями сына и матери с восхищением, к которому примешивались и ужас, и зависть. Эти двое жили рядом, в одном городе, и вполне довольствовались парой фраз во время случайной встречи.

О других членах семьи они не говорили никогда. Ни о сестре Джо, которая обреталась в каком-то центре по реабилитации наркоманов, ни о его старшем брате, который служил наемником где-то в Африке, ни о младшем брате, работавшем оператором на телевидении.

Внуками мать Джо никогда не интересовалась. Джо рассказывал, что Дженет изредка привозила их в бар, чтобы те могли пообщаться с бабушкой, а иногда он водил детей в парк по соседству с домом матери, и та выходила на них посмотреть. К ней в дом он не приводил детей никогда.

— Наверное, она завела себе мужика. Какого-нибудь молодого парня. И, понятное дело, вовсе не хочет, чтобы к ней в дом тащили

внуков. — Для Джо все было просто и ясно.

А Анне казалось, что речь идет о каких-то инопланетянах.

Появись внуки в Пиннере, в доме ее родителей, они бы непременно стали центром Вселенной, той точкой, вокруг которой вращается дом, как в течение целой четверти века он вращался вокруг нее, ее сестры и брата. Анна вздохнула, подумав о приближавшемся серебряном юбилее и ее собственной роли в нем, притом, что у нее своих забот хватало.

Совершенно бессмысленно сидеть с чашкой кофе в руках в пустом книжном магазине и размышлять о проблемах, которые для Джо, как и для всякого занятого собой мужчины, равным счетом ничего не значат. Она поняла это уже в первый вечер, который они провели вместе.

Сейчас Анне следовало сосредоточиться на подготовке серебряной свадьбы, которую всем им предстоит отпраздновать в октябре.

Конечно, от Хелен пользы не будет никакой. Единственное, на что она способна — это прислать цветастую поздравительную открытку с подписями всех монашек их монастыря или организовать для отца с матерью какую-нибудь особую мессу и пригласить на нее всех прихожан их прихода. Она возьмет выходной и приедет в Пиннер в своем линялом сером свитере и такой же юбке, с тусклыми, безжизненными волосами и большим крестом на цепочке вокруг шеи. Хелен выглядит даже не как монахиня, но как слегка тронувшаяся, плохо одетая особа, прячущаяся за этим крестом от остального мира. Да, наверное, так оно и есть на самом деле. Если все пройдет как надо, Хелен уедет вполне довольная и увезет с собой в холщовом мешочке кое-что из остатков угощения. Потому что одна из сестер в монастыре любит пряники, а другая питает слабость к лососине.

С отчаянием смотрела Анна на ближайшее будущее младшей сестры. Хелен входила в состав одной из католических конгрегации Южного Лондона и вынуждена бороться за свое место в ней.

Но Хелен, во всяком случае, хоть постарается приехать. А Брендан, появится ли он вообще? Вот это проблема, и Анна старалась до поры до времени не думать об этом. Если Брендан Дойл не сядет на поезд, а потом на корабль, а потом снова на поезд, чтобы попасть в

Пиннер на двадцатипятилетие свадьбы своих родителей, все будет впустую. Отец с матерью никогда им этого не простят.

Фотография семьи на стене гостиной будет неполной.

Наверное, придется лгать, придумывать, будто он не смог отлучиться со своей фермы в Ирландии: уборка урожая, или что там люди делают на фермах в октябре.

Но Анна с тошнотворной ясностью чувствовала, что это будет никудышное оправдание. И шаферу, и подружке невесты, и родственникам, и соседям, и священнику — всем будет ясно, что причина в обыкновенном равнодушии Брендана к семейным делам.

И серебро поблекнет...

Как заманить — вот проблема. И проблема ли? Может, в самом деле, не стоит его тащить?

Когда Брендан учился в школе, он был очень спокойным мальчиком. Кто бы мог предположить, что у него вдруг возникнет странная потребность уехать от семьи черт знает куда? Анна была просто шокирована, когда он сообщил ей об этом. Абсолютно прямо и без малейшей мысли о том, каково это будет для других членов семьи.

— Я не вернусь в школу в сентябре, и переубеждать меня совершенно бесполезно. Выпускные экзамены я все равно сдать не смогу, да это мне и ни к чему. Я поеду к Винсенту. В Ирландию. И уеду так скоро, как только смогу.

Его бранили, упрашивали. Все было бесполезно. Он так решил, и все.

— Что ты с нами делаешь? — плакала мать.

— Ничего такого я с вами не делаю, — Брендан был спокоен, — я делаю это ради себя самого, и вам это ничего не будет стоить. Я думал, вы будете рады, ведь отец вырос на этой ферме.

— Не воображай, что ферма автоматически перейдет к тебе, — брызгал слюной отец, — этот старый отшельник согласится уехать оттуда разве что в какую-нибудь миссию. Запросто может оказаться, что тебе там ничего не выгорит.

— Послушай, папа, я вовсе не думаю о чьей-то смерти, последней воле, завещаниях и всяком таком. Я думаю о том, как мне жить. В прошлом я был там счастлив, а Винсенту не мешает пара лишних рабочих рук.

— Да уж, при таком образе жизни нет ничего удивительного в том, что он так и не женился, должен обеспечивать себя сам всем необходимым и не приглашает в помощь посторонних.

— Никакой я не посторонний. Ведь я его родной племянник!

Это был кошмар.

С тех пор общение с Бренданом свелось к открыткам по случаю дней рождения или Рождества. Ну, может, еще годовщин... Этого Анна не помнит. Годовщины. Как же собрать всю эту команду ради какого-то юбилея?

Подружкой невесты, как они до сих пор ее называли, была Морин Бэрри. Она и в самом деле была лучшей подругой матери. Еще в Ирландии они вместе учились в школе. Морин никогда не была замужем, как и матери, ей было сорок шесть лет, хотя выглядела она моложе. В Дублине у нее было два магазина одежды — она отказывалась называть их бутиками. Наверное, Анна могла бы переговорить с ней, а там будет видно. Но тревожный колокол уже вовсю бил у нее в голове, предупреждая об опасности. Для мамы главное было не выносить сор из избы.

У нее всегда были секреты от Морин.

Например, когда отец потерял работу, Морин нельзя было об этом знать.

Или когда Хелен сбежала из дому в четырнадцать лет. Это тоже держали в секрете от Морин. Мама говорила, что все, что имеет хоть какое-нибудь значение для семьи, должно быть тщательно отсортировано и отфильтровано прежде, чем станет предметом обсуждения для друзей и знакомых. Это помогало сохранить достоинство и душевный комфорт, когда дела в семье шли неважно. И Дойлы всегда следовали этому правилу.

Казалось бы, что мешает Анне позвонить Морин Бэрри и попросить у нее, у лучшей маминой подруги, совета относительно Брендана и предстоящей годовщины вообще.

Но если мама вдруг узнает, она будет потрясена, с ней может даже удар случиться при мысли о том, что кто-то из ее близких вынес семейные тайны на всеобщее обозрение. А натянутость отношений с Бренданом была как раз одной из таких тайн.

И некому было стать в этой ситуации посредником между ними.

Так как же организовать торжество? Это будет суббота, время ланча. Вокруг Пиннера, Харроу, Нортвуда разбросано немало ресторанов, отелей и тому подобных мест. Пожалуй, лучше всего подошел бы отель.

Распорядитель позаботится о бутербродах, пирожных и фотографиях.

Это избавило бы всех от многомесячного вылизывания дома и стрижки палисадника.

Но многолетний опыт старшей из отпрысков Дойлов подсказывал Анне, что отель не годится. В прошлом уже прозвучало столько негодующих высказываний об отелях, язвительных и критических замечаний о семье, которая не может раз в несколько лет целиком собраться в собственном доме, о семье, которая способна только на то, чтобы пригласить гостей в какой-то там отель, безличное, никчемное место. Нет уж, спасибо!

Придется все делать дома. Отпечатанные серебром приглашения будут звать гостей в Солтхилл, 26-й дом по Розмари-драйв, Пиннер. Вообще-то, Солтхиллом назывался морской курорт, расположенный где-то на западе Ирландии, на котором отдыхали в юности мама и Морин Бэрри. Впечатления от этого отдыха у них остались самые приятные. Отец там никогда не бывал — говорили, что в дни его молодости у него не было времени разъезжать по курортам.

Нехотя взялась Анна за составление меню. С учетом приглашенных ирландцев оно получалось одним и совсем другим без них. Один вариант — легкие закуски и другой — ланч по всем правилам.

И кто будет за все платить?

Она знала, что обычно в таких случаях платят дети. Но Хелен дала обет бедности, да у нее и в самом деле ничего нет. Брендан, даже если и явится, а это еще бабушка надвое сказала, сможет похвастаться только зарплатой сельскохозяйственного рабочего. У Анны денег тоже было совсем немного, во всяком случае — для такого мероприятия.

Денег у нее действительно было мало. Путем жесткой экономии, отказа от ланча и благодаря редким и благоразумным покупкам в Оксфэме она накопила 132 фунта. Через кассу взаимопомощи она надеялась получить еще 200 фунтов. Затем, когда Джо тоже скопит 200 фунтов, они собирались поехать в Грецию. У Джо было только 11

фунтов, так что ему еще предстоял долгий путь экономии. При этом он был уверен, что ему не о чем беспокоиться. Его агент сообщал о многочисленных заманчивых предложениях, и каждый день Джо был готов приступить к работе. Во всяком случае, Анна очень на это надеялась. Только бы он получил какую-нибудь стоящую роль, что-нибудь такое, что позволило бы ему раскрыться, что-нибудь стабильное... Тогда он сможет отремонтировать квартиру своих сыновей, подбросит что-нибудь Дженет, чтобы она могла почувствовать себя независимой, а тогда уж можно будет подумать и о разводе. После этого Анна, наконец-то, сможет уйти из «Книг для всех» и подыскать для себя магазин посolidнее. У нее уже будет опыт работы в книготорговле, и она без труда сможет получить хорошее место в большом магазине. Ее обязательно оценят.

Время тянулось в размышлениях, и вот послышался скрип ключа, поворачивающегося в дверном замке. Скоро пришли все сотрудники. Затем дверь открыли для покупателей. Строить планы было уже некогда.

В обеденный перерыв Анна решила. Сегодня вечером она поедет в Пиннер и серьезно поговорит с родителями о предстоящем юбилее. Конечно, было бы лучше, если бы она могла сообщить родителям, что все уже на мази. Но, увы, все далеко не просто. Поэтому она решила на серьезный разговор.

Анна позвонила родителям и сказала, что скоро будет у них. Мама явно обрадовалась:

— Замечательно, Анна, а то мы не видели тебя уже тысячу лет, и я буквально пять минут назад говорила отцу, что очень надеюсь, у девочки все в порядке.

Анна скрипнула зубами:

— А почему у меня должно что-то быть не в порядке?

— Ну... просто мы очень давно ничего о тебе не слышали.

— Но, мама, ведь прошло всего восемь дней... Я была у вас в прошлые выходные.

— Да, но с тех пор...

— Я звоню вам почти каждый день, и ты прекрасно знаешь, как обстоят мои дела и чем я занята. И если ты хочешь, чтобы я к вам заехала, тебе надо просто подойти к телефону и снять трубку. Вот

такие у меня дела. Примерно такие же, как и у миллионов других обитателей Лондона. — Голос ее дрожал от гнева и обиды.

Ответ был неожиданно спокойным:

— Отчего ты все время сердишься на меня, доченька? Я только сказала, что буду очень рада видеть тебя сегодня у нас, а твой отец, тот будет просто счастлив. Ты ничего не имеешь против жареного мяса с грибами? Чтобы как-то отметить твой визит. Да, я спущусь к мяснику и куплю все необходимое... Это просто великолепно, что ты собираешься заехать к нам. Не могу дождаться, чтобы сообщить об этом отцу, сейчас я позвоню ему на работу и обо всем расскажу.

— Мама, не надо... Я думаю... я хотела сказать...

— Конечно же я позвоню ему. Ведь надо его хоть немного порадовать.

Анна повесила трубку и какое-то время неподвижно стояла у аппарата, положив руку на телефон и вспоминая тот единственный случай, когда она решилась привести Джо на завтрак в родительский дом. Она пригласила его в качестве «друга» и по пути потратила немало сил, пытаясь внушить ему, чтобы он ни в коем случае не проболтался родителям, что на самом деле давно живет с ней и при этом женат на другой женщине.

— А насчет чего опаснее проговориться — первого или второго? — подшучивал над ней Джо.

— И то и другое одинаково опасно, — отвечала Анна с видом настолько серьезным, что он наклонился к ней и поцеловал ее в нос прямо в поезде, на глазах у всего вагона.

Как представлялось Анне, визит протекал довольно удачно, мать и отец были безупречно вежливы с Джо, интересовались его работой и знаменитыми актерами и актрисами, с которыми он был знаком.

На кухне мама спросила Анну, в каких они отношениях.

— Просто друзья.

По дороге домой Анна поинтересовалась, какое впечатление произвели на Джо ее родители.

— Очень милые люди, но какие-то чересчур зажатые, — сказал он.

Зажатые? Мама и папа? Анне никогда такое не приходило в голову. Но, пожалуй, дело обстоит именно так.

Правда, Джо не знает, каковы они, когда в доме нет посторонних. Мама, которая звонит в монастырь Хелен и удивляется, что та не может вырваться к родителям пару раз в неделю. Или отец, расхаживающий по саду, сшибая головки цветов и твердя, что Брендан просто непутевый мальчишка, который не придумал ничего лучшего, как отправиться работать на ферму в той единственной во всей Ирландии деревне, где знают Дойлов и где живет тот единственный Дойл, по которому можно составить самое невыгодное впечатление о семействе — Винсент Дойл, его родной брат и родной дядя Брендана. И все ради того, чтобы унаследовать эту жалкую ферму!

Ни о чем подобном Джо не имел ни малейшего представления, а потому вполне мог счесть ее родителей «зажатыми».

— Пусть их, — сказал он ей, улыбаясь, чтобы она не чувствовала себя задетой. — Многие люди так устроили свою жизнь, что о чем-то с ними можно разговаривать, а о чем-то — нет, и они постоянно озабочены, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего. Это способ существования, при котором все происходящее воспринимается как спектакль, игра... Собственно, меня это не касается, пусть живут, как хотят. Лично мне это все не по душе, но они придумали для себя правила и теперь вынуждены следовать им...

— Мы, значит, не такие, как ты, — съязвила Анна.

— Любимая, у меня нет ни малейшего намерения тебя обидеть. Я просто говорю, что думаю... Каждый день я вижу на улице кришнаитов, которые бреют себе головы, танцуют и звонят в колокольчики. И точно так же я наблюдаю за тобой и за твоей семьей. Но я не позволю никаким кришнаитам навязывать мне свои игры. Так же, как и твоим родителям. — Он победоносно усмехнулся ей в лицо.

Она тоже усмехнулась ему в ответ, но решила, испытывая какую-то сосущую пустоту внутри, никогда больше не обсуждать родителей с Джо.

День подходил к концу. Перед закрытием магазина к Анне подошел молодой симпатичный представитель одного из издательств и предложил выпить с ним по рюмочке.

— Мне надо в Пиннер, — сказала Анна, — и поскорее.

— А я как раз еду в ту сторону и не вижу причин, почему бы нам куда-нибудь не заехать по дороге.

— Пиннер лежит в стороне от всех человеческих дорог, — рассмеялась Анна.

— Ты же знаешь, у меня нет сейчас подружки, а стало быть, и причины ехать в другую сторону. Но, быть может, подружка появится у меня по дороге в Пиннер, — поддразнивал он ее.

— Но мы ведь не будем говорить об этом на Розмари-драйв? — продолжала шутить Анна.

— Давай садись! Машина стоит возле двойной желтой полосы.

Это был Кен Грин, Анна несколько раз разговаривала с ним в магазине. Кена и Анну приняли на работу в один день, что как-то их сблизило.

Он, как и Анна, мечтал теперь бросить магазин и подыскать что-нибудь более подходящее, но оба так и не отважились до сих пор на этот решительный шаг.

— Думаешь, мы с тобой просто трусы? — спрашивала она, в то время как он пробивал путь в потоке машин, неимоверно разросшемся в час пик.

— Да нет, просто всегда находятся какие-нибудь причины. Тебя, наверное, удерживает от решительного шага эта добродетельная публика с Розмари-драйв?

— С чего ты взял, что мои родители — такие уж добродетельные люди? — удивилась Анна.

— Как, ты ведь только что сказала, что при них нельзя говорить о подружках? — сказал Кен.

— Да уж, они были бы очень разочарованы, если бы узнали, что я — чья-то подружка, — ответила Анна.

— И я тоже. — Казалось, Кен говорил серьезно.

— О, давай без этого, — засмеялась Анна. — Всегда так легко расточать комплименты, если заранее знаешь, что человек связан по рукам и ногам. Но если б я вдруг сказала тебе, что свободна, ты бы тут же убежал за тысячу миль вместо того, чтобы так безрассудно приглашать меня куда-то.

— Вовсе нет. Я специально оставил твой магазин напоследок и весь день думал, как здорово было бы встретить тебя там. Ты что, думаешь, я не способен на поступок?

Она дружески похлопала его по коленке:

— Да нет, просто я тебя недооценивала.

Анна глубоко вздохнула. С Кеном было легко и просто, не приходилось постоянно следить за собой, чтобы не сказать что-нибудь не то. Как придется следить за собой на Розмари-драйв. Или потом, когда она вернется домой, к Джо.

— Надеюсь, это был вздох удовлетворения? — спросил Кен.

При разговоре с Джо или родителями ей пришлось бы это подтвердить.

— Это был вздох усталости. Я так устала от всей этой лжи, — сказала она, — очень устала.

— Но ты ведь уже большая девочка и вовсе не обязана лгать кому бы то ни было про свою жизнь или докладывать, как и с кем живешь.

Анна мрачно кивнула в ответ:

— Ну да, конечно, не обязана.

— Может быть, ты только думаешь, что не обязана?

— Да нет. Это как с телефоном. Дома я всем сказала, что у меня больше нет телефона, чтобы они ненароком мне не позвонили. И все потому, что автоответчик записан на Джо Эша. Пришлось это сделать, потому что он — актер и не может оставаться без телефона.

— Само собой, — сказал Кен.

— И я не хочу, чтобы мама звонила мне и слышала на другом конце провода мужской голос. И еще больше не хочу, чтобы потом отец расспрашивал меня, что делает этот молодой человек в моей квартире.

— Конечно, он может позвонить и поинтересоваться, почему у этого молодого человека нет собственного телефонного номера и собственного автоответчика, — сурово произнес Кен.

— И в результате я все время должна помнить о том, чтобы не проболтаться случайно о неоплаченных телефонных счетах. Ведь у меня же нет телефона! И это только один случай из тысячи, когда мне поневоле приходится лгать.

— Ладно, но ведь тебе, надеюсь, не приходится лгать при этом еще и твоему актеру? — Кажется, Кен был искренне озабочен.

— Лгать? Вовсе нет! О чем я должна ему лгать?

— Я не знаю, ведь это ты сказала, что тебе всюду приходится лгать. Вдруг он ужасный ревнивец, и ты даже не сможешь ему признаться, что заходила по дороге выпить пару рюмок со мной. Если,

конечно, мы найдем для этого подходящее местечко. — И Кен с безнадежным видом оглянулся по сторонам.

— Нет-нет, ты не понял. Джо будет только рад, если узнает, что я зашла куда-нибудь выпить с другом. Вот только... — она замаялась. Что только? Только, все равно, ей без конца приходится притворяться. Притворяться, что она понимает эти его невозможные отношения с матерью, с женой, с детьми. Притворяться, что ей нравятся все эти захолустные театрики, где он играет какие-то крошечные роли. Притворяться, что ей нравится постоянно заниматься любовью. Притворяться, что ее совершенно не заботят дела ее семьи.

— Я не лгу Джо, — сказала она словно самой себе, — я просто немного играю.

В машине повисла тишина.

— Ну да, понятно, ведь он — актер, — сказал наконец Кен, пытаясь возобновить разговор.

Но это как раз было не так. Джо — актер, который в жизни никогда не играет и никогда не пытается развлечь кого-нибудь еще, кроме себя самого. Вся игра выпадала на долю его подружки. Как странно, что раньше она никогда не задумывалась об этом.

Они поболтали еще немного, пока, наконец, им не попался какой-то кабачок.

— Может, позвонишь домой и скажешь, что слегка задержишься? — предложил Кен.

Она посмотрела на него, немного удивленная его вниманием к ее личным проблемам.

— Ведь они, наверное, уже закупили бифштексы и прочее... — сказал он.

Трубку взяла мама:

— Это очень мило с твоей стороны, дорогая. Отец уже начал беспокоиться. Он сказал, что пойдет встречать тебя на станцию.

— Не надо, меня сегодня подвезут.

— Это Джо? Джо Эш, актер?

— Да нет, мама. Это Кен Грин, мой приятель по работе.

— Не уверена, что мне хватит мяса...

— Он вовсе не собирается у нас обедать. Просто предложил меня подвезти.

— Может, стоит пригласить его, как ты думаешь? Мы всегда рады видеть твоих друзей. Отец и я, мы оба хотели бы, чтобы ты почаще приводила сюда друзей. — Ее голос казался грустным, как будто она смотрела на фотографии на своей знаменитой стене, но не получала от них помощи и поддержки.

— Сейчас я спрошу его, — сказала Анна.

— Не мог бы ты сегодня выдержать обед с моими родителями? — спросила она у Кена.

— Что ж, эта идея мне даже нравится, могу выступить в роли громоотвода.

— Что ты несешь?

— Разве ты не читаешь эти ваши дурацкие журнальчики? Тебе совершенно необходим кто-то, кто отвлек бы внимание окружающих от твоего настоящего возлюбленного. Положим, твои родители готовы принять такого честного парня, как я, но, наверное, на дух не переносят всяких противных самовлюбленных актеров, присоединяющих к твоему телефону свои автоответчики.

— Ой, заткнись, — засмеялась она. Смех получился искренним.

Они выпили еще. Она поведала Кену Грину о предстоящей годовщине. Вкратце рассказала, что ее сестра — монашка, а брат сбежал из дому и уехал на ферму к старшему брату отца Винсенту, который живет в маленьком, Богом забытом местечке на западном побережье Ирландии. Уже почувствовав себя немного лучше, объяснила Кену, зачем ей нужен сегодня этот обед у родителей. Впервые за долгое время она решилась откровенно спросить у них, чего они, собственно, ждут от этого юбилея. Рассказать о трудностях. Решить какие-то проблемы.

— Пожалуй, тебе лучше делать акцент не на трудностях, а на праздничной стороне дела, — посоветовал он.

— У твоих родителей уже была серебряная свадьба?

— Два года тому назад.

— И как все прошло?

— Не очень...

— Н-да...

— Когда мы познакомимся получше, я расскажу тебе.

— Я думала, мы уже неплохо знаем друг друга. — Анна была слегка разочарована.

— Еще не совсем. Одной совместной выпивки недостаточно, чтобы я мог поведать тебе историю своей жизни.

Внезапно Анна пожалела, что рассказала ему про Джо и про то, что должна была бы хранить в тайне.

— По-моему, я наболтала много лишнего, — сказала она сокрушенно.

— Да нет, просто ты более открытый человек. А я — застегнутый на все пуговицы, — сказал Кен. — Давай допивай скорее. И вперед, в Солтмайнс. [\[1\]](#)

— Куда-куда?

— Разве не так называется твой дом?

Анна рассмеялась и стукнула Кена сумочкой. Благодаря ему она опять чувствовала себя хорошо. Как чувствовала себя прежде, очень давно, когда считала, что принадлежать к семье Дойлов это так замечательно! А в последнее время ей все чаще кажется, что она пробирается по минному полю.

Мама ждала их на пороге.

— Я вышла, чтобы у вас не было сложностей с парковкой, — объяснила она.

— Спасибо, но нам повезло, и здесь достаточно свободного места, — откликнулся Кен.

— Вы знаете, Анна не особенно распространялась здесь про вас, так что ваш визит к нам — приятный сюрприз.

— Для меня это тоже сюрприз. Я не очень близко знаком с Анной, мы только болтаем с ней изредка, когда я оказываюсь по делам в ее магазине. Сегодня вечером я пригласил ее зайти в паб и выпить по рюмочке, но она собралась в Пиннер, и тогда я предложил подвезти ее.

Анна подумала, что не зря Кен Грин считается отличным специалистом. Он сделал своим ремеслом торговлю книгами, научился всучивать владельцам магазинов гораздо больше, чем те собирались заказать. Он принуждал их оформлять красочные рекламные витрины и уговаривал заказать ему организацию презентаций. Ну а уж самого себя он всегда мог подать в самом выгодном свете.

Отцу он тоже понравился.

Кен умел задавать правильные вопросы. Без особого нажима он поинтересовался сферой деятельности мистера Дойла. На лице отца

появилось обычное выражение упрямства и обороны, а голос принял хорошо известный Анне тон, возникавший, когда отец говорил о своей работе и о сокращениях.

Слушатели готовы были прослезиться, когда Десмонд Дойл пускался в ставшее уже привычным трагическое повествование о компании, которая была ему так обязана, пока из-за этой проклятой рационализации производства не сократили многие замечательные должности. Да, теперь работа мистера Дойла изменилась. Все стало совершенно иным. И совершенно иными стали нынешние деловые люди.

Господи, как надоело! Она уже слышала эту сказку тысячу раз. Истина заключалась в том, что отца уволили с работы из-за того, что мама называла межличностными конфликтами. Но это была тайна. Большая тайна, о существовании которой никто не должен знать. В школе говорить об этом было нельзя. Тогда-то и возникли у Анны первые навыки конспирации. Возможно, впрочем, и вся конспирация в их семье пошла с того самого времени. Потому что год спустя отец снова работал в той же фирме на том же самом месте. Тема эта никогда в семье не обсуждалась.

Но Кен Грин продолжал задавать вопросы.

— Как же вам удалось удержаться на работе? — с участием и заинтересованностью спрашивал Кен. — Наверное, вы занимали какой-нибудь особенно важный пост?

Анна поднесла палец к губам. Никто не осмеливался до сих пор подходить так близко к щекотливой теме. Мама переводила встревоженный взгляд с мужа на Кена. Повисла короткая пауза.

— Когда это случилось, я не сумел удержаться, — проговорил Десмонд Дойл, — целый год был безработным. Но потом они снова пригласили меня.

Казалось, палец намертво прирос к губам Анны. Впервые отец признавался, что год не работал. Она даже испугалась, увидев, как восприняла это мама.

Кен понимающе кивнул:

— Такое часто случается. Но в конце концов все возвращается на круги своя? — И Кен ободряюще улыбнулся.

Анна смотрела на Кена Грина так, будто видела его впервые. Что делает он в этой комнате и зачем пристает к отцу с запрещенными

вопросами? А вдруг родители решат, что она обсуждала с ним тайные семейные дела?

К счастью, отец не воспринял это отрицательно; он с увлечением рассказывал Кену о том, что уволенные служащие оказались, конечно же, вовсе не там, где им следовало быть. Он сам должен был занять должность исполнительного менеджера, а вместо этого ему пришлось довольствоваться какими-то там Специальными Проектами. Специальные Проекты могут значить или слишком много, или слишком мало. В его случае они фактически означают неработу.

— И все же вам предоставляется возможность сделать из этой неработы то, что вам нужно. Впрочем, наверное, у всех нас дела обстоят схожим образом. У меня одна неработа, у Анны — другая, и оба мы каждый по-своему пытаемся сделать что-то полезное.

— У меня не какая-то там неработа, — возмутилась Анна.

— А как еще назвать то, чем ты занимаешься? Настоящей свою работу можешь сделать лишь ты сама. Ведь ты интересуешься, какие книги выходят в свет, читаешь каталоги, стараешься понять, почему издатели выпустили именно эту книгу и кто может стать ее будущим читателем. Ты же не могла бы просто стоять и раскрашивать себе ногти, как эта твоя коллега с рыжими волосами.

Мать Анны нервно засмеялась.

— Конечно, вы правы, Кен, потому что молоды, а у молодежи всегда есть шанс придумать что-нибудь новое, но когда вам уже много лет...

— Однако вы в отличной форме. — Кен был весьма галантен.

— Что вы, что вы, не надо мне льстить!

— Нисколько. — По лицу Кена было видно, что у него и в мыслях нет ничего такого, — ведь вам наверняка не больше 46 лет, скорее всего — 46 или 47?

Анна уже жалела, что привела в дом этого бестактного типа.

— Правильно, скоро будет 47, — воскликнул отец.

— Отлично, ведь это вовсе не означает: «много лет»! Во всяком случае, вам еще очень далеко до тех, кому исполнилось 58 или 62.

— Дейрдра, мы можем разрезать кусок мяса на четыре части? Этот молодой человек мне понравился и должен остаться на ужин.

Анне кровь бросилась в голову. Если он согласится, она никогда ему этого не простит.

— Нет, благодарю вас, мистер Дойл, и вас, миссис Дойл. Я, конечно, очень признателен и с благодарностью принял бы ваше приглашение, но не сегодня. Спасибо еще раз. Я только допью свой бокал и вынужден буду откланяться.

— Но нам не доставит никакого беспокойства, наоборот, будет даже приятно, если вы составите нам компанию...

— Как-нибудь в другой раз. Я знаю, Анна собиралась с вами поговорить.

— Конечно, если так... — Мать Анны с недоумением переводила взгляд с дочери на этого представительного молодого человека с черными волосами и карими глазами. Вряд ли Анна привела его к ним случайно...

Кен сам вывел ее из состояния недоумения:

— Нет-нет, ко мне это никакого отношения не имеет. Это ваши семейные дела; она хочет поговорить о вашей серебряной свадьбе и о том, как ее лучше организовать.

Десмонд Дойл был крайне разочарован тем, что Кен собрался уходить:

— Но ведь этот разговор вполне мог бы и подождать.

— Как бы там ни было, вам надо все обсудить и прийти к решению, которое устроило бы всех. А поскольку я знаю, что Анна специально приехала сюда сегодня ради этого разговора, мне ничего не остается, как откланяться.

Он ушел. Были рукопожатия со всеми по кругу. В знак признательности Анна незаметно крепко сжала его другую руку.

Они смотрели, как Кен выруливал обратно на дорогу, а он еще посигналил им на прощание.

Трое представителей семейства Дойлов молча стояли у входа в Солтхилл, дом № 26 по Розмари-драйв.

— Я только сказала ему мимоходом, что нам надо кое-что обсудить. Не знаю, почему он отнесся к этому так серьезно, — оправдывалась Анна.

Казалось, ни мать, ни отец ее не слышат.

— Но это вовсе не единственная причина, заставившая меня приехать сюда. Просто я хотела повидаться с вами обоими.

Тишина продолжала висеть в воздухе.

— Я знаю, вы не поверите, но я просто сказала ему... надо же мне было с ним о чем-то говорить.

— Очень приятный молодой человек, — сказал Десмонд Дойл.

— И красивый, — добавила Дейрдра. — И хорошо одет. Волна негодования захлестнула Анну. Они уже готовы были предпочесть его Джо Эшу, ее Джо, которого она любила всем сердцем и всей душой.

— Да, — сказала она вяло.

— Ты не рассказывала о нем раньше.

— Я знаю, мама, ты выложила ему это через две секунды после вашего знакомства.

— Не груби матери, — автоматически произнес Десмонд Дойл.

— Боже мой, мне уже 23 года, а вы все еще разговариваете со мной, как с ребенком, — чуть не прокричала в ответ Анна.

— Не понимаю, что ты так вскинулась, — сказала мама, — мы приготовили для тебя отличный ужин, а потом задали простой маленький вопрос, заметив при этом, что у тебя очень приятный друг, и получили в ответ настоящую оплеуху.

— Извини, мама. — Это снова была прежняя Анна.

— Ну ладно, ты просто устала после тяжелого дня. Может быть, вино было лишним для тебя.

Анна молча сжала кулаки.

Они вернулись в дом и остановилась в гостиной, у стены с фотографиями.

— Так что же нам теперь делать, как вы думаете, может быть, все-таки поужинаем? — Дейрдра беспомощно переводила взгляд с дочери на мужа и обратно.

— Твоя мать специально ходила по магазинам, когда узнала, что ты собираешься сегодня приехать, — сказал отец.

На какое-то сумасшедшее мгновение ей захотелось, чтобы Кен Грин опять оказался здесь, чтобы вырваться, наконец, из этой тины бессмысленных слов, прорваться сквозь бесконечный круговорот разговоров ни о чем.

Если бы Кен был здесь, он мог бы сказать: «Давайте отложим ужин на полчаса и поговорим о том, как вы все-таки хотите отпраздновать свой юбилей». Да, так бы в точности он и сказал. Он не стал бы рассуждать о том, что можно сделать, что должно быть сделано и как всего этого достичь. Уходя, он просто сказал, что Анна

хочет поговорить с родителями о том, что они оба хотели бы получить от этого дня.

Хотели бы! Для семьи Дойлов это был как гром среди ясного неба.

В каком-то порыве она произнесла именно те слова, которые, по ее мнению, сказал бы Кен.

Немало озадаченные, родители сидели и смотрели на нее в ожидании.

— Это ваш день, а не наш. Чего бы вам хотелось больше всего?

— Ну, вообще-то, — потерянно начала мама, — все это не так уж и важно для нас...

— Но если вы все захотите как-то отметить это событие, нам, конечно, будет очень приятно, — сказал отец.

Анна смотрела на них в растерянности. Неужели они и в самом деле думают, что этот юбилей важен для нас, а не для них? Можно подумать, они живут в какой-то фантастической стране, и их дети только и мечтают о том, чтобы собраться и отпраздновать родительскую годовщину! Разве не задумывались они о том, что в этой семье у каждого своя роль... и что все актеры исчезают со сцены один за другим, уходят кто куда: Хелен — в свой монастырь, Брендан — в Ирландию. И только Анна, живущая всего-навсего в двух железнодорожных перегонах от родительского дома, по-прежнему остается в пределах досягаемости.

На нее накатила волна отчаяния. Она понимала, что должна держать себя в руках, что ее визит окажется бесполезным, если закончится ссорой. Она словно уже слышала, как Джо спрашивает ее, зачем потратила она столько дней напряженной работы, если в результате все чувствуют себя несчастными и обиженными.

Анна ощутила острую, физическую потребность прямо сейчас увидеть Джо, опуститься на пол рядом с его креслом и почувствовать, как его рука перебирает ее волосы.

Она не знала, возможно ли полюбить кого-нибудь другого так сильно, и вот теперь, наблюдая за встревоженными отцом и матерью, покорно сидящими перед нею на софе, задавалась вопросом, испытывали ли они хоть малую толику того чувства, которое переживает сейчас она. Всегда трудно представить себе родителей в

любви, в особенности, что они могут ложиться вместе в постель и соединяться там, как обычные люди... как они с Джо.

— Послушайте, — сказала она, — мне надо позвонить. Надеюсь, вы хотя бы ненадолго перестанете беспокоиться насчет ужина и подумаете, чего же вы хотите от этого праздника — а я постараюсь вам все устроить. Договорились?

Глаза Анны неестественно блестели, возможно, не без помощи тех нескольких рюмок, которые она пропустила с Кеном.

Она направилась к телефону. Срочно придумать предлог для разговора с Джо, может, его голос приведет ее в чувство. Анна собиралась сказать ему, что будет дома чуть раньше, чем планировала, и спросить, не купить ли какой-нибудь еды: чего-нибудь из китайского ресторанчика, пиццу или, скажем, мороженое? Конечно, ни теперь, ни после она не станет ему рассказывать, какая черная тоска царит в родительском доме и как она здесь сегодня расстроилась и рассердилась. Джо это ни к чему. Он этого не любит.

Она набрала номер своего телефона.

Ответили тотчас же. Очевидно, Джо был в спальне. Но голос был женский.

Анна отстранилась от трубки, как часто делают в фильмах, когда хотят продемонстрировать крайнюю степень удивления. Что делает в ее квартире незнакомая девушка?

— Алло? — повторили на том конце провода.

— Простите, какой это номер? — спросила Анна.

— Телефон стоит на полу, и номер мне не виден. Секундочку. — Голос у девушки был вполне естественный. И молодой.

Анна застыла, будто парализованная. В ее квартире в Шепердс-Буш телефон действительно стоит на полу, чтобы удобно было разговаривать лежа на кровати.

Она не будет больше приставать к этой особе. Свой номер она знала.

— Попросите, пожалуйста, Джо, — сказала она, — Джо Эша.

— Его нет, он вышел за сигаретами, вернется через несколько минут.

Ну почему он не догадался включить автоответчик? — спрашивала себя Анна. Почему автоматически не нажал кнопку, как делал всегда, уходя из дома? На случай звонка из агентства. На случай

звонка, за которым может последовать ангажемент. Теперь вместо ангажемента со звонком пришло разоблачение.

Она прислонилась к стене дома, в котором прошло все ее детство. Ей нужна была хоть какая-нибудь поддержка.

Девушке на другом конце провода молчание не нравилось:

— Вы еще здесь? Перезвоните, или мне передать ему, чтобы он позвонил вам?

— Хм, я не знаю... — Анна тянула время.

Если она прямо сейчас повесит трубку, Джо никогда не узнает, что Анна поймала его. Все будет, как всегда, как будто ничего не случилось. Как будто она набрала не тот номер. Быть может, девушка, когда Анна позвонит в следующий раз, просто пожмет плечами и повесит трубку. И даже не передаст Джо, что кто-то звонил. А Анна никогда не заговорит об этом, чтобы не разрушить то, что у нее есть.

Но что же у нее есть? Мужчина, который мог позволить себе уложить в ее постель постороннюю женщину, уложить кого-то в ее постель, как только она ненадолго отлучилась. И к чему ей пытаться сохранить его? Потому что она любит Джо и потому что, если ей не удастся его сохранить, в ее жизни возникнет огромная зияющая пустота; Анна будет так скучать без него, что, может, даже умрет.

А если она скажет ему все и потребует объяснений, будет он отпираться? Вполне вероятно, он ответит, что это была его коллега-актриса и они вместе репетировали.

Или он скажет, что это — конец? И вот тогда — боль и пустота.

Девушка на другом конце провода беспокоилась, чтобы связь не прервалась, вдруг Джо предлагают работу:

— Давайте, я запишу ваше имя. Секундочку, только встану. Посмотрим. Вот тут какой-то стол у окна... ах, извините, это всего-навсего туалетный столик. Но здесь есть карандаш для бровей или что-то в этом роде. Так как вас зовут?

Горький комок застрял в горле у Анны. На ее кровати, под чудесным дорогим одеялом, которое она купила на прошлое Рождество, лежит голая девица, которая пытается теперь перетащить телефон на столик с косметическими принадлежностями.

— Ну что, хватает длины шнура? — услышала Анна собственный голос.

Девушка рассмеялась:

— Да, как раз.

— Хорошо. Теперь поставьте телефон на стул — да-да, на розовый стул — и постарайтесь дотянуться до каминной полки. Так, хорошо, там вы найдете подставку со змейкой и в ней заточенный карандаш.

— Да? — Девушка удивилась, но ничуть не была смущена.

Анна продолжала давать инструкции:

— Хорошо, положите обратно карандаш для бровей, как-никак, это уголь, и писать как следует он все равно не будет. А теперь напишите записку для Джо: «Звонила Анна. Анна Дойл». И все.

— Значит, он не сможет вам перезвонить? — В голосе сквозила озабоченность. Вполне возможно, что и эта женщина потратила дни, месяцы и даже годы, стараясь удовлетворить Джо Эша, все время боясь его потерять.

— Нет-нет. Я сегодня у родителей. И собираюсь остаться здесь на ночь. Можете передать ему это?

— А он знает, где вас найти?

— Да. Но сегодня звонить мне не стоит. Я постараюсь застать его в другой раз.

Когда она повесила трубку, ей пришлось опереться о столик, чтобы не упасть. Она вспомнила, как говорила родителям, что холл — совершенно неподходящее место для телефона. Холодно, неудобно, и слишком много людей снует вокруг. И вот теперь она благословляла их за то, что они ее не послушали.

На несколько мгновений Анна застыла у телефона — успокоиться было нелегко. Слегка придя в себя и собравшись с силами для общения с родителями, она вернулась в комнату. А поскольку отец с матерью ничего не ведали ни о ее любви, ни о ее боли, Анна просто сказала, что останется у них ночевать, если они не против, и весь остаток вечера они смогут обсуждать предстоящее празднество.

— Ты не должна просить разрешения остаться на ночь в собственном доме, — сказала мама, обрадованная и взволнованная, — я положу тебе в постель грелку; все комнаты в твоём распоряжении, ты всегда можешь приехать и выбрать ту, которая тебе больше по душе.

— Да, именно так я сегодня и поступлю. — Улыбка застыла на лице Анны.

Они уже разошлись по комнатам, когда позвонил Джо. Она шла к телефону совершенно спокойно.

— Она ушла, — сказал он.

— Ушла? — Голос Анны звучал отстраненно.

— Да. Это ерунда.

— Ну конечно!

— Тебе вовсе не из-за чего возмущаться и устраивать сцены.

— Да-да, разумеется. Джо, видимо, растерялся.

— И что же ты собираешься делать? — спросил он.

— Остаться сегодня здесь, как я уже сказала твоей подруге.

— Но ведь не навсегда?

— Нет, только на сегодняшнюю ночь.

— Значит... завтра вечером, после работы, ты придешь домой?

— Да, конечно. А вот ты собери, пожалуйста, к этому времени свои вещи.

— Анна, не надо драматизировать!

— Да нет, я совершенно спокойна. Сегодня ночью оставайся, конечно же, у меня. Ведь нет никакого смысла уходить прямо сейчас. Так что у тебя будет время на сборы до завтрашнего вечера. Договорились?

— Прекрати, Анна! Я люблю тебя, ты любишь меня, я тебя не обманываю.

— И я тебя не обманываю — насчет завтрашнего вечера, Джо. В самом деле. — И она повесила трубку.

Когда десять минут спустя он позвонил снова, она сама взяла трубку:

— Постарайся не быть занудой, Джо. Ты ведь не любишь, когда на тебя начинают давить и по двадцать раз спрашивают о вещах давно решенных. Ты терпеть не можешь таких людей и называешь их занудами.

— Послушай, нам надо поговорить...

— Завтра после работы. После того, как я приду с работы, ведь у тебя сейчас работы нет, не так ли? Мы договоримся, куда мне следует пересылать твою почту и как мне быть с записями на автоответчике, если они появятся.

— Но...

— Больше я не подойду к телефону, и тебе придется объясняться с моим отцом, а ты ведь всегда считал, что он обладает замечательной способностью говорить так, чтобы не сказать в конечном счете ничего.

И Анна возвратилась к родителям. Она заметила, что мать и отец удивлены продолжительностью ее телефонных переговоров.

— Извините, что заставила вас ждать, но я поссорилась с Джо Эшем, моим молодым человеком. С моей стороны было бы бестактно вываливать эти проблемы на вас, так что, если он опять позвонит, не подзывайте меня к телефону.

— И что, серьезная у вас ссора? — с надеждой спросила мама.

— Да, мамочка, радуйся, настолько серьезная, насколько это вообще возможно. Не исключено, что это — наша последняя ссора. А теперь давайте подумаем, чем мы будем кормить народ на вашем празднике.

И она рассказала им о замечательной женщине по имени Филиппа, у которой можно купить подешевле массу полезных вещей. Но мысли Анны были далеко. Она вспоминала те дни, когда все было так ново и восхитительно, когда каждое мгновение ее жизни было наполнено присутствием Джо.

Она сказала, что родителям предоставят несколько вариантов меню и они смогут выбрать наиболее подходящий. А потом придется написать письма с приглашениями для каждого гостя.

— Разве это не выдающееся событие в вашей жизни? Двадцать пять лет со дня свадьбы!

Она переводила взгляд с одного на другого, надеясь на поддержку. Дойлы умели создать в своем доме какое-то особое, уютное чувство семьи. Но, к удивлению и разочарованию Анны, в этот вечер все как-то не клеилось. Казалось, мать с отцом вовсе не уверены, что четверть столетия со дня бракосочетания — такое уж знаменательное событие. Пожалуй, впервые в жизни Анне так необходима была уверенность в том, что даже если ее собственный мир перевернется, Вселенная продолжит покоиться на своем неизменно прочном основании.

Но, может быть, она просто поддалась настроению, подобно тем поэтам, что верят в патетическом заблуждении, будто сама природа меняется в соответствии с их чувствами, и небеса становятся серыми, когда у них тоскливо на душе.

— Мы превратим этот день в чудный праздник, — говорила Анна родителям. — Он будет даже лучше, чем день вашей свадьбы, потому что все мы соберемся, чтобы отпраздновать это событие вместе с вами.

Она была вознаграждена двумя благодарными улыбками и поняла, наконец, что перед ней открывается перспектива провести скучное до тошноты лето, наполненное заботами о никому не нужном юбилее.

2. БРЕНДАН

Брендан Дойл подошел к календарю, чтобы посмотреть, когда же в маленький городок, расположенный в двадцати милях от фермы, приедет со своими песнями Кристиан Мур. Это должно было произойти на следующей неделе, и Брендан очень хотел попасть на концерт.

Он обвел число на большом календаре, висевшем на стене в кухне. И вдруг, к собственному удивлению, обнаружил, что сегодня его день рождения. Брендан испытал настоящий шок, когда сообразил, что уже одиннадцать часов, а мысль о дне рождения только сейчас пришла ему в голову. В былые времена готовились к этой дате за несколько недель!

«Осталось всего три недели до дня рождения Брендана», — говорила мать всем, кто мог ее слышать.

В детстве он ненавидел это, всю суету вокруг дней рождения и прочих семейных праздников. Девчонки, конечно, были без ума, они обожали нарядные праздничные платья и разные украшения. Посторонних на тех праздниках не бывало; Брендан не мог припомнить ни одной настоящей вечеринки с гостями, другими детьми, играми и развлечениями; допускались только нарядно одетые члены семейства Дойлов, которым следовало чинно поглощать печенье, желе со взбитыми сливками и все прочее. Подарки же тщательно упаковывались и перевязывались ленточками с обязательной поздравительной открыткой, а потом аккуратно расставлялись на каминной полке. Непременно осуществлялось и торжественное фотографирование именинника, зачастую в нахлобученной на него бумажной шляпе. На другом снимке героя дня запечатлевали в окружении счастливого семейства. Фотографии хранились в альбоме и торжественно демонстрировались, когда появлялись какие-нибудь гости. Сначала — день рождения Брендана. Не правда ли, мальчик так вырос с прошлого года? Затем шли дни рождения Анны и Хелен. Гости смотрели и поздравляли маму. «Восхитительно, — говорили они, — вы столько делаете для своих детей. И как вам удастся справляться с таким ворохом проблем?»

Мама никогда не догадывалась, как ненавидел Брендан все это. Как ненавидел петь, как ненавидел, когда она принималась хлопать в ладоши и выбегала в соседнюю комнату за фотоаппаратом, в то время как они пели «Веселому доброму другу».

Как он мечтал о том, чтобы они просто посидели все вместе, а не занимались какими-то дурацкими играми и выступлениями. Вместо праздника получался театр, и им приходилась разыгрывать дурацкий спектакль.

Вдобавок вся эта секретность. Не говорить тете Морин о новой софе. Почему? Мы не хотим, чтобы она знала, что софа — новая. Почему мы не хотим, чтобы она знала об этом? Видишь ли, ей не следует знать, что мы сильно потратились. А если она все же спросит о софе, надо отвечать: «О, софа, какие пустяки», — как будто тут и говорить не о чем.

Брендан не понимал этого. Им все время следовало что-то от кого-то скрывать. От своих близких, от товарищей по школе, от соседей, от Морин Бэрри — лучшей маминой подруги, от Фрэнка Куигли, который работал вместе с отцом и считался лучшим другом семьи. И в особенности от тех, из Ирландии. Нельзя было проговориться о чем-нибудь бабушке О'Хаган и ни словечка лишнего сказать в присутствии дедушки Дойла.

Жить в родительском доме было совсем не трудно, если смириться с тем, что не следует ничего выносить за его порог. Впрочем, по мнению Брендана, не слишком-то многое обсуждалось и внутри семьи.

Он помнил свой день рождения в том году, когда уволили отца. О, это был великий секрет! Отец умудрялся каждое утро уходить, якобы на работу, в обычное время и также, в обычное время, вечером, возвращался домой. Зачем он это делал, Брендан тогда не понимал; не понимал он этого и теперь.

А здесь, на ферме Винсента, в их расположенной на склоне холма крохотной усадьбе, где прошло детство отца, он чувствовал себя так, словно никогда не был тем мальчиком, который жил на Розмари-драйв и должен был получать хорошие отметки в школе, делая вид, что мечтает поступить в университет. Но мечтал-то он всю свою жизнь о том, чтобы вернуться на эту каменистую землю, где никто не заставлял его казаться тем, кем он на самом деле не был.

Брендан не называл Винсента дядей, хотя это был старший из братьев в семье отца; он всегда был для него просто Винсентом. Высокий сутулый человек суровой жизненной закалки, он молчал, если ему нечего было сказать. В маленьком доме на склоне холма, где в окружении пяти братьев рос его отец, не было места для пустых разговоров. Наверное, Дойлы были тогда очень бедны. Отец никогда не рассказывал о тех временах. Винсент же ничего не говорил ни о каких временах вообще. Телевизионные антенны высились на домах окрестных ферм, но Винсент Дойл не испытывал потребности в телевизионных сериалах. А маленький радиоприемник почти не работал. Каждый вечер Винсент слушал шестичасовые новости и специальные сообщения для фермеров, которые передавали перед новостями. Иногда, кроме того, он проявлял интерес к жизни ирландцев в Австралии и к истории с готовившейся высадкой армии Наполеона на ирландском побережье. Брендан не мог взять в толк, как могли интересовать его дядю подобные вещи. Ведь он никогда не покупал ни газет, ни каких бы то ни было других печатных изданий. Не был он и постоянным слушателем документальных радиопередач. Винсент не был отшельником, затворником или оригиналом. Он всегда носил костюмы, мир курток и брюк не был его миром. Каждые три года Винсент покупал себе новый костюм, при этом предыдущий как бы понижался в ранге и Винсент надевал его, лишь когда шел убрать в хлеву или погрузить овец в свой трейлер. При этом какой-нибудь из его старых костюмов вполне мог пригодиться для похода в церковь.

Брендан Дойл полюбил это местечко с того странного лета, когда он с родителями и сестрами приехал сюда погостить. По пути в Ирландию все чувствовали себя немного не в своей тарелке; на корабле и в поезде постоянно надо было помнить обо многих вещах сразу. Что нельзя говорить о том, как они не спали всю ночь по дороге на Хоулихед; о толпах людей, сидящих на своих вещах или набившихся в корабельный трюм; о том, как они целую вечность провели в ожидании поезда на промерзшей платформе. Об этом всю дорогу твердила им мать. Отец же говорил о другом: он просил не хвастаться перед дядей Винсентом, как хорошо они живут в Лондоне. И тогда Брендан попытался задать родителям один простой вопрос, при этом он чувствовал себя очень неуверенно, словно знал, что спрашивать это по каким-то непонятным причинам нельзя:

— Ну и кто же мы такие? То ли богачи, как расписываем бабушке О'Хаган, то ли бедняки, как представляемся дяде Винсенту и дедушке Дойлу?

Повисла тяжелая пауза.

Родители в ужасе смотрели друг на друга.

— Расписываем! — воскликнули оба почти что в один голос. Они ведь были совершенно уверены, что ничего не «расписывают» — они просто советовали детям не болтать лишнего о вещах, которые могли расстроить стариков. Вот и все.

Брендан помнил, как он впервые увидел ферму. Они провели три дня с бабушкой О'Хаган в Дублине и совершили затем долгое утомительное путешествие на поезде. Мать и отец казались удрученными из-за того, что некоторые вещи им пришлось оставить в Дублине. Слава Богу, дети вели себя хорошо и не болтали, о чем не надо. Брендан помнил, как они смотрели в окно на лоскутные поля Ирландии. Хелен попала в немилость из-за дурацкой шутки, которую позволила себе на вокзале; а главное, она шутила в присутствии бабушки О'Хаган! Анна была очень спокойна и не отрывалась от книги. Родители тихо переговаривались друг с другом.

Брендан никак не ожидал увидеть этот небольшой, сложенный из камня домик и двор, захламленный обломками сельскохозяйственной техники. В дверях стоял его дед, старый и сгорбленный, в поношенном пальто, рваном пиджаке и рубашке без воротника. За ним виднелся дядя Винсент, более молодая и чуть более высокая копия деда, в костюме, который когда-то, вне всякого сомнения, выглядел весьма прилично.

— Добро пожаловать домой, — сказал дедушка Дойл. — Когда живешь в местах, откуда приехали сейчас мои дети, местах, переполненных людьми и раскрашенными в красное автобусами, так приятно, что есть на свете уголок, куда всегда можно вернуться и почувствовать, что ступаешь по родной земле.

Дедушка Дойл был в Лондоне всего один раз. Брендан знал об этом благодаря фотографиям, одна из которых, снятая на фоне Букингемского дворца, висела на стене гостиной их лондонского дома, а другие хранились в альбомах. Он не слишком хорошо помнил подробности этого визита. Глядя на этих двоих, стоящих в дверях немолодых людей, Брендан вдруг ощутил странное чувство — будто

после долгого отсутствия вернулся домой. Как в тех сказках, что он читал в детстве: приключение закончилось, и герои выходят из дремучего леса. Он боялся даже заговорить, чтобы вдруг не спугнуть это странное чувство.

В тот раз они остались здесь на неделю. Дедушка Дойл был уже очень стар и не отходил далеко от ворот своего дома. Но Винсент показал им все окрестности. Иногда они ездили в его старом автомобиле с прицепом, причем прицеп с того времени ничуть не изменился. Зачастую Винсент просто не давал себе труда отцепить его, тем более что всегда могла возникнуть необходимость срочно перевезти какую-нибудь овцу; вот прицеп так и грохотал по окрестным дорогам вслед за автомобилем с гостями.

Винсент навещал своих овец по два раза на дню. Эти животные имели дурную привычку валяться на спине, ноги кверху; приходилось поднимать их и ставить снова на ноги.

Анна поинтересовалась, все ли овцы ведут себя таким образом или же это какая-нибудь странная особенность овец дяди Винсента. Винсент только ухмыльнулся ей в ответ и сказал, что вовсе не беда, если животному вдруг вздумается поваляться на спине, что это — характерная особенность породы, и такое случается не только в Ирландии, но даже и в Англии. Но все равно Анна не рискнула бы заговорить об этом в Лондоне.

Нередко Винсенту приходилось останавливаться, чтобы подправить низкую ограду, сложенную из камней; овцы то и дело натыкались на нее и выбивали камни. «Да, — сказал он раньше, чем Анна успела задать вопрос, — это самое обычное для любой овцы поведение».

В городе Винсент завел детей в бар с высокой стойкой и угостил лимонадом. До этого случая никто из них никогда не бывал в подобного рода заведениях. Хелен хотела было заказать себе портер, но ей отказали. И не Винсент, а сам бармен — она, дескать, еще слишком мала для портера.

На обратном пути Брендан отметил, что Винсент не сделал ни малейшей попытки как-то объяснить окружающим, кого это он привел с собой, или как-то представить их в качестве детей своего брата и рассказать, что они приехали сюда погостить на неделю, а вообще-то, живут в уютном тенистом пригороде Лондона, называемом Пиннер, и

что летом по выходным они играют там в теннис с разными важными шишками. Излагать все это досталось на долю родителей. А Винсент вел себя как обычно, почти не говорил и только не спеша и бесстрастно отвечал, когда его о чем-то спрашивали.

Брендан чувствовал: Винсент предпочел бы, чтобы к нему вообще не приставали с вопросами. Однажды они вдвоем прошли несколько миль, не перемолвившись по дороге ни словом. Это были совершенно необычные каникулы.

Когда неделя подошла к концу, Брендан загрустил.

— Может быть, мы еще вернемся, — сказал он Винсенту при расставании.

— Может быть. — В голосе Винсента не было особой уверенности.

— А почему ты сомневаешься? — Они стояли, прислонившись к воротам, которые вели в огород. Там было несколько рядов картофеля и грядки с капустой, морковкой и пастернаком. Растениями, которые не требовали особого ухода, как объяснил Винсент.

— Ну... много разговоров о том, что вы еще приедете, но мне кажется, это все пустое. После того, что они увидели, как все тут выглядит...

У Брендана защемило сердце.

— Может быть, приедут, и не просто погостить?

— Ты это всерьез?

— А почему бы и нет?

Брендан увидел, что глаза дяди смотрят на него с нежностью.

— Да что там, Брендан, сынок, не бери в голову, просто живи так, как считаешь нужным, и тогда в один прекрасный день ты сможешь уйти и поехать туда, где тебя никто не достанет.

— Только когда он придет, этот день?

— Когда придет, тогда и узнаешь, — сказал Винсент, не отрывая взгляда от редких кустов картошки.

Брендан и в самом деле сразу понял, когда этот день пришел.

Все изменилось после возвращения в Лондон. С одной стороны, отец все-таки получил обратно свою должность, и больше не надо было притворяться, будто никто не знает о его неприятностях. Зато начались проблемы с Хелен. Она уверяла, что не может оставаться дома одна. Приставала ко всем, расспрашивая, когда в точности кто

уйдет из дома и во сколько вернется. Хелен просто не в силах была пробыть в одиночестве даже пять минут. Доходило до того, что она шла встречать Брендана после школы. Он пытался поговорить с ней, но Хелен только пожимала плечами и отвечала, что не может оставаться наедине с собой.

Никого в доме это особенно не волновало. Брендан любил одиночество и терпеть не мог всей этой болтовни за обедом, разговоров об еде и о том, что бы такое приготовить на следующий день. Как это Хелен не радуется любой предоставлявшейся ей возможности провести хоть немного времени в тишине и спокойствии, удивлялся он.

Может быть, именно поэтому она и подалась, в конце концов, в монахини. Ради покоя? Или из-за потребности постоянно находиться среди людей? Ведь число обитателей дома на Розмари-драйв постоянно сокращалось. Сначала Анна сняла квартиру и переехала от родителей, а потом перебрался в Ирландию Брендан.

Было даже страшно жить так долго в семье — в течение дней, месяцев и лет вплотную с одними и теми же людьми, одними и теми же разговорами. И, в сущности, так мало знать о них.

Брендан принял решение вернуться на дедову ферму в тот день, когда у них в школе проходила выставка для выпускников, посвященная выбору профессии. Там были стенды про компьютерный бизнес, торговлю телефонами, транспорт, банковское дело и армейскую службу. Он бродил в недоумении от стенда к стенду и не мог понять, кому все это нужно.

Дедушка Дойл умер вскоре после того их отпуска в Ирландии, когда он приветствовал их возвращение домой. Они не поехали на похороны. Ферма перестала быть их домом — так сказала мама, и дедушка Дойл первым согласился бы с этим утверждением. Дядя Винсент их не ждал, а родственников, которые могли бы их осудить, у них не осталось. Они заказали заупокойную мессу в приходской церкви, и все прихожане подходили, чтобы выразить им свое сочувствие.

Директор школы Брендана сказал, что решение о том, кому и чем следует заняться в жизни, — одно из самых важных решений для каждого из выпускников; это совсем не то что выбор любимого фильма или футбольной команды. И тогда Брендан вдруг понял, что

должен бросить все, бежать от вечных семейных склок и — правильно это будет или нет — от нудных разговоров о том, что престижнее: ученик управляющего или работник торговли. Ну конечно же: он должен уехать к Винсенту и работать у него на ферме.

Солтхилл, дом № 26 по Розмари-драйв, никогда не был тем местом, которое можно было покинуть просто так, без всяких объяснений. Но Брендан уже решил для себя, что это будет самое последнее и решительное объяснение в его жизни. Он выдержит это, стиснув зубы, как испытание огнем и водой.

Все оказалось даже хуже, чем он мог себе представить. Анна и Хелен плакали и умоляли его не уезжать. Мама тоже плакала и спрашивала, чем она это заслужила. Отец пытался выяснить роль Винсента в этом решении.

— Винсент еще не знает, — сказал Брендан.

Ничто не могло его поколебать. Брендан и не предполагал в себе такой твердости. Через четыре дня сражение было завершено.

Мать вошла к нему в комнату и присела на кровати с чашкой шоколада в руках:

— Все мальчики проходят через этап поиска своего «я», через освобождение от семейных уз. Я убедила отца, что ты просто немного отвлечешься у Винсента и спустя какое-то время придешь в себя.

Брендан отверг этот вариант. Это было бы нечестно. Если уж он туда уедет, то не вернется. Пришел для переговоров и отец:

— Послушай, сынок, я был слишком резок с тобой прошлым вечером, когда утверждал, что ты просто хочешь унаследовать эту кучу камней. Я вовсе не хотел тебя обидеть. Но ты представляешь, как это будет выглядеть. Что об этом будут говорить люди.

Брендан не представлял и не хотел представлять.

Но он навсегда запомнил выражение лица Винсента, когда появился у ворот фермы.

Всю дорогу от города он прошел пешком. Винсент стоял у дверей кухни со своей старой собакой Шепом. Когда Брендан приблизился, он приложил руку к глазам, защищаясь от лучей предзакатного солнца.

— Так-так, — сказал он.

Брендан ничего не ответил. С собой у него был только небольшой саквояж — все, что понадобится для новой жизни.

— Вот и ты, — сказал Винсент. — Ну, заходи.

В тот день он так и не спросил, зачем Брендан приехал и сколько времени собирается тут пробыть. И никогда не пытался выяснить, думает ли племянник вернуться в Лондон и как все это расценивают его родители.

Винсент полагал, что со временем все устаканится, и постепенно так и произошло.

День шел за днем. И ни разу два Дойла, дядя и племянник, не обменялись ни одним резким словом. Если честно, слов вообще было немного. Однажды Брендан намекнул, что было бы неплохо ему сходить на танцы в соседнюю деревню, Винсент ответил, что это и в самом деле недурная идея. Сам он был не слишком силен в танцах, но слышал, что это хорошая разрядка. Он направился к запертой в бельевом шкафу жестянке, в которой хранились деньги, и выдал Брендану сорок фунтов, чтобы тот что-нибудь купил себе.

С тех пор время от времени Брендан стал прибегать к помощи заветной жестянки. Сначала он каждый раз спрашивал позволения у Винсента, но как-то тот сказал, что это их общие деньги, и Брендан может свободно ими распоряжаться.

Расходов было немало, и от случая к случаю Брендан помогал по вечерам в баре, чтобы заработать дополнительно несколько фунтов в общую копилку. Винсент никогда не просил его об этом, но в то же время не протестовал и не запрещал подобных подработок.

Брендан только ухмылялся про себя и представлял, как прореагировали бы на это обитатели Солтхилла.

Он ничуть не скучал по дому и иногда даже начинал сомневаться, любит ли в самом деле своих домашних. А если нет, то, может, он какой-нибудь нравственный урод? Все книги, которые он читал, все фильмы, которые он смотрел, рассказывали о любви; к ней сводилось так или иначе все, о чем писали в газетах. Неужели он, Брендан, совершенно неспособен любить? Может, он какой-нибудь недочеловек?

Наверное, чем-то подобным был и Винсент, во всяком случае, он никогда никому не писал писем и не предпринимал попыток для более или менее тесного общения с другими людьми. Потому и предпочитал жить здесь, среди этих скал, каменистых дорог и бескрайних небес.

Все — таки это не совсем нормально, подумал Брендан, — дожить до 22 лет и не получить поздравления ни от единой живой

души. Если бы он сказал об этом Винсенту, тот посмотрел бы на него задумчиво и произнес бы что-нибудь вроде: «В самом деле?». Он не сумел бы ни поздравить с праздником, ни предложить праздничный тост...

Винсента не было дома. Вернуться он собирался к обеду. Сегодня они намеревались подкрепиться куском холодного бекона с помидорами. На гарнир — картошка, потому что дневная еда без доброй порции горячей картошки представлялась Винсенту совершенно бессмысленной. Баранину они не ели никогда. И не из-за какого-нибудь чувства деликатности по отношению к животным, благодаря которым держалась вся их жизнь; просто у них не было достаточно большой морозильной камеры, какие были у многих из их соседей. Те-то могли позволить себе закалывать по овце каждые несколько месяцев. А покупать мясо в магазине слишком дорого, когда продаешь овец за гораздо меньшую цену.

И вдруг на горизонте показался фургончик почтальона Джонни Райордана.

— Я тут везу для тебя целый ворох писем, Брендан. Похоже, скоро у тебя день рождения или что-нибудь в этом роде, — сказал Джонни весело.

— Да. — Брендан становился столь же немногословным, как и его дядя.

— Так, значит, я могу рассчитывать, что ты угостишь всех нас пинтой доброго эля?

— Почему бы и нет?

Отец прислал открытку с изображением забавного котенка — совершенно неподходящую для вечно зажатого, нелюдимого отца. При этом слово «отец» было выписано особенно изящно. И ни слова о любви, никаких пожеланий. Ну да, так и должно быть. Мамина открытка была более цветистой; казалось, мать все никак не могла поверить, что ее сын уже вырос, но при этом интересовалась, есть ли у него подружки, и высказывала пожелание поскорее увидеть его женатым.

Открытка от Хелен была полна мира и благословений. Там было несколько слов о сестрах и о странноприимном доме, который они готовили к открытию, о деньгах, которых им так не хватало, а также смешная история о том, как две монахини ходили играть на гитаре на

станцию Пикадилли и как потом общественное мнение в монастыре разделилось в оценке их поступка. Хелен всегда писала так, будто на сто процентов была уверена, что он знает всех упомянутых людей, помнит их имена и интересуется их жизнью. В конце она приписала: «Пожалуйста, со всей серьезностью отнесись к письму Анны».

Вот и его черед. Брендан не спешил вскрыть конверт. Быть может, речь пойдет о каких-нибудь дурных новостях, к примеру, у отца обнаружился рак или матери предстоит лечь в больницу на операцию? Лицо его с презрением скривилось, когда он прочел о предстоящей годовщине. Ничего у них не изменилось. Решительно ничего! Они завязли во времени, словно в тине, застряли в мире, где значение имеет только всякая чепуха и ничего не значащие ритуалы. В особенности раздосадован он был просьбой Хелен принять все это всерьез. Они еще и его хотят втянуть в эту ерунду!

Брендан чувствовал раздражение и беспокойство, как всегда, когда его пытались впутать в семейные дела. Он вскочил на ноги и вышел из дома. Ему хотелось немножко побродить по окрестностям. Там была стена, которой необходимо было заняться. Возможно, для ее ремонта потребуется нечто большее, чем просто перекладка камней, которой они с Винсентом занимались постоянно.

По дороге ему встретился Винсент, возившийся с застрявшей в калитке овцой. Напуганное животное толкалось и брыкалось с такой силой, что освободить его, казалось, невозможно.

— Ты как раз вовремя! — воскликнул Винсент, и вдвоем они быстро вытащили из калитки племенную скотину. Та неистово блеяла, уставившись на них своей глупой мордой.

— Что с ней такое, она, случаем, не поранилась? — спросил Брендан.

— Да нет. На ней ни царапины.

— Откуда же этот кошачий концерт?

Винсент бросил задумчивый взгляд на удрученную овцу.

— Похоже, она задавила собственного ягненка. Затоптала бедного малыша до смерти.

— Глупая толстая скотина! — сказал Брендан, — сначала валяется на собственном ягненке, а потом еще умудряется застрять в калитке. Вот уж действительно — овца!

Овца доверчиво посмотрела на них и огласила окрестность громким бляением.

— Она даже не понимает, что я ее оскорбляю, — воскликнул Брендан.

— Да ей наплевать! Она ищет своего ягненка!

— Что, не знает, что сама его и прикончила?

— Конечно, нет! Откуда ей знать? Домой к обеду они пришли вдвоем.

Винсенту бросились в глаза открытки и конверты.

— У тебя, похоже, день рождения! — сказал он.

— Да... — раздраженно буркнул Брендан. Винсент посмотрел на него:

— Хорошо, что они не забывают о тебе. Напомнить потом, чтоб ты не забыл ответить.

— Не так уж это важно. — Брендан все еще злился. Он мыл картофель в раковине и складывал его в большую кастрюлю с водой.

— Хочешь, я разложу письма на каминной полке? Таких предложений Винсент никогда еще не делал.

— Нет, спасибо.

— Дело твое.

Винсент собрал письма в аккуратную стопку. Он заметил длинное письмо от Анны, но воздержался от комментариев. Ждал, пока Брендан сам начнет разговор.

— Анна пишет, что я должен вернуться в Англию и принять участие в этом спектакле — праздновании серебряной свадьбы родителей. — Слово «серебряной» он произнес с насмешкой.

— Серебряная — это сколько? — спросил Винсент.

— Ни много ни мало, двадцать пять.

— Неужели они так давно женаты? О Боже, Боже...

— А ты не был на их свадьбе?

— Ну, Брендан! Неужели ты думаешь, что меня приглашали?

— Они просят меня приехать. А я вовсе не собирался ехать туда в ближайшем будущем.

— Что ж. Все мы делаем то, что должны делать. Какое-то время Брендан обдумывал его слова.

— Да, пожалуй, — сказал он.

И они зажгли сигареты и налили две большие кружки чая, которыми у них обычно заканчивался обед.

— Я вовсе не нужен им там, буду только обузой. Мама будет извиняться за меня перед гостями, объяснять, почему я так поступил и почему я так выгляжу; отец будет поддразнивать меня, задавая всякие вопросы.

— Отлично. Ты ведь уже сказал, что не поедешь. Так зачем нам беспокоиться обо всем этом?

— До октября точно не поеду.

— До октября? — Винсент, казалось, был удивлен.

— Как это на них похоже — затеять суматоху загодя! Они замолчали, но по лицу Брендана было видно, что он так и не принял пока окончательного решения, а его дядя понимал, что им еще предстоит вернуться к этому вопросу.

— Вообще-то, не так уж трудно навестить их раз в несколько лет. Не такой уж подвиг, а для них, может быть, важно.

— Тебе решать, приятель.

— Ты ведь не будешь мне подсказывать, как поступить?

— Конечно, не буду.

— Эта поездка может оказаться слишком дорогим удовольствием. — Брендан бросил взгляд на жестянку из-под печенья.

— Ты же знаешь — на такое дело деньги у нас всегда найдутся.

Он действительно знал это, но просто надеялся найти хоть какое-нибудь оправдание для себя.

— Ведь там я буду лишь одним из всей этой толпы родственников и знакомых; если я все же соберусь поехать, пусть уж лучше тогда, когда сам захочу.

— Пусть будет так, как ты считаешь нужным.

За стенами дома они слышали блеяние. Овца с глупой мордой, та самая, что задавила ягненка, все еще пыталась его найти. Она пришла к дому — видно, надеялась, что он спрятался от нее там. Винсент и Брендан смотрели из окна кухни. Овца продолжала блеять.

— Она была бы плохой матерью, даже если бы он выжил, — заметил Брендан.

— Она всего лишь следует своим инстинктам. Сейчас ей хочется его увидеть. Чтобы убедиться, что все в порядке.

Это была одна из самых длинных реплик, какую произнес Винсент за всю свою жизнь. Брендан посмотрел на дядю, и вдруг ему захотелось прикоснуться к нему. Он нежно обнял старика за плечи, тронутый до глубины души его добротой и великодушием.

— Я еду в город, Винсент, — сказал он, — хочу написать пару писем и заработать денег на пиво.

— В нашей жестянке достаточно денег, — ласково ответил Винсент.

— Конечно. Я знаю.

Брендан вышел во двор и прошел мимо одинокой овцы, все еще ищущей своего мертвого ягненка, завел старую машину и поехал в город. Пожалуй, ему все-таки следует появиться на родительской серебряной годовщине. Ведь оторваться от здешней жизни ему для этого придется совсем ненадолго. От жизни, которую он так любил. Да, он вполне может потратить немного времени, чтобы показать, что с ним все в порядке и что он, как и прежде, — член семьи.

3. ХЕЛЕН

Старик посмотрел на Хелен с надеждой. Он видел перед собой двадцатилетнюю девушку в сером свитере и такой же юбке. Волосы прихвачены сзади черной резинкой, но кажется, что в один прекрасный момент им удастся вырваться и рассыпаться по плечам; глубокие живые глаза синего света и веснушчатый нос. В руках она держала черный полиэтиленовый пакет и болтала им из стороны в сторону.

— Мисс, — обратился к ней старый пьянчуга, — не могли бы вы сделать мне небольшое одолжение?

Хелен сразу остановилась, как будто давно была готова к этой просьбе. Бывают прохожие, которые спокойно идут себе дальше, но бывают и такие, что останавливаются. Многолетний опыт научил старика отличать одних от других.

— Разумеется. Чем же я могу вам помочь? — спросила девушка.

Он еще колебался. Ее улыбка была слишком открытой. Слишком благожелательной. Обычно люди бормотали в ответ что-нибудь вроде того, что у них нет мелочи или что они очень спешат. И даже если и соглашались помочь, то особого рвения при этом отнюдь не выказывали.

— Деньги мне не нужны, — сказал он.

— Конечно же нет, — подхватила Хелен таким тоном, будто сама мысль о том, что этому старику в подвязанном веревкой балахоне с пустой бутылкой в руках могут понадобиться деньги, была оскорбительной.

— Я всего-навсего хотел попросить вас зайти в это заведение и взять для меня еще одну бутылочку. Эти сукины дети сказали, что больше мне не дадут, не разрешили даже показываться в их чертовой лавке. Так что я дам вам два фунта, а вы пойдите и купите мне бутылку.

На его землистом лице, обрамленном нестриженными космами и заросшем щетиной, поблескивали хитрые глазки. Он просто наслаждался гениальностью своего плана.

Хелен присмотрелась к нему повнимательней.

Конечно, это ирландец, в крайнем случае — шотландец. У Хелен создавалось впечатление, что пьяницы из Уэльса навечно осели в сонных долинах своего края, а настоящие англичане, наверное, никогда не пили в таких количествах и так напоказ. В этом была какая-то тайна.

— По-моему, вам уже хватит.

— Откуда вам знать, хватит мне или нет? Ну да не будем спорить. Сойдемся на том, что обсуждению это не подлежит.

Хелен встрепенулась: он говорил так гладко, прибегал к таким выражениям... Как же низко опустился этот человек, выражающийся подобным образом! Как такое могло произойти?

И тут же она почувствовала себя виноватой за эту мысль. Именно так сказала бы бабушка О'Хаган. А Хелен ни за что бы с ней не согласилась. И вот теперь Хелен двадцать один год, и она уже думает точно так же, как бабушка.

— Это не принесет вам пользы, — сказала она и добавила вдохновенно, — я говорю так, потому что желаю вам только хорошего, а еще одна порция алкоголя ни к чему хорошему вас не приведет.

Однако склонный к красноречию и утонченным выражениям пьяница только рад был случаю поспорить:

— Однако не от вас я получу спиртное, дорогая моя леди, — торжественно объяснил он, — этот пункт не входит в заключенное между нами соглашение. Вы всего-навсего выступите в качестве моего доверенного лица на получение алкоголя. — Он не сомневался в неотразимости своих аргументов.

— Но ведь это убьет вас.

— Я могу получить свою выпивку в любом месте. У меня есть два фунта, и я всегда найду, где напиться. Сейчас мы спорим не об этом, а о слове, которое вы мне дали, а теперь хотите забрать обратно. Сказали, что готовы оказать мне услугу, а теперь отказываетесь.

Хелен, как буря, ворвалась в крохотную лавку.

— Бутылку сидра! — потребовала она, сверкая глазами.

— Какого?

— Не знаю. Любого. Этого, — она ткнула пальцем в сторону понравившейся ей бутылки. Снаружи пьяница стучал в окно и отчаянно тряс своей заросшей головой, указывая в совершенно другую сторону.

— Вы случайно не для того пьянчужки покупаете? — поинтересовался продавец.

— Нет, для себя, — произнесла Хелен виноватым голосом и совершенно ненатурально. Пьяница продолжал лихорадочно тыкать рукой, указывая на что-то совсем другое.

— Послушайте, леди, умоляю вас: не давайте ему больше.

— Да продадите вы мне эту бутылку сидра или нет? — Во время коротких вспышек гнева Хелен могла быть очень убедительна.

— Два восемьдесят, — сказал продавец.

Хелен протянула деньги, свои собственные деньги, и получила бутылку, упакованную для нее в полиэтиленовый пакет.

— Ну, — обратилась она к старику, — теперь я выполнила свое обещание?

— Нет! То, что вы купили — гадость, ослиная моча, годная только для разъездной торговли. Я не пью то, что продают в этих чертовых разрисованных бутылках.

— Ну и не надо! — На глазах Хелен выступили слезы.

— И как же хорошо, что я не потратил на эту дрянь ни пенни из своих честно заработанных денег.

— Можете взять бутылку в качестве подарка, — Хелен чувствовала бесконечную усталость.

— О Высокочтимая и Могущественная Леди Дрянь! — завопил пьяница во всю глотку и тут же основательно приложился к бутылке, даже не потрудившись вытащить ее из пакета.

Его лицо казалось Хелен бесконечно отвратительным, но отвести от него взгляд она была не в состоянии и с ужасом взирала, как исчезает выпивка в бездонной глотке.

— Ослиная моча! — снова заорал пьяница. — Эта банда трактирщиков разлила ее по бутылкам и теперь выдает за спиртное!

Он просунул голову в окно лавки и принялся кричать с новой силой:

— Выходи, ты, вор и разбойник, посмотри, что за пойло ты продаешь!

Неподалеку стояли лотки с яблоками, апельсинами, картофелем и грибами. Пьянчужка принялся методично переворачивать их один за другим, по-прежнему сжимая в руках уже почти пустую бутылку.

Из магазина выскочили служители. Двое схватили разбушевавшегося старика, а третий отправился за полицией.

— Спасибо вам большое, — обратился к Хелен продавец, обслуживший ее в лавке. — Отличная работа!

— Будешь знать, как меня не слушаться! — продолжал орать пьяница, и пена выступила у него на губах.

— Такие, как она, не слушают никого, приятель, — раздраженно сообщил ему хозяин лавки, безуспешно пытаясь унять буйна.

Хелен неуклюже бочком поплелась от неприглядной сцены. Ей казалось неудобным повернуться спиной к тому хаосу, к той неразберихе, которые она натворила. Но подобное случилось с нею так часто!

Всюду, где бы она ни появилась.

Вернувшись в монастырь, Хелен решила ничего не рассказывать сестре Бриджид. Ведь так легко можно было бы истолковать все это неправильно! Сестры ничего бы не поняли, как это обычно и происходило. А ведь тот человек мог бы стать еще более буйным и опасным, если бы никто не поднес ему выпить. Он мог бы разбить окно или кого-нибудь покалечить. Но Хелен вовсе не собиралась говорить об этом. Не то Бриджид будет опять смотреть на нее с жалостью и гадать, почему же неприятности словно ходят по пятам за Хелен Дойл.

Ведь ей все равно придется задаться этим вопросом в тот день, когда Хелен предложено будет принять обеты и стать членом общины, а не прихлебательницей на птичьих правах, каковой она пока еще себя ощущала. Ну сколько еще можно ее испытывать? Почему сестра Бриджид все откладывает и откладывает тот день, когда Хелен, наконец, будут принимать всерьез? Ведь она трудится так же старательно, как и другие сестры. Она прожила с ними уже три года, и все-таки ее приход в монастырь все продолжают рассматривать как преходящий каприз.

Даже самые незначительные и случайные события в жизни Хелен способствовали сомнениям на ее счет. Это было ужасно несправедливо, и сейчас ей вовсе не хотелось рассказывать сестрам о неприятном инциденте, невольной участницей которого она стала, ведь и этот случай можно истолковать не в ее пользу.

Вместо этого Хелен принялась думать о серебряной свадьбе родителей и о своем возможном участии в подготовке праздничных мероприятий.

С одной стороны, у нее нет денег или какого-нибудь имущества, так что рассчитывать на ее вклад в этом смысле родственники вряд ли могут. А кроме того, она приняла обет бедности, или, точнее говоря, собиралась принять, и теперь в какой-то мере утратила представление о мирских заботах. И хотя она, как и прочие сестры, ежедневно выходила работать за стены монастыря, размышлять о более практической стороне жизни, столь важной для мамы и Анны, она не могла. А вот договориться о праздничной мессе... Но и тут она была не вполне уверена: вдруг старый священник из их приходской церкви не справится с этой задачей на современном уровне?

Нет, лучше предоставить все это Анне, у нее свободного времени хоть отбавляй. Анна так сердилась каждый раз, когда Хелен пыталась ей чем-то помочь, что лучше, пожалуй, вообще не вмешиваться и только отвечать по мере необходимости: «Да, Анна» или «Нет, Анна». Такие ответы наверняка бы понравились сестре Бриджид. Она-то умела отвечать тихим и ласковым голосом, что иногда казалось Хелен проявлением равнодушия и даже лицемерия. Но Бриджид уверяла: это именно то, что требуется людям. И порою Хелен с тоской думала, что, наверное, так оно и есть на самом деле.

Что касается мамы, то она вообще не любила ясности, предпочитала туманность, недоговоренность, а еще лучше умолчание. Пожалуй, она была бы даже рада, если бы Хелен родилась глухонемой.

С этой мыслью Хелен добралась до здания монастыря св. Мартина, где обретались сестры. Впрочем, Бриджид никогда не называла этот дом монастырем, хотя, конечно же, это был настоящий монастырь. Бриджид называла его обителью св. Мартина или просто Домом. Но и не запрещала Хелен Дойл использовать для именованя этого краснокирпичного здания, где жили сестры и куда возвращались они после трудового дня, слово более формальное и официальное.

Нессе было поручено работать с молодыми мамашами, многим из которых не исполнилось еще и шестнадцати. Она пыталась обучить их некоторым навыкам материнства. Когда-то у нее самой был ребенок — Хелен не могла припомнить, мальчик или девочка, — Несса выходила его в одиночку, но, к несчастью, он умер, едва ему исполнилось три

года. Сестры не слишком распространялись на этот счет. А позже у Нессы появилась неутолимая потребность заботиться о чьих-нибудь детях. Сама Бриджид чаще всего работала в дневном центре по призрению нищих. Готовила обеды, пыталась обеспечивать несчастным ванну и обработку от блох. Сестра Морин занималась реабилитацией группы бывших заключенных. Да, прошли те дни, когда монахини только и делали, что полировали столы в приемной у епископа. Теперь сестрам пришлось вступить на путь труда во славу Божию, благо, улицы Лондона предоставляли для этого полный набор возможностей.

Хелен несколько раз переходила с места на место, пока не попала к св. Мартину. Ей понравилось работать с сестрой Бриджид в ее центре. И больше всего привлекало то, что Бриджид предоставляла ей абсолютную свободу действий, лишь изредка заглядывая посмотреть, как идут дела. Таким образом, Хелен почувствовала себя нужной и умелой, а значит, и готовой стать полноправным членом монастырского сообщества.

Хелен полагала, что обеты послушания, бедности и целомудрия не составят для нее никаких проблем. Ей не нравилось устанавливать собственные законы и создавать новые правила, она предпочитала следовать правилам уже установленным и устоявшимся. Ей не нужны были деньги на яхты или драгоценности, она только смеялась, когда кто-то упоминал о подобных вещах. И целомудрие. Она была уверена, что в этом заключено ее призвание. Ее собственного, весьма скромного опыта оказалось вполне достаточно, чтобы окончательно утвердиться в этом мнении.

Хелен приходилось работать на кухне, когда наступал ее черед быть «прислужгой». Бриджид не нравилось это слово, хотя в наше время ничего оскорбительного в нем нет.

Она вздохнула — вечно она понимает все не так, как другие, — и вошла в двери монастыря св. Мартина. В этом месяце была очередь сестры Джоан «работать по дому», как Бриджид предпочитала говорить. Джоан закричала из кухни, как будто заранее знала, кто пришел:

— Ты как раз вовремя, Хелен! У меня есть для тебя поручение.

Вздрогнув, Хелен вспомнила, откуда взялся тот пустой полиэтиленовый мешок, что свободно болтался у нее в руке по дороге

к дому. Она обещала забежать на рынок и купить по дешевке остатки продуктов, которые торговцы не сумели распродать в течение дня. Хелен совершенно об этом позабыла, а ведь именно потому она и очутилась в районе дешевых лавочек, где встретила своего пьяного соотечественника, которому помогла утопить остатки разума. Ей дали три фунта на овощи. А она потратила их на выпивку для алкоголика!

— Присядь, Хелен, это еще не конец света, — сказала Джоан, которая, не успев ознакомиться со всеми подробностями, ухватила основное — рассчитывать на овощи уже не приходится. — Присядь и утри слезы. Я приготовлю тебе чашку чая, как только закончу мыть картошку. Сегодня у нас будет картошка в мундире и немного сыра. Всем хватит.

Несса устала. У нее выдались на удивление тяжелые сутки. Одна восемнадцатилетняя мамаша весь день проплакала в углу, пока ее историю обсуждали социальные работники и полицейский. Благодаря Нессе ее ребенок будет жить. Но что это будет за жизнь?

Два дня она не показывалась в приюте, и Несса забеспокоилась. Дверь в многоквартирном доме, где жила девушка, как всегда, была открыта, и только Несса вошла, она тут же обнаружила Саймона, ползущего по отвратительно грязному коридору. Повсюду были разбросаны винные и пивные бутылки, пахло мочой, валялись сломанные велосипеды и корзинки с торчащими прутьями. Саймон уверенно полз по направлению к открытой двери. Через минуту он мог оказаться на улице и попасть под первый попавшийся автомобиль или мотоцикл. Ребенок запросто мог погибнуть.

Но раз уж он жив, пришлось обработать дурно пахнущие раны на его теле. Были сделаны противостолбнячные прививки, а ушибленный глаз, к счастью, уцелел.

Мать не била его, в этом Несса была совершенно уверена, но она была слишком легкомысленна, чтобы следить за ребенком. А ведь кому-то надо за ним ухаживать, когда его выпишут из больницы. Еще долгое время он будет нуждаться в заботе. И это должна была быть настоящая забота, забота с большой буквы.

Несса была совершенно не в настроении слушать объяснения Хелен и смотреть на ее слезы. Она оборвала ее достаточно быстро:

— Итак, ты опять забыла про овощи. Ну и что? Успокойся, Хелен. Так будет лучше.

— Это я во всем виновата. Я не хочу, чтобы вы обвиняли сестру Джоан.

— О Боже мой, Хелен! Ну кто же в здравом уме будет обвинять сестру Джоан или какую-нибудь другую сестру? Прекрати сейчас же!

Это было одно из самых резких замечаний, прозвучавших когда-либо в доме св. Мартина, признанном центре мира и согласия.

Сестра Джоан и сестра Морин потрясенные смотрели на Нессу, поднимающуюся по ступеням с бледным лицом.

Хелен уставилась на всех троих и снова разрыдалась.

Сестра Бриджид, казалось, не замечала возникающих иногда столкновений. Когда-то Хелен считала это недостатком безупречного во всем прочем характера, но позже поняла, что в этом проявляется благословение Божие, возможно, Бриджид даже развивает его в себе специально. Когда все они сели за стол, склонив головы и слушая, как сестра Бриджид благословляла трапезу, не было высказано ни одного намека на красные глаза Хелен. Никто не подал виду, что заметил, будто лицо у Нессы бледное и расстроенное; наоборот, все только заботливо передавали им соль, хлеб и улыбались, может быть, чаще, чем обычно. Все одиннадцать женщин, включая Бриджид, невозмутимую мать-настоятельница, никогда не пользовавшуюся этим титулом. Она была очень сурова с Хелен, когда та называла ее преподобной матерью.

— Но разве вы ею не являетесь? — робко пыталась возражать Хелен.

— Все мы здесь — сестры; это община, наш дом, а не учреждение, где установлены степени или отличия.

Было не просто усвоить это поначалу, но три года спустя Хелен почувствовала, что заслужила право жить в Доме. Покусывая губы, она смотрела на десятерых женщин, болтающих друг с другом во время нехитрой еды. Тем более нехитрой, что она позабыла про овощи.

Они спокойно разговаривали о работе, которую выполнили в течение дня, о поучительных или забавных случаях, о возможности кому-то помочь здесь или предупредить беду там. Бриджид говорила,

что не следует приносить свои заботы к общему обеденному столу или даже просто в дом, иначе св. Мартин будет погребен под тяжестью всех переживаний этих работниц социального дна. Да и сами они будут слишком удручены, чтобы продуктивно работать, помогая людям преодолевать их горести. Каждой из сестер нужен отдых, время, для того чтобы прийти в себя. О роскоши замкнутой жизни в стенах монастыря, к которой привыкли монахини предшествующих поколений, они не могли даже и мечтать. Правда, у них не было и той ответственности и обязанностей по дому и семье, которыми связаны в миру замужние женщины. Им не приходилось заботиться о собственных детях, у них не было тесных связей и отношений с людьми за монастырскими стенами. Иногда Бриджид говорила, что маленькие монашеские сообщества, подобные общине св. Мартина, идеально приспособлены для служения постоянно возрастающим нуждам лондонского люда. Единственное, чего она опасалась и о чем постоянно предупреждала сестер, это чрезмерное погружение в себя или, напротив, в пучину повседневной суеты; и то и другое могло замутнить чистоту их религиозного служения, потому что помощь ближнему зачастую становится в этих случаях как бы самодостаточной.

Хелен оглядела лица сестер: кроме Нессы, которая по-прежнему выглядела не слишком хорошо, с остальными все в порядке. Случайно услышав их застольный разговор, и не подумав, что многие из них провели сегодняшний день в судах или полицейских участках, центрах для безработных или тайных пристанищах бездомных.

А как было приятно, когда все рассмеялись, выслушав ее рассказ о старой мешочнице, которая заявила к ним в это утро и потребовала, чтобы ей дали пальто. В обязанности Хелен входили сортировка, чистка и мелкий ремонт одежды, которую жертвовали для бездомных. Одна солидная прачечная изредка позволяла им бесплатно пользоваться стиральной машиной при том условии, что все остальные ее клиенты никогда в жизни не узнают о том, чьи вещи стираются там вместе с их бельем.

Старуха была очень настойчива:

— Только не зеленое, сестра; зеленый цвет всегда был для меня несчастливый! Нет, это красное чересчур кричащее, в мое время только женщины определенного сорта ходили в красном. Мне

нравится розовато-лиловый с сиреневым отливом. Нет? Ну, хорошо, давайте остановимся на коричневом. Раз у вас нет ничего более радостного по случаю наступления весны. Очень жаль, — последовал тяжелый вздох. Хелен Дойл изобразила ту женщину так живо, что все присутствующие почувствовали себя участниками сцены.

— Тебе бы в театре играть, Хелен! — восхищенно воскликнула Джоан.

— Может быть, когда-нибудь так и будет, — невинно заметила Морин.

Хелен помрачнела:

— Но почему? Ведь мое место — здесь. Почему никто из вас не верит, что я хочу остаться? Я присоединюсь к вам, как только вы мне это позволите. — Губы Хелен предательски задрожали.

Сестра Бриджид поняла, что пора ей вмешаться.

— Ну, и как она выглядела, та старушка, в коричневом пальто?

С усилием Хелен вернулась к рассказу о забавной нищенке. Еще ей нужен был шарф, что-нибудь в тон к пальто, как она выразилась, как будто была в магазине дамских аксессуаров или в модной лавке.

— В конце концов я подобрала ей шляпку, желтую шляпку с коричневым пером, и отдала свою собственную желтую брошку. Я ей сказала, что вместе они образуют прекрасную цветовую гамму. Она кивнула мне с видом королевы-матери, очень грациозно, потом подобрала с пола свои четыре мешка с мусором и вернулась обратно на набережную.

— Отлично, Хелен, — заключила сестра Бриджид. — Если ты хотела, чтобы все выглядело как в магазине с широким выбором товаров, то получилось как надо. Эта женщина ничего не взяла бы, если бы ей что-то предложили из милости. Молодец!

Все остальные тоже улыбнулись, и Морин шире всех.

— Никто лучше, чем Хелен, не сумел бы управиться с этим старым барахлом, — сказала Несса, стараясь загладить свою недавнюю бестактность.

— Наверное, это просто из-за того, что я там на своем месте...

— Не быть тебе мешочницей, Хелен, — сказала Бриджид ласково. — Ты растеряешь все свои мешки.

Смех, прозвучавший за монастырской трапезой, был добродушным и естественным, и Хелен прониклась чувством дома и

умиротворения.

Среди ночи ей показалось, что она слышала, как Несса встала и спустилась вниз. Это был старый дом, наполненный стуками и скрипами. Каждая из сестер с легкостью узнавала звук шагов и покашливания любой из своих товарок. Как в семье.

Хелен уже готова была подняться и спуститься вниз на кухню вслед за Нессой, чтобы глотнуть колы и поболтать. Рассказать про того пьяницу и как она из-за него расстроилась. Но передумала. Бриджид часто говорила, что самое последнее, что нужно человеку, когда он находится наедине с собой, это чье-то вмешательство с предложением чашечки чая и сочувствия. Хелен так не думала. Ей-то всегда этого и не хватало. Отец вечно был усталый, мама — всегда чем-то озабочена, Анна слишком занята делами, а Брендан слишком занят собой. Вот почему Хелен пришлось искать другую семью, где у каждого находилось время для ближнего. Вот в чем был смысл их общины. В том, чтобы слушать.

Пока Хелен размышляла, на лестнице послышались легкие шаги сестры Бриджид. И Хелен тихонько спустилась послушать, о чем же они будут разговаривать.

Как ни странно, речь все больше шла о саде и о том, что надо посадить. Бриджид сказала, что на кустарник всегда приятно смотреть из окна.

— И когда только ты отдыхаешь, сестра? — воскликнула Несса с восторгом и некоторой долей упрёка в голосе.

— Я часто присаживаюсь передохнуть. Это как при перезарядке аккумуляторов: посидела немного и можешь работать снова.

— Ты никогда не выглядишь усталой, Бриджид!

— Хотя, на самом деле, устаю, как и все. Уж поверь мне. Старею, наверное. Ведь мне скоро уже сорок.

Несса громко засмеялась:

— Не смейся меня, тебе только 34.

— Да, но сорок лет — следующая веха на моем пути. Я не жалуясь. Просто, значит, у меня нет уже той энергии, что была раньше. Во мне накопилось слишком много чужой боли и горя. Кто займется садом, Несса? Ты же не можешь оторваться от своих детей.

— Мне кажется, после случившегося сегодня я смогу с легким сердцем отпустить на свободу только двоих. Мне трудно судить, но...

— Ш-ш-ш... Кто заставляет нас этим заниматься? Ты знаешь, ведь это тяжелая работа — превращать заросший бурьяном сад в нечто, исполненное тишины и покоя.

— Может быть, Хелен? — В голосе Нессы чувствовалось сомнение.

Хелен почувствовала, как краска разливается по ее лицу.

— Ну, уж она-то возьмется с охотой. К тому же, у нее столько воображения... — в голосе сестры Бриджид тоже звучало некоторое сомнение. — Беда только в том, что...

Несса тут же продолжила:

— Беда только в том, что она теряет интерес к любому делу на полдороге. Ты это имела в виду?

Хелен чувствовала, как в ней разгорается гнев.

— Да нет. Просто не хочу, чтобы она думала, будто мы откладываем ее прием, не имея на то веских причин.

— Но ведь у нас есть эти причины? — Голос Нессы звучал удивленно.

— Да, ты прекрасно понимаешь это. И я понимаю. А Хелен — не понимает. Ну да ладно. Посмотрим. Пошли, Несса. Если мы, старухи, хотим, чтобы от нас здесь была польза, нам надо поспать хотя бы несколько часов. — Она рассмеялась. Смех у сестры Бриджид был такой милый, теплый.

— Спасибо, Бриджид!

— Я ничего не сделала и ничего не сказала.

— Все равно, ты очень мне помогла, — Несса, без сомнения, воспряла духом.

Хелен проскользнула обратно к себе в комнату и долго стояла, прижавшись к обратной стороне двери. Итак, они думают, что она не способна доводить дело до конца? Она еще покажет им, о Боже мой, она еще им покажет!

Она в одиночку перекопает всю эту землю! О, она разобьет прекрасный сад, где будет приятно посидеть, подумать, успокоиться, и тогда они поймут, что сестра Хелен ощущает важность их служения лучше, чем многие из них. И тогда они предложат ей, наконец, принять

обеты. И тогда она окончательно станет частью их мира. И будет в безопасности. В безопасности от всего остального.

Вскоре Хелен поняла, что в занятиях садоводством, как и во всем на свете, есть свои плюсы и минусы. Она нашла трех парней, которые заявили, что рады помочь сестрам в их великом труде по устройству сада для отдыха, и готовы выполнить самую тяжелую работу. Они притащили с собой кирки и лопаты и привели в неопиcуемый ужас сестру Джоан невероятным количеством чая, который выпивали каждый раз, и невероятным количеством масла, которое умудрялись намазывать при этом на хлеб. Во избежание полного разорения сестра Джоан уже хотела было заявить, что отныне работники будут получать еду только по вечерам, но страх совсем потерять бесплатную рабочую силу заставил ее отказаться от столь радикального решения.

Через три дня сестра Бриджид поблагодарила мальчишек и сказала, что не может больше пользоваться их услугами. Но те уже привыкли к хорошей еде и необычайной доброте сестер и вовсе не собирались покидать их. На участке они устроили невероятный беспорядок. Вся земля была перевернута, но ни малейшего намека на грядки не обнаруживалось.

Но Хелен продолжала работать. Она перекапывала землю до волдырей на руках. Все свободное время она проводила в библиотеках, перечитывая разделы «С чего начать» в книгах по садоводству. Она научилась различать виды почв и каждый вечер рассказывала сестрам забавные истории о размножении у растений.

— В школе нам никогда об этом не рассказывали, — возмущалась она. — А ведь это обязательно надо знать: в природе, с Божьего соизволения, мужское и женское начало обнаруживается повсюду, и в саду тоже, и даже растения изо всех сил стараются произвести на свет себе подобных.

— Будем надеяться, что все они будут расти и размножаться, ведь ты столько для них сделала, — сказала Бриджид. — Молодец, Хелен. Я не представляю, откуда у тебя столько энергии.

Хелен покраснела от удовольствия. Однако чуть позже неожиданно возникли новые проблемы. Откуда-то появилась некая приятная женщина. Не католичка и в чем-то даже не согласная с Папой, она искренне восхищалась деятельностью сестер. Но она

принесла с собой в подарок монастырю несколько растений. Устав от борьбы с грядками и покрасневшись от радости, Хелен убедила сестер, что это большая удача — им не придется покупать саженцы, за которые Бог знает какие деньги содрали бы в каком-нибудь центре садоводства.

Только кончился разговор, как пришла весть, что подаренные растения выкопаны в соседнем парке и у близлежащего отеля. О, сколько времени ушло на пересадку обратно каждого ростка и умиротворения прежних владельцев. Хелен сказала, что не выдаст имени дарительницы. Но слова ее были прерваны появлением молодой женщины из полиции, которая заявила, что речь здесь, вне всякого сомнения, идет о некоей миссис Харрис, а установить ее личность не представляет никакой сложности для любого полицейского констебля. Подобные поступки числились за миссис Харрис и раньше. По сведениям из полицейского участка, она изображала из себя эдакого современного Робина Гуда в юбке, и не раз ее уличали в том, что она таскала белье из стиральной машины, гладила его и раздаривала жителям соседних домов.

«Только Хелен могла позволить миссис Харрис вовлечь себя в эту авантюру», — вздохнули про себя сестры.

«Только Хелен могла втянуть нас в это дело», — подумала Бриджид, но на этот раз промолчала.

Хелен решила, что не будет больше отдавать все время саду. И даже отказавшись от помощи прожорливых работников и садовых воровок, она чувствовала, что в качестве садовницы не до конца выполняет обязанности члена общины. Она сказала, что хочет взять на себя еще частично работу судомойки, освободив, таким образом, половину дня для Джоан и Морин.

Предложение было принято. Без большого энтузиазма.

Все привыкли к тому, что Хелен могла забыть вытереть стол или приняться за мытье пола, как только начнется дождь. Они знали, что она никогда не догадается, что у них кончилось мыло или не хватает кукурузных хлопьев для завтрака. Кроме того, Хелен не умела как следует мыть посуду, не могла вовремя вывесить на просушку скатерти и салфетки. Однако она всегда жаждала оказать помощь.

Хелен взяла на себя обязанность отвечать на телефонные звонки и более или менее с этим справлялась. Вот почему она оказалась

«дежурной сестрой», когда явилась Рената Куигли.

Рената. Высокая и темноволосая, тридцать с небольшим.

Пятнадцать лет замужем за Фрэнком Куигли. Что вообще-то ей было нужно и как умудрилась она столкнуться с Хелен у св. Мартина? Хелен чувствовала, как стучит у нее сердце. Ей даже казалось, что оно колотится у нее в ушах. И в то же время было ощущение холода в самом низу живота.

Хелен не виделась с Ренатой со дня ее свадьбы, хотя ей и попадались фотографии Ренаты в журналах и среди деловых бумаг, которые приносил со службы домой отец. Миссис Фрэнк Куигли, урожденная мисс Рената Палаццо — вот она рассказывает какой-то забавный случай или следит с трибуны за ходом скачек, а вот вручает приз новичку года или направляется куда-то в окружении других высоких и важных персон по делам благотворительности. Она оказалась несравненно прекраснее, чем ожидала Хелен. Мама назвала бы ее кожу болезненной, но Ренате шел этот оливковый оттенок, подчеркивавший прекрасные громадные черные глаза и черные блестящие волосы, убранные в сложную прическу. Шарф, прихваченный брошью, казался неотъемлемой частью золотисто-зеленых одеяний. Маленькая кожаная сумочка тоже была разукрашена золотыми и зелеными квадратами. На лице видно было некоторое смущение, а длинные тонкие пальцы с темно-красными ногтями в нетерпении постукивали по краю сумочки.

— Могу я поговорить с настоятельницей? — обратилась она к Хелен.

Хелен смотрела на нее, раскрыв рот. Рената Куигли ее не узнала. Неожиданно Хелен вспомнился один старый фильм, где прекрасная актриса, глядя прямо в камеру, произносила: «Монахиню никогда не узнаешь в лицо». Подобное рассуждение, наверное, очень бы рассердило сестру Бриджид. Но Хелен никогда не забывала его. Правда, до этого момента она и представить себе не могла, как это верно. Рената Куигли стояла у входа в комнату, смотрела прямо ей в глаза и не узнавала ее, Хелен, дочь Дейрдры и Десмонда Дойлов, близких друзей ее мужа.

Хелен, которая в последнее время принесла столько проблем своей семье.

Но, возможно, Рената ничего об этом не знает. Никто ей ничего не говорил.

Все это в мгновение ока пронеслось у Хелен в голове, когда она, девушка в сером свитере и юбке, с крестом на груди, стояла в дверях, выйдя на звук колокольчика; ее волосы были схвачены простой черной резинкой, а лицо загорело от работы в саду.

Конечно, Рената не могла и представить себе, что так может выглядеть та девочка, которую она встречала на Розмари-драйв.

— Извините, но здесь нет никого, кроме меня, — ответила Хелен, постепенно приходя в себя.

— А вы состоите в общине? — Рената смотрела на нее с сомнением.

— Да. Я живу здесь, в общине святого Мартина, я принадлежу к общине, я одна из сестер, — Хелен выдавала желаемое за действительное, но она не даст Ренате уйти, пока не выяснится, что, собственно, ей здесь нужно.

— Это не так просто объяснить, сестра, — нервно произнесла Рената.

Хелен постаралась улыбнуться как можно шире.

— Очень хорошо. Проходите, садитесь и расскажите мне, в чем дело. Мы здесь для того, чтобы помогать людям.

А затем отступила в сторону, придерживая дверь, пока жена Фрэнка Куигли входила в обитель св. Мартина. В дом Хелен.

Это лицо, это худощавое смуглое лицо с выступающими скулами. Хелен Доил великолепно его помнила. Случалось, мама говаривала с некоторым оттенком злорадства в голосе, что когда-нибудь это лицо станет таким же полным и круглым, как и у всех вокруг, что все эти итальянские дамы средних лет с несколькими подбородками были когда-то худенькими девчонками с длинными лицами. Это все из-за их диеты, из-за их образа жизни, из-за невероятного количества оливкового масла, которое они потребляют с пищей.

Тогда Хелен была еще ребенком и сердилась на мать. Какое ей дело? Почему она так любит критиковать, находить в людях недостатки?

Потом, позднее, Хелен стала присматриваться к фотографиям Ренаты, и ей захотелось, чтобы у нее лицо вдруг стало таким же, чтобы вместо круглых ирландских щек и веснушек появились ямочки и

мягкая золотистая кожа. Она отдала бы жизнь, чтобы заполучить эти густые черные волосы, чтобы научиться носить эти длинные серьги, которые превращали Ренату в экзотическую принцессу из далекой страны.

— Я пришла сюда, потому что слышала о сестре Бриджид. Я думала... — она запнулась.

— Думаю, меня можно назвать уполномоченной сестры Бриджид, — сказала Хелен. В каком-то смысле так оно и было. Она ведь заменяет всех, когда других сестер нет дома. А это и значило: быть уполномоченной. — Я готова сделать для вас все возможное.

Хелен просто отбросила все прочие мысли, которые роились у нее в голове. Она забыла про фотографию Ренаты Куигли в серебряной рамке, что стояла на маленьком столике, накрытом белой скатертью, свешивавшейся до самого пола. Она забыла о Фрэнке Куигли, друге ее отца, со слезами, застывшими у него на глазах. Она старалась думать только о настоящем. О женщине, которая пришла к св. Мартину за помощью. Сестры Бриджид нет. Хелен ее замещает.

— Но вы так молоды... — Рената все еще сомневалась. Хелен собралась с силами. Она положила руку на крышку чайника и выдержала паузу, внимательно глядя на Ренату.

— Я гораздо опытнее, чем вам представляется. Какое легкомыслие! Имеет ли она право говорить так с женой Фрэнка Куигли?

На Розмари-драйв это было бы невозможно, и особенно в тот год, когда отец потерял работу. Хелен мысленно снова и снова возвращалась в прошлое, и вся история прокручивалась перед ее внутренним взором как фильм на том видеомагнитофоне, который она притащила однажды в монастырь. Какая-то компания предоставила его монахиням бесплатно на целый месяц. Сколько хлопот выпало тогда на долю Хелен!

Но это казалось полной ерундой по сравнению с тем временем, когда отец ушел от «Палаццо». Тогда каждый вечер в их семье держали военный совет, и мама строго-настрого предупреждала каждого из детей, чтобы они, не дай Бог, не проболтались об этом посторонним.

— Но почему? — Хелен только пожимала плечами. Она не могла смириться с тем, что ее сестра и брат приняли новый порядок вещей как должное. Из чего тут было делать секрет? Отец не виноват, что ему пришлось уйти с фирмы. Хелен считала, что он в любой момент мог найти какую-нибудь работу.

Она все еще помнила, как мать набросилась тогда на нее:

— Твоему отцу не нужна какая-нибудь работа. Ему нужна его работа у Палаццо. И скоро он получит ее обратно, так что вообще не о чем и разговаривать. Ты слышишь меня, Хелен? Ни единого слова об этом не должно быть проронено за порогом нашего дома! Все вокруг считают, что твой отец, как обычно, ездит каждое утро на работу в «Палаццо».

— Но как же он будет зарабатывать деньги? — спросила Хелен.

Вопрос был резонный. И она не раскаивалась в том, что задала его, как раскаивалась во многом другом, ею сказанном или сделанном.

Анна молчала, потому что ей было все равно.

Брендан молчал, потому что он молчал почти всегда.

Но Хелен молчать не могла.

Ей уже было шестнадцать, она заканчивала школу и не собиралась доучиваться, как Анна, в дополнительных классах уровня «А». И это несмотря на то, что по многим предметам она успевала гораздо лучше сестры. Нет, Хелен хотела посмотреть мир, попробовать то и другое, набраться опыта... В ней было так много жизни. В свои шестнадцать многим она казалась моложе, ее принимали за школьницу-переростка. Другим, наоборот, она казалась старше, и в ней видели двадцатилетнюю студентку.

Фрэнк Куигли не имел ни малейшего представления о ее возрасте в тот вечер, когда она очутилась у него в офисе.

Как обычно, все подступы к его кабинету находились под охраной женщины-дракона, некоей мисс Кларк. Интересно, она все еще там? Это было очень давно. Наверное, уже не надеется, что когда-нибудь мистер Куигли посмотрит ей в глаза и увидит, как прекрасны они без очков.

Хелен оставила свою школьную куртку внизу, у привратника, и расстегнула верхние пуговицы блузки, чтобы выглядеть более взрослой. Женщина-дракон не смогла ее удержать. Мало кто мог противостоять Хелен, когда она входила в раж. Довод следовал за

доводом, и с каждым разом она все ближе придвигалась к заветной двери. Раньше, чем секретарша успела что-нибудь сообразить, Хелен уже была внутри.

Рассерженная и взволнованная.

Фрэнк Куигли поднял глаза. Он был искренне удивлен. — Так-так, Хелен Дойл. Я думаю, тебе здесь не место.

— Я знаю, — рассмеялась она.

— Ты ведь должна быть в школе, а не врыватья в офисы к занятым людям.

— Я делаю многое, чего не должна делать.

Она уселась на краешек его стола, болтая ногами. Он смотрел на нее с интересом. Хелен была уверена, что поступила правильно, явившись сюда: молчание на Розмари-драйв не метод борьбы. Ей предстояло сражение.

— Чем могу быть полезен? — В словах Фрэнка звучала насмешливая галантность. Довольно интересный мужчина. Темные вьющиеся волосы. Конечно, уже немолод, в возрасте ее отца. Но другой.

— Я думаю, вы могли бы пригласить меня на ланч, — сказала Хелен. Таким образом выражались герои фильмов и телевизионных сериалов. Если это срабатывало там, должно сработать и здесь. И она улыбнулась ему улыбкой прямой и открытой, хотя внутри у нее все сжалось.

— Ланч? — Фрэнк коротко засмеялся. — Боже мой, Хелен, я не знаю, что у тебя за представления о нашей здешней жизни... — он замолчал, всматриваясь в ее обескураженное лицо. — М-да... Я не выходил из этого офиса на перерыв уже очень много лет.

— А я еще ни разу не была в ресторане, — просто сказала Хелен. И они решились.

Они отправились в итальянский ресторан. В зале было темно, почти как ночью, только на столах горели небольшие свечки.

Каждый раз, когда Хелен пыталась заговорить об отце, Фрэнк ловко уходил от этой темы. Она знала, что в телевизионных сериалах, посвященных большому бизнесу, стороны обычно приходят к соглашению за чашечкой кофе.

Но они не пили кофе. Вместо кофе был замбукка. Удивительный на вкус ликер с легким кофейным запахом. Хелен никогда не

пробовала ничего подобного.

— Похоже по вкусу на праздничный торт, — сказала она.

— Ты выглядишь неправдоподобно взрослой для своих семнадцати лет. Или тебе больше? — спросил Фрэнк.

Ей было только на руку, что он готов считать ее взрослой. В таком случае он должен относиться к ней более серьезно.

— Почти восемнадцать, — солгала она.

— Ты выглядела бы на восемнадцать, если бы не школьная форма.

— Конечно, выглядела бы, — согласилась Хелен. Чем более зрелой она будет выглядеть, тем с большим вниманием он будет слушать, когда придет ее время говорить.

Но время говорить все никак не наступало.

Он был удивлен, восхищен, уже похлопывал Хелен по щеке и даже поворачивал ее лицо поближе к слабому свету от стоявшей на столе свечки, чтобы увидеть, нет ли у нее на губах предательского следа от выпитого вина — ведь ей возвращаться в школу.

— Сегодня я не вернусь в школу, — уверенно возразила Хелен. Она смотрела Фрэнку Куигли прямо в глаза. — Я знаю об этом, и вы знаете об этом.

— Во всяком случае, я на это надеюсь, — сказал он, и голос его прозвучал хрипловато. Его рука продолжала ласкать щеку Хелен, он поглаживал ее волосы, так что поговорить об отце и его работе не было ни малейшей возможности. Она почувствовала некоторое облегчение, когда Фрэнк предложил ей отправиться к нему, чтобы обсудить все представляющие взаимный интерес вопросы поподробнее.

— Вы имеете в виду офис? — В ее голосе звучало сомнение. Там все могла испортить женщина-дракон.

— Я не имею в виду офис, — сказал он очень спокойно, глядя при этом прямо ей в глаза. — Ты знаешь об этом, и я знаю об этом.

— Хотелось бы надеяться, — сказала Хелен, подыгрывая ему.

Квартира оказалась поистине роскошной. Мама всегда говорила, что не может понять, почему человек с достатком Фрэнка Куигли до сих пор не приобрел собственный дом. Очевидно, дело было в том, что он имел виды на один большой белый дом с железными воротами и громадным, прекрасно возделанным садом. Дом семьи Палаццо.

Но мама и не догадывалась, насколько великолепна была его нынешняя квартира. И в самом деле, назвать это жилище квартирой просто язык не поворачивался. Она располагалась на двух этажах; по узкой лесенке можно было подняться наверх и выйти на длинный балкон с небольшим столиком и стульями. Кроме того, на балкон можно было выйти из спальни и из гостиной.

Они вышли из двери гостиной, чтобы полюбоваться открывавшимся с балкона видом. Сердце Хелен сжалось при мысли о том, что обратно, быть может, им придется идти через спальню. В испуге она спросила:

— А ваша жена?

Очень-очень давно, когда Хелен проигрывала этот момент у себя в голове, она обдумала все, что могла бы произнести в данной ситуации, и все, что ей надо было сказать... Как же так получилось, что единственная фраза, которая вырвалась у нее сама собой, свидетельствовала не только о ее желании и нетерпении, но и о страхе разоблачения?

— Ренаты здесь нет, — мягко сказал Фрэнк. — Ты знаешь это, и я знаю это, так же как оба мы знаем, что сегодня ты в школу уже не вернешься.

Она слышала, что попытки вычеркнуть что-либо из памяти — занятие небезопасное для здоровья. Хелен не очень заботило, опасно это или нет, но потом она долго пыталась позабыть этот вечер навсегда.

Ту минуту, когда путь назад был отрезан, взгляд, полный отчаяния и гнева, с которым она отпрянула от него.

Его настойчивость, ее боль, кровоточащая рана и страх из-за того, что он совсем потерял контроль над собой и способен совершить что угодно, даже убить ее. То, как он откинулся назад и застонал. Не как в первый раз, но со стыдом, а затем и гневом.

— Ты сказала мне... ты говорила, что тебе уже почти восемнадцать... — пробормотал он, обхватив руками голову. Он сидел на своей стороне кровати, совсем голый, белый и очень смешной.

Она же скорчилась на другой стороне кровати, под заключенным в серебряную раму портретом худощавой смуглолицей Ренаты. Рената смотрела на нее крайне неодобрительно, словно всегда догадывалась, что произойдет однажды на ее семейном ложе.

А Хелен лежала и смотрела на образ Богоматери, который называли Придорожной Мадонной. Богоматери не пришлось, по крайней мере, пройти через все это, чтобы произвести на свет нашего Господа. Там все произошло при помощи чуда. Хелен смотрела на икону, чтобы случайно не встретиться взглядом с Фрэнком Куигли, старинным другом ее отца, который плакал, уткнувшись лицом в ладони. Чтобы не видеть простыни, испачканные кровью, и не думать о том, как больно он ей сделал, и не следует ли ей теперь, вообще, отправиться к доктору. И как бы ей случайно не забеременеть.

Трудно сказать, сколько времени она так пролежала, пока не собралась с силами и не добралась до ванны, чтобы привести, наконец, себя в порядок. Ранка оказалась пустячной, кровотечение быстро прекратилось.

Она аккуратно оделась и припудрилась из принадлежавшей Ренате пудреницы, которая представляла собой не простую коробочку с крышкой, а большую стеклянную чашу, прикрытую мягкой розовой подушечкой.

Когда она вышла, Фрэнк, бледный, растерянный, злой, уже был одет.

— Постель?.. — начала было Хелен.

— Да забудь ты об этой чертовой постели...

— Я могла бы...

— Ты уже сделала все, что могла, — огрызнулся он. Глаза Хелен наполнились слезами:

— Все, что могла? Да что я такого сделала? Я просто пришла поговорить с вами о моем отце, спросить, почему его уволили, ведь это вы, вы всему этому виной! — И она махнула рукой в сторону кровати.

На лице Фрэнка отобразилось отчаяние:

— Твой отец? Ты совершила это, чтобы твой отец получил назад свою жалкую работенку? Боже мой, ты решила изобразить из себя шлюху, для того чтобы твой отец вернул себе свое копеечное, ничего не стоящее место в супермаркете?

— Никакая это не жалкая работенка. — Лицо Хелен потемнело от гнева. — Он занимал там очень важное место, а теперь, теперь он уволен, и мама говорит, что мы никому не должны рассказывать об этом, никому, ни родственникам, ни знакомым, а отец каждое утро

уходит из дому, чтобы все думали, будто он, как и прежде, каждый день ходит на работу.

Фрэнк смотрел на нее и не мог поверить своим ушам.

— Да, так он и делает, а я просто хотела позавтракать с вами и сказать вам напрямик, как это нехорошо, а вы должны были понять все это, потому что ведь вы — старый папин друг, еще по школе, вы там вместе с ним лазили через ограду... Он сам мне рассказывал... А потом вы хорошо устроились и женились на дочери своего босса... Вот чего я хотела, а шлюхой я никогда не была, я вообще ни с кем никогда не спала до этого и с вами вовсе даже и не собиралась, я и предположить не могла, что вы вдруг мной увлечетесь и все это произойдет, а вы теперь говорите, что это я во всем виновата... — И она залилась слезами.

Он обнял ее и прижал к себе.

— Боже мой, ты совсем еще ребенок! Как мне теперь быть, о Боже милосердный?

Она опять зарыдала ему в жилетку. Он осторожно отстранил ее от себя. Его глаза были полны слез.

— Я никогда не умел извиняться. Собственно говоря, у меня попросту нет слов, чтобы высказать тебе, как я виноват. Я никогда... Если бы только я мог предположить... я был совершенно уверен, что... Но теперь все это уже не имеет никакого значения.

Хелен никак не могла понять, всегда ли он любил ее или влюбился только теперь. Ведь люди влюбляются друг в друга так легко!

— Мы должны забыть обо всем этом, — сказала она наконец. Хелен знала, что в подобных случаях женщина берет инициативу на себя. Мужчины — они такие, начинают сомневаться и могут впасть в искушение. У Хелен же и тени сомнения не было.

— Но это произошло, и забыть о таком невозможно. Я постараюсь тебе как-нибудь помочь.

— Мы не должны больше видеться друг с другом, это небезопасно, — она посмотрела на портрет Ренаты.

Ей показалось, что Фрэнк несколько озадачен.

— Нет, конечно, — сказал он.

— И никто из нас никому ничего не расскажет. — Она была по-девчоночьи настойчива.

— О Господи, ну конечно же мы не станем болтать, — сказал Фрэнк с видимым облегчением.

— А как будет с моим отцом? — спросила Хелен, спросила напрямую, так, как она всегда делала, готовая для достижения своей цели преодолеть все и вся, не обращая при этом ни малейшего внимания на эмоции других людей.

На лице Фрэнка Куигли отобразилось страдание.

— Твой отец получит работу. Он говорил мне, что она ему не нужна, что у него множество предложений и он просто не знает, на котором ему остановиться. — Голос Фрэнка звучал холодно. — Он будет восстановлен в «Палаццо». Не прямо завтра; мне надо сначала переговорить с Карло, ведь в подобных вопросах необходимо соблюдать максимально возможную деликатность. Это займет некоторое время.

Хелен энергично кивнула.

— А ты сама, Хелен? Ты успокоишься, сможешь ли ты меня простить?

— Конечно. Это было недоразумение. — Голос Хелен звучал решительно, словно она стремилась сорваться с крючка как можно быстрее.

— Пусть так оно и будет, Хелен. А теперь послушай меня, пожалуйста. Единственное, о чем я хочу сказать тебе, что все это совсем не должно происходить так, как получилось у нас с тобой... На самом деле все это весело и приятно... — Он пытался объяснить ей, что произошедшее между ними ни в коем случае не должно стать для нее образцом секса на всю оставшуюся жизнь.

С таким же успехом он мог бы говорить со стеной.

— Вы уверены, что мне не следует позаботиться о простынях, застирать их или что-нибудь в этом роде?

— Нет.

— Но что же вы скажете жене?

— Пожалуйста, Хелен! — Его лицо снова исказилось болью.

— Могу я теперь уйти, Фрэнк? Казалось, он не в силах сосредоточиться.

— Я отвезу тебя... — Голос его звучал не слишком уверенно, и по лицу было видно, что он не совсем понимает, куда же, собственно, следует ее отвезти.

— Нет, все в порядке, я могу доехать на автобусе. Я знаю, где я нахожусь; я просто приеду домой и скажу, что не очень хорошо себя чувствую, — Хелен коротко рассмеялась: ну да, собственно, так оно и есть. — Но знаете, Фрэнк, вообще-то, у меня нет денег на автобус. Могу я попросить...

Ей было сложно понять, почему на глаза Фрэнка Куигли навернулись слезы, когда он совал ей в руку монеты и когда зажимал своей рукой ее ладонь.

— С тобою ведь все будет хорошо? — Ему так хотелось быть в этом уверенным, и он абсолютно не был готов к ее ответу.

— Фрэнк, — Хелен рассмеялась. — Я не ребенок, черт возьми, на прошлой неделе мне исполнилось шестнадцать. Я уже большая. И прекрасно доберусь домой на автобусе. — И она ушла, потому что не могла больше выносить того выражения, которое вновь появилось на его лице.

Конечно, он не должен был тащить ее к себе домой, раз не был уверен, что сумеет с собой совладать. Примерно это внушала себе Хелен, чтобы как-нибудь успокоиться.

Пожалуй, после этого случая Фрэнк так ни разу и не появился на Розмари-драйв. Всегда находились какие-нибудь оправдания: конференция, командировка или поездка с Ренатой к ее родственникам в Италию. Он страшно извинялся за свою занятость. Мама же решила, что Фрэнк попросту возгордился, и была очень рада, что никто из их семьи не пошел к Фрэнку на поклон и не стал просить за отца. И как хорошо, что о нем вспомнил сам мистер Палаццо, вспомнил и пришел к выводу, что нельзя разбрасываться столь ценными управленческими кадрами.

Хелен так и не узнала, догадался ли отец, что в этом деле был замешан Фрэнк. Разговаривать с отцом было очень тяжело, он соорудил вокруг себя некое подобие раковины, призванной защищать его от ударов извне. А у матери была своя раковина — страх, как бы члены ее семьи не опустились в глазах окружающих ниже определенного уровня.

Последний школьный семестр давался Хелен с трудом, ей казалось, что мир изменился после того страшного вечера с Фрэнком. Она все время боялась, что ее неправильно поймут. Однажды она

устроила сцену, когда преподаватель пения попросил ее сходить с ним в кладовку и помочь принести ноты в школьный зал. Бедняга даже не прикоснулся к Хелен, но в ней вдруг проснулась дикая клаустрофобия. Еще подумает, будто она его провоцирует, принудит ее заняться с ним сексом, а потом ее же во всем и обвинит. И, конечно, в конце концов, он ее обвинил. Обвинил в том, что она — истеричка и дура и что она — самая последняя из женщин, к которой он смог бы проявить хоть какой-то интерес.

Директор школы склонен был согласиться с бедным учителем и с пристрастием постарался выяснить у Хелен, с чего это, собственно, ей вздумалось устраивать скандал, если учитель не предпринял ни малейшей попытки приставать к ней и даже никаким образом не намекал на это.

Хелен мрачно отвечала, что не знает, как это получилось. В кладовой ей показалось: ситуация вышла из-под ее контроля, и если она не закричит, произойдет что-то страшное, а потом уже будет поздно.

— С тобой раньше случалось что-нибудь в этом роде? — голос директора звучал не вполне благожелательно. Хелен Дойл всегда была сложной ученицей, взбалмошной, вечно старавшейся всем услужить и создававшей вокруг себя массу неприятностей.

— Нет, — ответила Хелен неуверенно.

— Ну что же, — вздохнул директор. — Теперь можешь быть совершенно уверена: такие вещи будут случаться с тобой постоянно. Таковы уж особенности твоего характера, Хелен. Ситуации, с которыми ты не сможешь справиться, будут повторяться снова и снова. До тех пор, пока ты не возьмешь себя в руки и не научишься контролировать свои поступки.

Это звучало, как приговор.

Хелен была поражена его несправедливостью.

Именно тогда она и решила стать монахиней.

И вот теперь, годы спустя, она по-прежнему всего лишь монахиня. Точнее говоря, она будет монахиней, если сестра Бриджид перестанет твердить, что она всего лишь использует монастырь как убежище, как место, где можно укрыться от мира, а этого в наши дни уже недостаточно, чтобы стать настоящей монахиней.

В монастыре Хелен чувствовала себя в безопасности. И даже приготовив чашку кофе для Ренаты Палаццо Куигли, Ренаты, чье лицо смотрело на нее в тот злополучный день из серебряной рамы портрета, она могла спокойно присесть рядом с нею и все равно не чувствовала себя в безопасности. В безопасности от дурных воспоминаний и страхов, тянущихся из прошлого.

— Скажите, что вам угодно, и я подумаю, чем мы можем вам помочь, — сказала Хелен с широкой улыбкой, благодаря которой она всем так нравилась. Когда люди встречались с Хелен в первый раз.

— Все очень просто, — сказала Рената. — Мы хотим иметь ребенка.

Это, действительно, было очень просто. И очень печально. Хелен слушала, вцепившись в чашку с кофе. Фрэнк слишком стар в свои сорок шесть лет. Слишком стар. Как ни странно, общество по усыновлению он не устраивал. К тому же, у него было неважно со здоровьем, ничего серьезного, какие-то проблемы с сердцем из-за перенапряжения на работе, как, впрочем, почти что у всех современных бизнесменов. Обычно люди производят на свет детей при любых обстоятельствах, в любых условиях, вне зависимости от собственных достоинств и недостатков и невзирая на состояние здоровья. И никто не может запретить им это. А вот для усыновления ребенка все должно быть идеальным.

Рената слышала, что бывают случаи, когда родители готовы отдать ребенка в любящие руки, другим родителям, которые будут заботиться о нем, как о своем собственном.

В глазах Ренаты читалась мольба.

Хелен пожала руку женщины, которая все еще глядела на нее из серебряной рамки.

Им надо будет встретиться через неделю, сказала Хелен, она наведет за это время необходимые справки. Хелен решила, что не будет пока советоваться с сестрой Бриджид. Сестра Бриджид лицо официальное и должна действовать строго в рамках закона... Лучше будет, если Хелен наведет пока кое-какие справки самостоятельно. Хорошо? Хорошо.

Она ничего никому не сказала. Сестры говорили, что она какая-то взволнованная и возбужденная, и Хелен приходилось развлекать сестер рассказами про свой замечательный сад.

— Кто-нибудь приходил? — спросила Бриджид.

— Нет. Никого не было, — Хелен старалась не смотреть на Бриджид. Впервые за все время пребывания в монастыре она солгала. Конечно, нехорошо, но это во имя благой цели.

Если она справится, если сумеет сделать то, что пришло ей теперь на ум, значит, уже, к двадцать одному году, жизнь ее прожита не напрасно.

Во второй половине дня была очередь Нессы работать на кухне. Несса, единственная в монастыре, совершенно не могла выносить Хелен. Обычно, когда им случалось работать вместе, Хелен приходилось просто исчезнуть куда-нибудь на некоторое время, чтобы не раздражать Нессу и не болтаться у нее под ногами. Но на этот раз она прямо-таки вешалась Нессе на шею.

— Скажи, Несса, что происходит, когда дети рождаются у абсолютно неприспособленных к этому матерей? Разве не хотелось бы тебе, чтобы они попали в какую-нибудь более подходящую для них семью?

— Мало ли что бы мне хотелось, ведь я не Господь Бог. — Нессе было некогда, она мыла на кухне пол, а Хелен вертелась у нее под ногами.

— Но разве это было бы не лучше для ребенка?

— Хелен, отойди, пожалуйста. Я здесь только что вымыла.

— А ты должна регистрировать каждого ребенка, вне зависимости от того, кто его родители?

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе что, каждый раз приходится самой идти в ратушу или офис по регистрации, вне зависимости от того, откуда взялся ребенок?

— Нет, не всегда.

— А почему?

— Потому что чаще всего это не от меня зависит. Послушай, Хелен, если у тебя нет здесь никакой работы, выйди, пожалуйста, с кухни, чтобы я могла хорошенько прибраться здесь.

— И никто из младенцев не остается незарегистрированным?

— Как бы это могло произойти?

— Я не знаю. — Хелен была сбита с толку. Она думала, что всегда есть какой-то промежуток времени, когда никто еще не знает, что ребенок появился на свет.

— А найденыши, младенцы, найденные в телефонных будках и подобранные в церкви?

Несса посмотрела на нее в тревоге:

— Боже мой, Хелен, уж не хочешь ли ты сказать, что нашла одного из них?

— Нет, Боже упаси, но если вдруг найду, я, что, должна буду как-то его зарегистрировать?

— Конечно нет, Хелен. Если ты вдруг найдешь ребенка, ты должна будешь прежде всего позаботиться о нем, одеть, накормить, если, конечно, тебе нечем больше будет заняться.

— Почему ты так сурова со мной, Несса? — спросила Хелен.

— Потому что я вообще очень суровая женщина.

— Ты не можешь быть суровой, ведь ты — монахиня. И ты совсем не сурова со всеми остальными.

— Да, конечно. Наверное, по-настоящему суровой можно быть лишь с немногими.

— А почему среди этих немногих — я? — Хелен не собиралась отступать, ей было интересно. Ей и в самом деле все это было интересно.

Несса чувствовала себя очень виноватой:

— О Боже мой, у меня, знаешь ли, очень взрывной характер, к тому же, я терпеть не могу возню с этим чертовым полом, а ты молода, беззаботна и делаешь тут, что захочешь. Прости уж меня, Хелен, сегодня мне все время приходится просить у тебя прощения. Ведь я и в самом деле перед тобой виновата.

— Я знаю, — задумчиво сказала Хелен, — люди часто поступают дурно по отношению ко мне. Наверное, я пробуждаю все самое дурное, что скрывается в их душах.

Сестра Несса тяжелым взглядом смотрела вслед Хелен, которая поплелась в сад.

Хелен позвонила Ренате Куигли. Тот же адрес, та же квартира и, наверное, та же кровать. Она сказала, что все еще наводит справки и что все это гораздо сложнее, чем многие себе представляют.

— Я никогда не думала, что это будет просто, — вздохнула Рената, — но одна мысль об этом превращает мою жизнь в праздник,

подготовиться к которому мне будет гораздо проще, если я буду сознавать, что кто-то наподобие вас, сестра, заботится обо мне.

При словах о празднике Хелен вдруг с ужасом осознала, что ей придется встретиться с Фрэнком и Ренатой Куигли на праздновании серебряной свадьбы ее родителей.

Фрэнк Куигли был шафером в те дни, когда они с отцом были еще равны по своему положению в обществе. До того, как все изменилось.

Хелен уже не нужно было возиться с садом, он стал разрастаться более или менее самостоятельно. Сестре Джоан нравилось бывать в центре одежды для неимущих, она ловко управлялась с иглой, могла спрятать пятно, перешить пуговицы на пиджаке для какого-нибудь старика, похвалить его, восхититься им, дать ему почувствовать себя на примерке у собственного портного.

Но для Хелен там не было подходящей работы. Наверное, это было не ее место.

Еще раз она решила обратиться к Бриджид с просьбой о вступлении в монастырскую общину.

— Вы не позволяете мне окончательно стать одной из вас, как это несправедливо, ведь я так давно работаю здесь. Всем уже ясно, что это не каприз, — Хелен просила, умоляла.

— Ты спешишь, Хелен, — отвечала Бриджид, — ведь у нас здесь не монастырь из фильмов, не затерянная в лесах обитель, куда люди приходят, чтобы обрести мир в душе, нет, у нас здесь работный дом, и ты должна обрести мир в душе до того, как решишь остаться здесь.

— Но я уже готова, — настаивала Хелен.

— Нет, ты боишься людей: вот почему ты здесь.

— Вы не правы, просто нигде, кроме этого монастыря, я не встречала людей, которых искренне смогла бы полюбить.

— Но это еще не все. Мы как бы защищаем тебя от чего-то. Однако дальше так продолжаться не может. Вероятно, причина заключена в мужчине, или в сексе, или в несправедливости мира... Каждый из нас должен быть готов к тому, чтобы встретить трудности лицом к лицу, а потом справиться с ними. А ты по-прежнему прячешься в монастыре от чего-то.

— Наверное, дело в сексе.

— Отлично, но не воображай, что тебе будут отпущены все грехи, — Бриджид рассмеялась. — Возвращайся в мир, Хелен. Проведи там пару лет, не прерывая отношений с нами, и возвращайся, если по-прежнему будешь ощущать, что твой дом — здесь. Возвращайся, и тогда мы возобновим наш разговор. Я и в самом деле думаю, что теперь тебе надо уйти. Для твоего же собственного блага.

— Вы действительно предлагаете мне уйти?

— Я даже настаиваю на этом. Вот видишь, у нас здесь не так, как в реальном мире. Там я либо приказала бы тебе уйти, либо посодействовала твоему дальнейшему продвижению. А здесь я всем своим существом ощущаю, что это место чересчур безопасно для тебя.

— Разрешите мне остаться еще хотя бы ненадолго, прошу вас!

— Ты можешь жить здесь вплоть до двадцатипятилетней годовщины свадьбы твоих родителей, — неожиданно заявила Бриджид. — А там посмотрим.

Выйдя из крохотного кабинета сестры Бриджид, Хелен почувствовала себя очень несчастной. У нее был такой удрученный вид, что сестра Несса попросила ее помочь ей сегодня с несовершеннолетними мамами. И это был первый случай, когда она обратилась к Хелен с подобным предложением.

Хелен безмолвно последовала за Нессой.

— Послушай, Хелен, с тобой что-то не так? — спросила Несса. — Мы не должны строго судить этих людей; мы только им помогаем.

— Конечно, — ответила Хелен. Она выглядела совершенно обреченной, как те девушки, что принимали небольшие дозы антидепрессантов или жили в постоянном страхе перед сутенерами, вечно склонявшими их поскорее сделать аборт. Время от времени Несса оборачивалась назад и поглядывала на нее с беспокойством. Хелен уже была спокойна, но странно безучастна. Она сделала все, о чем ее просили, — обошла квартиры не явившихся вовремя на очередной осмотр девушек. После случая с маленьким Саймоном, чуть не выползшим на мостовую в самый час пик, Несса очень беспокоилась за них.

Поздно вечером Несса попросила Хелен разыскать Ивонну, которая была на восьмом месяце беременности, и уже во второй раз. Дверь отворила очаровательная девушка с глазами темными, как у отца, давно бесследно исчезнувшего из жизни Ивонны, и акцентом,

шотландским, как у матери, произведшей ее на свет шестнадцати лет от роду.

— Мама пошла сделать пи-пи, — сказала она доверительно.

— Отлично! — ответила Хелен и рванулась в дом. Из ванной доносились стоны и крики Ивонны. Хелен набралась храбрости.

— Посиди-ка пока у себя в комнате, — сказала она круглолицей малышке и для верности приперла дверь сундуком.

А потом направилась в ванную, чтобы помочь разобраться с результатами выкидыша, как она тогда полагала.

Но из лужи крови, сопровождаемый воплями и заполнявшим все вокруг запахом рома, доносился тихий плач.

Ребенок был жив.

Ивонна не помнила ничего. Она была так пьяна, что весь тот день смазался у нее в одно кошмарное пятно.

Ей сказали, что ребенок мертв, и она спустила его в унитаз.

Сотрудники «скорой помощи», укладывая Ивонну на носилки, были вежливы и предупредительны. В смущении они осмотрели все вокруг и даже заглянули в унитаз.

— У нее был уже весьма приличный срок, трудно поверить, что она смогла так быстро избавиться от полноценного плода.

Однако Хелен, быстроглазая девушка, сообщившая, что она — доброволец из центра матери и ребенка, при монастыре св. Мартина, заявила, что долго не могла попасть в квартиру и слышала продолжительный звук спуска воды из унитаза, а потом обнаружила залитую кровью ванную.

Круглолицый ребенок вроде бы был на ее стороне. Девчушка подтвердила, что мама долго делала пи-пи, а Хелен долго стояла за дверью.

Несса ходила с серым, как пепел, лицом и пыталась уверить саму себя в том, что ничего не случилось бы, пошли она к Ивонне не Хелен, а любого другого человека. Наконец, Хелен позвонила, сказала, что возникли кое-какие проблемы и что она постарается убедить девчушку все же впустить ее в дом. Звонила она из магазина по соседству с домом Ивонны, в который зашла, чтобы купить бутылочку молока. Ей ведь надо было чем-то подкрепиться, потому что Бог знает что могло ожидать ее внутри.

Вечер прошел в заботах об устройстве Ивонны в больницу и помещении трехлетней девчушки в приют. Когда все было улажено, Хелен сказала Бриджид, что устала и хотела бы немного прогуляться.

— Есть, с чего устать, — безучастно откликнулась Бриджид, — сегодня ты бегала в сад не меньше шести раз.

— Мне хотелось быть уверенной, что там все в порядке, — ответила Хелен.

Она аккуратно подхватила маленький сверток с ребенком, которому предстояло унаследовать миллионы Палаццо, и взяла его на руки. Мальчик был завернут в полотенце и в одну из ночных рубашек Хелен. Для утепления Хелен решила воспользоваться мягким ковриком, покрывавшим обычно сиденье стула в ее комнате.

Она проскользнула сквозь задние ворота монастыря и шла, пока не устала. Отойдя как можно дальше от обители, Хелен зашла в один из придорожных магазинчиков и позвонила Ренате.

— Он у меня, — сказала она с триумфом в голосе.

— Кто это, и что там такое у вас?

— Это сестра Хелен из монастыря святого Мартина. Я добыла для вас ребенка.

— Нет, это невероятно!

— И, тем не менее, я могу принести его к вам — прямо сейчас.

— Это мальчик? Вам удалось достать для меня маленького мальчика?

— Да. Очень маленького мальчика, ему всего один день отроду.

Голос Ренаты начал срываться на крик:

— Но как же это? Один день... Он умрет... Я не знаю, что мне делать с младенцем, которому всего-навсего день...

— Я тоже не знаю, но я купила бутылку молока, и, кажется, он сосет его с моего пальца, — простодушно ответила Хелен.

— Где вы находитесь?

— Разумеется, в Лондоне. Приблизительно в двух милях от монастыря. У вас есть деньги?

— И сколько нужно денег? — В голосе Ренаты стало сквозить беспокойство.

— Чтобы заплатить за такси.

— Да-да, конечно!

— Тогда я приеду к вам. Отдам вам ребенка. И никто про это ничего не узнает.

— Да, но я не знаю... Быть может, стоит немного подождать... Я не знаю, как мне поступить.

— Мне стоило большого труда раздобыть его для вас. — Голос Хелен звучал устало.

— Да-да, конечно, сестра, я понимаю, просто все это так неожиданно, а он так мал...

— Я уверена, вы всему научитесь. К тому же, вы всегда сможете позвонить кому-нибудь из знакомых, посоветоваться. Так могу я вызвать такси? Наверное, это будет стоить несколько фунтов.

— Да, приезжайте.

— А Фрэнка нет дома?

— Откуда вы знаете, что моего мужа зовут Фрэнком?

— Так ведь вы же мне говорили, — прикусив губу, ответила Хелен.

— Да, наверное. Я сама не знаю, что говорю...

Таксист долго отказывался ехать. Он уже собирался домой и надеялся взять пассажира, которому нужно было попасть в южную часть города. И ни мили в сторону от Уэмбли.

На глаза Хелен начали наворачиваться слезы.

— Ладно, садитесь, пока я не передумал, — не выдержал водитель, — а теперь, когда вы уже в машине, мне, чтобы от вас избавиться, так или иначе, придется вас куда-то отвезти.

— Это точно, — сказала Хелен.

По дороге водитель смотрел на нее с большим подозрением, размышляя о том, заплатит ли она ему хоть что-нибудь, когда он высадит ее в Уэмбли.

Она назвала адрес апартаментов Фрэнка и Ренаты и попросила водителя обождать, пока хозяйка квартиры не спустится и не заплатит ему.

Потом он рассказывал другим водителям, что, как только увидел эту странную девушку, сразу же понял, что проблем не избежать.

Когда он отказался ехать куда бы то ни было дальше Уэмбли, ее глаза наполнились слезами. Ну, а потом было еще хуже. Хозяйка квартиры, богатая холеная иностранка, спустилась сверху с

кошельком. И вдруг, едва бросив взгляд на привезенного в такси младенца, зарыдала в голос.

— На нем еще видны следы крови, да он даже и не сформировался как следует, нет, нет, я не хочу! Этот ребенок еще не готов к тому, чтобы быть ребенком. Нет, нет!

Она отпрянула от девушки в сером свитере и юбке; в этот момент подъехал мужчина на «ровере», бросил взгляд на разыгравшуюся сцену, встряхнул изо всех сил иностранку, взял на руки младенца и вдруг узнал девушку в сером. «О Боже мой!»— вырвалось у него, как будто перед ним предстал призрак, явившийся с того света.

Затем таксисту вручили сумму, в несколько раз превосходившую ту, на которую он рассчитывал, и ему ничего не оставалось, как убраться восвояси, так и не узнав, чем закончилась эта история.

А закончилась она довольно-таки скверно. Как и все, за что бралась Хелен Дойл.

Хелен отказалась подниматься наверх и зарыдала громче, чем Рената. Но еще громче плакал несчастный голодный ребенок, появившийся этим утром на свет в ванной комнате своей непутевой матери.

Чтобы разобраться в ситуации, немедленно была вызвана сестра Бриджид. Она появилась вместе с Нессой, бледная, но совершенно спокойная.

Несса занялась ребенком, а Бриджид принялась выслушивать истерические объяснения участниц происшедшего.

Итальянка пыталась сказать, будто рассчитывала всего-навсего, что найдется какая-нибудь женщина, которая согласится в частном порядке отдать своего ребенка на усыновление, и будто бы вовсе даже и не рассчитывала, что ей принесут ребенка прямо домой.

Высокорослый ирландский бизнесмен попытался заступиться за Хелен, сказав, что она сделала это с благой целью, как и все, что она делала в своей жизни, но люди не всегда это понимают. Хелен его слова казались ласковыми, но и пугали в то же время.

Он объяснил, что знаком с ее родителями. Десмонд Дойл — из его старейших друзей.

— Так она дочь этих Дойлов? — Для Ренаты один шок следовал за другим.

— Да, но она не знала, что мы — это мы.

Было что-то странное в том, как говорил этот человек. Что-то в его словах было похоже на обращенное к кому-то предупреждение. Бриджид переводила взгляд с одного взволнованного лица на другое в попытке обнаружить и распознать скрытые от непосвященных сигналы.

Наконец, Хелен собралась с силами, чтобы хоть что-нибудь из себя выдать:

— Нет, я знала, знала, потому что именно ради Фрэнка я и сделала все это; если бы не он, я никогда бы не взяла этого ребенка и никогда не стала бы плести всю эту ложь. Если бы не Фрэнк, я ни за что не стала бы рисковать жизнью ребенка. Я чувствовала, что должна была сделать это для него после всего, что было...

Всю свою сознательную жизнь Бриджид работала с людьми. И чаще всего люди эти находились в самых расстроенных чувствах. Она не понимала, в чем тут дело, но чувствовала — самого главного Хелен не скажет никогда. А та то плакала, то пыталась унять слезы. Но похоже, история близилась к завершению.

— Я и подумать не могла, что все выйдет так, но ведь они могут обеспечить ему роскошную жизнь, у них так много денег, а Фрэнк уже слишком стар, чтобы им разрешили усыновить ребенка; она сказала, что у него бывают сердечные приступы...

— Ты ей это сказала? — рыкнул на жену Фрэнк.

— Но ведь я думала, что это монашка, которая не имеет никакого отношения к нашей семье. Откуда мне было знать, что она — дочь этих чертовых Дойлов?

Хелен говорила словно в трансе:

— Я хотела все это исправить, хотела всем помочь. Постараться — и все исправить. В конце концов, ведь моя жизнь складывается удачно, у меня есть все, что мне надо, не то что у Фрэнка: у него нет детей, у него сердечные приступы, он страдает... Я просто хотела помочь.

Рената переводила взгляд с мужа на Хелен в явном замешательстве. В соседней комнате Несса сумела, наконец, успокоить ребенка.

— Вы все еще работаете вместе с мистером Дойлом? — неожиданно спросила Бриджид.

— Да, к тому же, он очень помог моему отцу, — ввязалась опять Хелен. — Когда отца уволили, мистер Куигли попросил своего тестя, чтобы тот снова взял его на работу...

Внезапно Бриджид поняла, как разрешить создавшуюся ситуацию, и резко вступила в разговор:

— Итак, Хелен с ее порывистым темпераментом решила отблагодарить вас и похитила ребенка, поскольку законным путем сделать это представлялось невозможным. Так?

Фрэнк Куигли смотрел в серые глаза сестры Бриджид — понимающие, бесстрашные, сильные. Конечно же, она тоже родом из Ирландии, хотя и говорит с лондонским акцентом. Она напоминала ему самых достойных людей из тех, с кем ему приходилось сталкиваться в бизнесе.

— Вы совершенно правы, сестра.

Хелен продолжала рыдать. Бриджид чувствовала, что, если ее не остановить, она, пожалуй, наговорит лишнего. Очень осторожно она положила руку на плечо девушки.

— Нам пора домой, Хелен, обратно в монастырь. Сейчас это будет самым правильным.

— Давайте я отвезу вас, — предложил Фрэнк.

— Нет, не нужно, но будем признательны, если вы вызовете нам такси, мистер Куигли.

В это время в комнату вошла Несса; ребенок заснул. Им еще предстояло отвезти его в больницу — ту, которую они знали и где знали их. Там о малыше позаботятся.

— Мне очень жаль, что все так получилось, сестра, — Фрэнк смотрел на Бриджид, и та смотрела на него.

Было и в самом деле жаль. Они могли бы дать этому ребенку все, и в том числе столько любви, сколько он никогда бы не получил от Ивонны.

— Да, но если мы так поступим, все пойдет неправильно.

Фрэнк чувствовал, что она сомневается.

— Ну, не все, но с одной маленькой формальностью мы ничего поделывать не сможем. Его мать считает, что он мертв.

— Пожалуйста, — вмешалась Рената, — я прошу вас, сестра.

— Я ведь не Бог и даже не Соломон, — отвечала Бриджид.

Было видно, что ей очень нелегко. Фрэнк и Рената очень подходили друг другу, такая милая пара. Хелен смотрела на них с выражением страдания на лице.

Портье попросили вызвать такси, и незадачливая четверка направилась к лифту. Впереди шла заплаканная Хелен, ее поддерживала сестра Бриджид, а вслед за ними рыжеволосая Несса несла завернутого в синий коврик ребенка.

Рената протянула руку и дотронулась до плеча Хелен:

— Спасибо, сестра Хелен, я знаю, вы хотели мне помочь.

— У сестры Хелен большое доброе сердце, — откликнулась Бриджид.

— Спасибо, — сказал Фрэнк, стоя в дверях. Он не смотрел на Хелен, уставившись прямо в большие серые глаза сестры Бриджид.

— Есть страны, в которых это можно сделать совершенно легально. Если хотите, обратитесь когда-нибудь ко мне, и я расскажу все, что мне известно, — сказала та.

— До свидания, Фрэнк, — пробормотала Хелен.

— Спасибо, Хелен. Сестра Бриджид права: у тебя большое доброе сердце, — и он коснулся губами ее щеки.

В такси все молчали, пока Хелен не сказала:

— Вы называли меня сестрой; значит ли это, что я могу остаться?

— Это значит, что мы не будем принуждать тебя уйти. Но, может быть, теперь, когда ты столкнулась с вещами, о которых не имела раньше ни малейшего представления, тебе не так уж и надо прятаться. Быть может, ты сумеешь устроить свою жизнь за пределами монастыря... Тебе еще только предстоит узнать мир...

И все-таки сейчас Хелен уже не казалось, что сестра Бриджид предлагает ей уйти. И она чувствовала себя гораздо увереннее, чем прежде.

Она посмотрела на сестру Нессу, крепко прижимавшую к себе младенца.

— Как жаль, что ты не можешь оставить ребенка себе, Несса, — задумчиво сказала она. — Вместо того, что умер. Он мог бы стать для тебя утешением.

Она не заметила, как две женщины мельком переглянулись и вновь уставились на дорогу — каждая в свое окно такси.

4. ДЕСМОНД

Конечно, в магазинчике на углу все было дороже, чем в супермаркете, но зато ведь он *на углу* — потому и дороже. И еще потому, что открыт допоздна.

Десмонд любил туда заходить. Было что-то завораживающее, почти мистическое в этом магазинчике; в том, как Суреш Пател умудряется затолкать на полки такую грудку товаров... да так, что все каким-то чудом держится на месте и не обрушивается лавиной на пол. Мистер Пател, должно быть, владеет особым секретом, любил повторять Десмонд. Сеть продовольственных супермаркетов «Палаццо Фудз», где работал Десмонд, руководствовалась совершенно иным принципом — дать покупателю как можно больше места, чтобы он мог расхаживать и выбирать товар, а в идеале — соблазнился бы на такое, чего у него и в мыслях не было покупать. Заведение мистера Патела было вроде рынка. Сюда заходили купить сахару, когда оказывалось, что он кончился, или чего-нибудь к ужину, когда другие магазины уже закрыты. Кое-кто забегал за вечерней газетой и банкой консервированной фасоли. Если бы вы только знали, говорил мистер Пател, сколько людей по вечерам возвращаются домой, где их никто не ждет... Мистер Пател порой получал истинное удовольствие, разговаривая со своими покупателями.

Дейдра, жена Десмонда, говорила, что ничего не имеет против мистера Патела лично, он всегда необычайно вежлив и почтителен — только вот в его магазине все чуточку дороже. Это местечко, беспорядочное скопление всякой всячины, напоминало мелкие лавки в Ирландии, которыми они, бывало, гнушались, опасаясь, что им подсунут что-нибудь... ну, скажем, не очень свежее.

Дейдра не могла понять, почему муж останавливается у магазинчика на углу купить утреннюю газету, когда прекрасно мог бы купить ее рядом с работой и почитать в свое удовольствие на обратном пути.

Десмонду трудно было это объяснить. От заведения мистера Патела исходило ощущение какой-то устойчивости и стабильности. Оно не зависело от ненадежных неведомых поставщиков и гигантских международных компаний. Если покупатель не находил того, что ему

нужно, мистер Пател подходил к делу со всей обстоятельностью. Например, как-то Десмонд спросил желе из красной смородины.

— А это джем или приправа? — заинтересовался мистер Пател.

— Думаю, можно употреблять и так, и этак. Десмонду и самому любопытно было. Они порешили между собой, что, когда желе появится, мистер Пател поставит его на полку рядом с горчицей, чатни и маленькими зелеными баночками мятного соуса.

— Скоро я досконально изучу вкусы и нравы британского пригорода, мистер Дойл. Столько всего узнаю, что впору будет книгу писать.

— Думаю, вы и так уже на целую книгу знаете, мистер Пател.

— Нет, я только начинаю узнавать, мистер Дойл. Но как же интересно! Знаете, как это говорится: здесь — вся жизнь человеческая... Вот так я это чувствую.

— Передо мной на работе тоже проходит «вся жизнь человеческая», но я, в отличие от вас, гляжу на нее без особого восторга, — печально улыбнулся Десмонд.

— Ну, это потому, что у вас должность важная, не то что у меня.

Дейдра Дойл с этим бы согласилась. В самом деле, мистери Пателу пристало с уважением смотреть на человека вроде Десмонда, который в свои сорок с небольшим уже занимает пост менеджера по Специальным Проектам в «Палаццо». А «Палаццо» стоит в одном ряду с «Сейнсберри» и «Уэйтроуз». Ну, пусть не совсем в одном, но кое-где считалось, что это именно так, а в родной Ирландии, где о двух последних никто и не ведал, «Палаццо» звучало куда внушительнее.

Естественно, Пателы живут не на Розмари-драйв, а там, где более пристало жить индийцам и пакистанцам, — так говорила Дейдра, когда речь заходила о Пателах.

Но Десмонд знал, что на самом деле Суреш Пател с женой, двумя детьми и братом ютятся в крохотных кладовых позади своего магазинчика. Миссис Пател не говорила по-английски, а брат Суреша был чрезвычайно тучный и, похоже, страдал какой-то болезнью. Он сидел и приветливо улыбался, но в основном молчал, и толку от него в магазине не было никакого.

Десмонд и сам до конца не понимал, почему, но дома он никогда не говорил ни о том, что Пателы живут в магазине, ни о том, что двое их очкастых ребятишек в безупречно опрятной школьной форме

каждое утро выходят из этой квартирке на улицу. Десмонд чувствовал: если все узнают, что Пателы ютятся в этом убогом жилище, для них это обернется унижением, а Дейрдра еще и решит, что такое соседство абсолютно неприемлемо. Пакистанцы! Мало того, что они здесь торгуют, так еще и живут!

Даже ранним утром в магазинчике было людно: обитатели Пиннера по дороге на работу заскакивали к Пателу за газетами, плитками шоколада, апельсиновым соком и готовыми бутербродами.

Не сказать, чтобы Десмонд очень уж радовался своей причастности к миру британской торговой индустрии. Его ежедневный путь лежал в центральный офис «Палаццо Фудз» — сети супермаркетов, занимавшей девятое место в ряду крупнейших в Великобритании. Десмонд начал работать там еще в 1959-м, когда предприятие называлось просто «Принс». В тот год они с Фрэнком Куигли покинули Мейо^[2] и отправились в Лондон (поезд, пароход, опять поезд) искать свое счастье — приехали в пору необычайной жары, которая держалась месяц за месяцем, и думали, что оказались в раю.

Совершая свое регулярное утреннее путешествие по Розмари-драйв к Вуд-роуд и далее к автобусной остановке на углу, Десмонд часто мысленно возвращался к тем временам, когда все было так просто и они с Фрэнком стояли за прилавком в двух магазинах «Принс». Сегодня они нарезали грудинку, а завтра — убирали витрины. Каждый день они встречались с покупателями и знали всех, кто работал в магазине.

Именно Фрэнк понял: работа в «Принс» — не что-то случайное и временное, здесь перед ними открываются возможности для бесконечного роста. Дело еще только «раскручивается», скоро они расширятся, и если не зевать, то их с Десмондом сделают управляющими — Фрэнка в одном филиале, Десмонда в другом. И Фрэнк не зевал. Десмонд оказался не столь прыток, когда надо было ловить удачу за хвост. Но он видел, как все меняется, и с грустью убеждался, что чем выше он взбирается на буксире у своего пробивного друга, тем больше отдаляется от людей. А ведь в общении с людьми и состояла для него вся прелесть работы.

В молодости Десмонд Дойл был стройным, гибким молодым человеком с густой светлокаштановой шевелюрой. Дети часто

подсмеивались, рассматривая его старые фотокарточки, говорили, что он типичный стилига, но мать их одергивала. В те годы так выглядели все молодые люди со вкусом, строго внушала она. Теперь вид у него был уже не тот: прическа призвана скрыть недостаток волос на голове, а рубашки он носил куда большего размера, чем в то лето, когда он вообще не мог позволить себе иметь более двух рубашек, и одна из них вечно сушилась на спинке стула.

Наверное, многие вспоминают с тоской прежние времена, несмотря на то что тогда у них не было ни гроша за душой. Я-то уж точно, думал Десмонд.

Он никогда не понимал, почему люди восхищаются зданием «Палаццо». Утверждали, что это прекрасный образец «ар деко»,^[3] шедевр тридцатых годов. Десмонду же оно напоминало одно из тех массивных сооружений в духе брутализма,^[4] какие можно увидеть в документальных фильмах о Восточной Европе. Для него это была просто квадратная громадина зловещего вида, и странно, что на нем красуется табличка, уведомляющая, что сей архитектурный памятник охраняется, а в журналах хвалят его безупречные пропорции.

Идея приобретения этого здания для «Палаццо» принадлежала Фрэнку. В то время там располагался заброшенный офис разорившегося автомобильного треста. Никто не видел заключенного в здании потенциала, но вот прозорливый Фрэнк заговорил о том, что им необходимо место под склады для товара; надо завести гараж и центр технического обслуживания для фургонов; пора устроить нечто вроде главного офиса. Почему бы не объединить все это за одним прекрасным фасадом?

На первом этаже — изумительные лестницы и гостиные. Наверху — лабиринт кабинетов, одни — в изначально спроектированных комнатах, другие — в спаянных кое-как с помощью перегородок ячейках. Бухгалтерию, оборудованную компьютерами, разместили в задней современной пристройке. А на четвертом этаже находилось полузабытое, полузаброшенное место; на дверях еще висели таблички с именами, и вечно кто-нибудь влетал в кабинет и пятился со словами: «Ой, прошу прощения...» Тут же, в каких-то то ли подсобках, то ли хранилищах, то ли свалках, пылились в ожидании своей участи неработающие приборные доски и блоки индикации.

В недрах этого скрытого от посторонних глаз хаоса, представляющего собой другой, неблагообразный лик «Палаццо», и находилось рабочее место Десмонда Дойла. Отдел Специальных Проектов. Официально это был мозговой центр, источник новых идей, концепций и озарений, с помощью которых планировалось уничтожить всех конкурентов. А на деле это было место, где Десмонд сидел на твердом окладе в статусе менеджера, потому что они с Фрэнком Куигли были друзьями детства. Потому что проделали вместе долгий путь, отправившись в дорогу в один и тот же день более четверти века назад.

Фрэнк Куигли — спокойный и могущественный генеральный директор, человек, который знал, как не упустить своего, и не упустил, не прозевал свой шанс. Человек, который женился на дочери босса. Это благодаря Фрэнку Десмонд подымался на четвертый этаж «Палаццо» и с тяжелым сердцем открывал дверь своего кабинета.

Отделу Специальных Проектов вскоре предстояла ревизия. Всерьез поговаривали об основательной перетряске. Десмонд Дойл уже чувствовал, как к горлу подкатывает знакомая желчь и сердце начинает сжиматься от страха. Что же будет на сей раз? Обвинение в том, что отдел не выполняет своих задач? Требование точного отчета в том, насколько успешно последние проекты были воплощены в жизнь, и смет на будущее?

Таблетки от изжоги уже не действовали, он поглощал их, точно карамельки. Десмонд устал от борьбы и от необходимости постоянно быть на высоте, производить впечатление человека, брызжущего идеями. Когда-то забота об этом составляла для него смысл жизни. Когда-то — не теперь. В том возрасте, когда любой упорно мнит себя молодым, Десмонд Дойл ощущал себя дряхлым стариком. «Сорок шесть — скоро девяносто», так бы он ответил всякому, кто пожелал бы поинтересоваться его возрастом.

В кабинете, слава Богу, избавленном от фотографий, занимавших целую стену у него дома, висела только бледная гравюра с коннемарским ^[5] сельским пейзажем. На картине родные края казались грустнее, нежнее, пастельнее по тону, чем он их помнил, но Дейрдра утверждала, что здесь выражена самая душа западной Ирландии, и убедила его повесить гравюру в кабинете, чтобы она привлекала

внимание посетителей и служила предлогом для разговора. Он мог бы всегда сказать: это моя родина. Там мои корни.

Бедняжка Дейрдра, она думает, что в этой коробке, его кабинете, ведутся подобные беседы. Ему и так повезло: стены у него не из шершавого матового стекла, у него есть письменный стол, телефон, шкаф для документов. Но задушевные разговоры о родине, навеянные идиллическими видами графства Мейо, — неведомая ему роскошь. И так будет всегда.

Слова на табличке, висевшей на двери кабинета, уже утратили для него былую значительность. Раньше не было никаких «Специальных Проектов»... Раньше были настоящие должности: директор-распорядитель, менеджер по рекламе, управляющий отделом хранения: на них держался весь бизнес. Выражение «Специальные Проекты» ничего не значило для Десмонда Дойла, он понимал, что в его случае это — пустой звук. В других странах, как он знал из журналов по торговле, это настоящая работа. А в «Палаццо Фудз» — всего лишь знак внимания.

Когда-то давно он видел такую рекламу: КАБИНЕТ ПОЛУЧИЛ — «БИГЕЛОУ» ПОСТЕЛИЛ. «Бигелоу» — какая-то фирма, производящая ковры. Забавный, наивный слоган, который должен был распалить честолюбие молодых администраторов. Он рассказал об этом Дейдрре, но до нее не дошло. А почему бы и ему не иметь в кабинете ковер, спросила она. Они могли бы достать какой-нибудь и постелить его. Ковер прибавит солидности Десмонду, и никто уже не выступит против него, не решится дать бой, который может проиграть. Десмонд уступил тогда ее желанию и постелил себе маленький коврик; но под стол, где он никому не был виден, а Дейдрру заверил в том, что теперь его рабочее место стало выглядеть гораздо презентабельнее.

Десмонда не уволят, даже если отдел Специальных Проектов признают бесполезной, преступной тратой денег. Да и «отдел» — одно название! Под его руководством находился только этот молокосос, официально числившийся стажером; да еще время от времени помогала Мэриголд, высокая австралийка с зубастой улыбкой и гривой на голове, приехавшая сюда, по ее выражению, «вкусить заокеанской жизни». Она уже успела поработать в похоронном бюро, в приемной у дантиста и в кассе парка с аттракционами — все для того, чтобы

узнать жизнь перед тем, как возвратиться на родину и выйти замуж за миллионера из Перта,^[6] что было ее конечной целью.

Фигуристая добродушная Мэриголд по-компанейски усаживалась Десмонду на стол и спрашивала, не нужно ли ему что-нибудь напечатать — письмо или заметку. Умение печатать на машинке она считала волшебным ключом к успеху в этом мире. «Скажи своим девочкам, Диззи, пусть учатся печатать», — говаривала она. Она никак не могла понять, что одна его девочка имеет диплом бакалавра гуманитарных наук и работает в книжном магазине, а другая — этакая рабочая лошадь в монастыре. И обеим волшебный ключик Мэриголд как собаке пятая нога.

Если Специальные Проекты прикроют, Мэриголд ему посочувствует. Скажет, что Куигли козел (к тому же, он вечно норовит ущипнуть ее за зад); предложит купить ему пива и будет убеждать, что «Палаццо» — это не для него, он достоин большего, он найдет себе место получше. Стажер-молокосос вообще вряд ли обратит внимание на закрытие отдела — уйдет ковырять в носу где-нибудь в другом отделе. Отец его — важный поставщик, поэтому, что бы ни случилось, парню ничего не грозит.

Так же, как и Десмонду. Однажды его уже отправили на улицу. Больше такого не повторится. Фрэнк Куигли за этим проследит. И пусть работа Десмонда лишь подобие настоящей работы, она принадлежит ему пожизненно. Четырнадцать лет он вместе с «Палаццо». (По правде говоря, меньше четырнадцати — пока только тринадцать с хвостиком.) В соответствии с пенсионной политикой компании, его продержат до шестидесяти.

Десмонду Дойлу не придется оправдываться в своем существовании и отчитываться перед старым другом Фрэнком. Нет, если случится какая-нибудь неприятность вроде грядущей ревизии, можете быть уверены: у Фрэнка найдется срочное дело на другом конце страны или очень важная встреча, которую нельзя перенести. Десмонду придется разговаривать с самим Карло Палаццо. С тестем Фрэнка, но отнюдь не добреньким дядюшкой для Десмонда.

Все мысли Карло были отданы семье и курткам из мягкой кожи. Он всегда мечтал работать в индустрии моды и теперь, благодаря доходам от «Палаццо», смог осуществить свою заветную мечту — завести собственные демонстрационные залы и устраивать показы.

Карло Палаццо, кроткого вида итальянец, чей акцент с каждым годом, прожитым в Северном Лондоне, становился все заметнее, не принимал никакого участия в повседневной рутине управления торговой империей, предоставив заниматься делами умнейшему мистеру Куигли. Карло сумел много лет назад разглядеть в жаждущем добиться успеха молодом ирландце человека, которому можно доверить свой бизнес. И свою дочь.

Детей у Куигли все еще не было, и Десмонд знал, как семья печалится из-за этого, но Карло не терял надежду. Хотя надежда с каждым годом становилась все более несбыточной, ведь браку минуло пятнадцать лет, а самой Ренате давно перевалило за тридцать.

Если в этом вопросе Карло глядел в будущее с оптимизмом, то когда речь шла о его кровных деньгах, он не позволял себе сентиментальности. Не дай Бог, в предстоящем расследовании за дело возьмется сам Карло, думал, вздыхая, Десмонд. Тут уж не будет никаких душевных излияний — одни лишь суровые факты и еще более суровые вопросы. Какой вклад внесли Специальные Проекты в общую сумму прибылей «Палаццо» за последние шесть месяцев? Будь добр, наши успехи по пунктам, Десмонд... Итак?..

Десмонд придвинул блокнот, чтобы набросать скромный перечень успехов. Не сказать, чтобы у него не было идей — идей хоть отбавляй, но все они как-то терялись в хаосе других отделов, других проблем и нужд.

Как в тот раз, когда он предложил создать собственную пекарню. Это было очень давно, и его идея опережала время. Правда, мысли Десмонда не хватало дерзости — шла речь только о выпечке черного хлеба и ячменных булочек. Но его доводы были очень здравыми и убедительными, и проект осуществили с таким размахом, о каком он не смел даже мечтать.

Десмонд говорил о том, как соблазнителен аромат свежеиспеченного хлеба; этот аромат для покупателя — живое доказательство того, что продукция — наисвежайшая, изготовленная не далее как сегодня. Покупатель видит своими глазами, в каких гигиенических условиях выпекается хлеб, и это красноречивее всяких слов говорит в пользу высокого гигиенического уровня магазина в целом.

Но загадочным образом идея уплыла из его рук. Никто и никогда не считал, что она принадлежит Десмонду Дойлу или что ее выдвинул отдел Специальных Проектов. Идею присвоили рекламисты, а потом была учреждена хлебопекарная секция, и все газеты пестрели фотографиями и статьями об их булочках, плетенках и сдобе из дрожжевого теста. Хлеб из «Палаццо» стал легендой.

Десмонд не слишком убивался по этому поводу. Идея — всего лишь идея, и раз ты отдал ее другим, она уже не твоя. Рожденная тобой, она начинает самостоятельную жизнь, проект доводят до конца другие. Десмонд не требовал почестей. Но будь он действительно в почете, имей он репутацию человека-идеи, его жизнь в Палаццо приобрела бы иное значение. Он получил бы более просторный кабинет, красивую табличку на дверь и даже пресловутый ковер. Мистер Палаццо попросил бы Десмонда звать его Карло и стал бы приглашать их с Дейрдрой на большие летние приемы в своем белом особняке с плавательным бассейном. Он упросил бы Дейдрю примерить пиджак из мягкой голубой кожи, только что доставленный из Милана, и воскликнул бы: изумительно! Она должна оставить его себе! В подарок, в знак того, как высоко ценят ее мужа. Генератора идей в «Палаццо».

Отчет, который он пытался накропать, получался жалкий. А тут пришла Мэриголд, жалуясь на жуткое похмелье; не полегчало ей даже после похода в буфет, где она взяла холодного апельсинового сока, чтобы разбавить им похмельительную дозу водки. В буфете она услышала, что мистер Палаццо рвет и мечет: он имел не очень приятный разговор с бухгалтерами и обнаружил, что не получит на этот раз вдоволь денег, чтобы забавляться со своим несчастным барахлом, кожаными пиджачками. И теперь грозит перетрясти все «от и до». Тупая жирная итальянская задница! Будь он мужчиной, бросил бы все к чертям и подался в дело, к которому душа лежит, вроде этих модных тряпок! А не делал бы вид, что хоть каплю смыслит в бизнесе, которым, как всем известно, управляет этот гангстер Фрэнк Куигли! Десмонда тронула страстная тирада Мэриголд.

— Спокойно, спокойно, — увещевал он. — Не горячись, только голова пуще разболится.

Мэриголд подняла на него красные опухшие глаза, в которых светилось искреннее участие.

— Господи, Диззи, бедняжка, вот напасть-то на твою голову... ей-богу, ты такого не заслужил.

— Ш-ш! Я буду проходить мимо холодильника, захватить тебе льда? Лечение без льда — пустое дело.

— Никогда тебе не бывать главным в этой дыре, и неудивительно: ты — человек.

Мэриголд проработала в «Палаццо» всего шесть месяцев и уже собиралась опять менять место. Теперь она подумывала устроиться в гостиницу или в парикмахерскую в Найтсбридже, где бывают члены королевской фамилии.

Придя в себя благодаря коктейлю — водке с апельсиновым соком и льдом, — которым она безуспешно пыталась угостить и Десмонда, Мэриголд решила пораскинуть мозгами и определиться с конкретными деталями работы, проделанной в отделе за время ее пребывания здесь.

— Господи, Диззи, *что-то* ведь мы сделали?! — Она наморщила лоб, напрягая память. — Я хочу сказать, ты же не сидел здесь, разглядывая с утра до вечера эти голубоватые ирландские пустыри на картине?!

1 Фешенебельный район Лондона.

— Нет. Вроде бы нет. Всегда находились какие-то дела, но, понимаешь, все это были посторонние заказы. — Десмонд словно оправдывался. — Поэтому все это не идет в счет моих личных инициатив. Отчет будет выглядеть не очень впечатляюще.

— А куда тебя переведут? Если отдел закроют.

— Этот кабинет — один из самых крошечных, так что меня вполне могут оставить здесь, только начальника поменяют. Понимаешь? То же место, та же работа, но иной порядок отчетности.

— И тебе не дадут пинка под зад?

— Нет-нет, — успокоил он ее. — На этот счет, Мэриголд, можешь не волноваться. Нет.

Она лукаво улыбнулась:

— Хочешь сказать, ты знаешь, где собака зарыта?

— В каком-то смысле.

Он говорил так тихо и грустно, что Мэриголд оставила эту тему.

— Ну, все равно пойду погляжу, что ценного можно извлечь из писем, которые я для тебя печатала, — сказала она.

Все было примерно так, как Десмонд и представлял. Карло сидел у него в кабинете. Мэриголд лезла из кожи вон — называла его мистером Дойлом, говорила о телефонных звонках и посетителях, но все ее старания не произвели на Карло Палаццо ни малейшего впечатления. Она даже раздобыла для кофе две чашки вместо обычных красных кружек, одна из которых была помечена — «Д», а другая — «?».

Карло Палаццо говорил о необходимости реорганизации, дальнейшего расширения, экспериментирования, непрерывного движения вперед. Он говорил о конкуренции; об инфляции, экономическом спаде, о забастовочном движении и о том, как трудно нынче стало найти место для парковки. Короче говоря, поднял чуть ли не все возможные мрачные темы, чтобы оправдать свое решение: отдел — *как таковой* — необходимо слить с другими отделами; его деятельности, разумеется, важной и необходимой, реорганизация пойдет только на пользу.

Когда слово «реорганизовать» прозвучало во второй раз, у Десмонда возникло ощущение, будто он входит в зал кинотеатра посреди сеанса и сразу же понимает, что эту картину он уже видел.

Он почувствовал огромную усталость. И что — так жить еще целых тринадцать с половиной лет? Пусть уж его сразу отправят работать на автостоянку. Вот это будет реорганизация — лучше не придумаешь.

С тяжелым сердцем Десмонд думал о том, как бы помягче объяснить все вечером Дейдре. Он знал, что не будет ни сокращения жалованья, ни публичного объявления. Он лишится только звания. И Десмонд перешел к сути вопроса:

— Можно ли мне будет продолжать работать в этом кабинете, в этом офисе, независимо от того, к каким изменениям приведет реорганизация?

Карло Палаццо выставил вперед свои большие ладони. Если бы это зависело от него, то — конечно!

— Но это от вас не зависит, мистер Палаццо?

Да, похоже было, что не зависит. Реорганизация есть реорганизация: часть перегородок между офисами придется сломать...

Десмонд запасся терпением. Он знал, что рано или поздно все будет сказано, и торопить события не имеет смысла.

Его глаза блуждали по пейзажу с отлогими травянистыми склонами. Мейо никогда таким не было, там все выглядело по-другому: необъятные белесые небеса, каменные изгороди, маленькие бурые поля. Слащавая картинка на стене была словно взята с коробки шоколадных конфет.

Карло Палаццо подбирался все ближе к сути. Решающий момент, без сомнения, близок, чувствовал Десмонд. Опять эта уже знакомая изжога. Пожалуйста, пусть это будет какой-нибудь офис. Что-нибудь такое, чему не придется подыскивать объяснение. Какое-нибудь место в этом здании, где будет кто-то вроде Мэриголд, чтобы отвечать по телефону Дейрдре. Кто-то, кто будет говорить: «Минутку, сейчас соединю», когда его жена позвонит и спросит, как всегда спрашивает, мистера Дойла, менеджера по Специальным Проектам, пожалуйста. С повышением тона на «пожалуйста».

Пожалуйста, только б там где-нибудь, как-нибудь приткнулось слово «менеджер», только бы Дейрдре не пришлось до конца своих дней обращаться к какому-нибудь типу, который знать не знает никакого Дойла, не говоря уже о том, где он.

— Вот мы и подумали, что самое лучшее будет перевести вас на разъезды, — сказал Карло Палаццо.

— Только не на разъезды, мистер Палаццо... Прошу вас, только не на разъезды.

Итальянец окинул его озабоченным взглядом.

— Уверяю вас, Десмонд, это будет такая же важная должность, во многих отношениях даже важнее, и, как вы понимаете, речь не идет об изменении оплаты труда, жалованье останется в прежних размерах...

— Всего лишь свое место, какое угодно, где угодно... — Десмонд почувствовал у себя на лбу капельки пота. Боже Всемогуший, он уже попрошайничает! И почему только он не обговорил все заранее с Фрэнком Куигли!

Ведь вместе с Фрэнком они играли на каменистых холмах Мейо. И они оба знают, что в Ирландии не бывает такого неба, как на этой картине. Они с Фрэнком говорили на одном языке. Неужели

прошедшие годы воздвигли между ними непреодолимый барьер и он не может сказать Фрэнку без обиняков, что ему непременно нужен свой кабинет, пусть даже это будет дверь, за которой ничего нет? После стольких лет Дейдра заслужила эту малость — возможность верить, что ее муж не последний человек в администрации крупной, солидной торговой фирмы.

Было время, когда они с Фрэнком могли разговаривать обо всем на свете. О том, к примеру, как отец Фрэнка спустил целое состояние, угощая выпивкой весь город. Или о том, как Десмонду хотелось вырваться с фермы, бежать от молчаливых братьев и сестер, которые, казалось, были счастливы жить на бесплодной земле и ходить за тощими, тупыми овцами.

Два неотесанных парня из Ирландии, приехавшие сюда в конце пятидесятых, они рассказывали друг другу о своих первых мужских победах, делились всем. Но вскоре неумная жажда власти вознесла Фрэнка ввысь; примерно тогда, по-видимому, и умерла их крепкая дружба.

И Фрэнк ушел далеко вперед, ушел безвозвратно — он уже заправлял всем. Но фирма принадлежит Палаццо — он купил «Принс». Известно, конечно, что без ведома Фрэнка ничего не решалось, в отсутствие Фрэнка у Карло Палаццо решимости хватало только на то, чтобы выбрать себе соус под спагетти. Выходит, это Фрэнк обрек своего старого друга Десмонда на разъездную работу.

Неужели Фрэнк забыл Дейдру, неужели не понимает, как туго Десмонду теперь придется?

Фрэнк теперь редко бывает на Розмари-драйв. Но всякий раз, когда они встречались, казалось, все идет как встарь и ничего не переменилось. Они хлопали друг друга по плечу и смеялись; Десмонда ничуть не обескураживало собственное скромное служебное положение, а Фрэнк, в свою очередь, тоже не показывал виду, что стоит на такой высокой ступеньке их общей лестницы. Лишь на свадьбе Фрэнка и Ренаты Палаццо явно обозначилась разделяющая их пропасть.

Среди приглашенных не было никого из круга Десмонда, все были рангом много выше.

Дейдра была вне себя. Она много месяцев предвкушала эту свадьбу и даже верила, что они с Ренатой Палаццо станут подругами.

Рената на много лет их младше, а кроме того, она из другого мира. Но Дейрдра упрямо представляла ее застенчивой иммигранткой-итальянкой, жаждущей сестринской поддержки и совета.

Десмонду не забыть, как улыбка слиняла с лица Дейдрды, когда она, в ярко-желтом синтетическом платье и пальто, окунулась в море натурального шелка и мехов. Выйдя в то утро из дома в приподнятом настроении, она оказалась на заднем плане уже во время венчания Фрэнка и Ренаты, когда итальянский оперный певец исполнял для новобрачных «Panis Angelicus». К тому времени как они присоединились к гостям, ждущим своей очереди поздравить новобрачных, она беспрестанно одергивала платье и нервно теребила рукав Десмонда. Это был для нее поистине черный день, и горечь ее унижения омрачила настроение и Десмонду.

Но Фрэнк Куигли ни в чем не был виноват. Его добрая улыбка оставалась неизменна, и прошедшие с той поры годы оказались над ней не властны.

К Фрэнку всегда можно обратиться. С ним не нужно тратить лишних слов. Он поймет с полупамята.

Так где, ради всего святого, Фрэнк сейчас, в этот день, когда Карло Палаццо говорит ему, Десмонду, что у него не будет больше ни кабинета, ни двери, ни даже, может быть, телефона на письменном столе? Может, облегчить им задачу: напялить на себя бежевую робу уборщиков, вылизывающих полки в магазине сразу после закрытия, и, с ведром и тряпкой в руках, немедленно взяться за дело? Разве это не лучше, чем ждать, пока тебя еще раз пять понизят в должности? Тут его охватил гнев: он ведь не глупый человек, не олух какой-нибудь, чтобы с ним так обращаться. Он ощутил, как лицо его судорожно исказилось, и, к ужасу своему, увидел в глазах сидящего напротив старика нечто похожее на жалость.

— Десмонд, друг мой, прошу вас... — нерешительно начал Карло.

— Все в порядке.

Десмонд поднялся из-за своего маленького стола. Отойти бы к окну — обождать, пока не перестанут душить предательские слезы. Но кабинетик не был предназначен для маневров такого рода. Десмонду пришлось бы протискиваться между картотечным шкафом и столом, который при этом мог запросто опрокинуться, либо просить мистера

Палаццо подвинуться. Для трагических жестов явно не доставало места. Впрочем, через неделю у него вообще не будет места для каких-либо жестов.

— Я знаю, что все в порядке. Просто я не хочу, чтобы вы неверно меня поняли. Даже после того как я столько лет прожил в этой стране, порой я не могу ясно выразиться... понимаете?

— Нет, вы выражаетесь очень ясно, мистер Палаццо, более ясно, чем я, а ведь английский для меня, как-никак, родной язык.

— Но, может, что-то в моих словах вас обидело? Позвольте мне попробовать еще раз. Вами здесь очень дорожат, вы так давно с нами, и ваш опыт чрезвычайно важен... Просто обстоятельства меняются, жизнь не стоит на месте, и рано или поздно наступает время для... как бы лучше сказать...

— Реорганизации, — устало подсказал Десмонд.

— Реорганизации, — с готовностью подхватил Карло Палаццо, не подозревая, что повторяет это слово уже третий раз. Он просиял широкой улыбкой, будто найденное слово было решением всех проблем.

По лицу Десмонда он понял, что это не так.

— Послушайте, Десмонд, чего бы вам хотелось больше всего? Нет-нет, никакого подвоха, у меня и в мыслях не было вас оскорбить... Я спрашиваю, чего бы вы хотели от своей работы, что стало бы для вас наилучшим решением ситуации? Предположим, вы могли бы остаться здесь — это и есть ваша мечта, ваше заветное желание?

Карло не играл с ним — это был серьезный вопрос. Он хотел знать.

— Нет, не сказал бы, что это моя мечта — остаться здесь в качестве менеджера по Специальным Проектам.

— Тогда... — Карло изо всех сил старался отыскать в создавшемся положении светлую сторону, — тогда почему вам так тяжело расставаться с этим местом? И о каком месте вы бы мечтали?

Десмонд оперся на угол шкафчика. Мэриголд оживила интерьер комнатными цветами, которые она, видно, позаимствовала из тех кабинетов, что с коврами на полу. Надо надеяться, она не умыкнула какой-нибудь горшок у самого Карло. При мысли об этом Десмонд слабо улыбнулся, и сидящий по другую сторону стола босс незамедлительно улыбнулся в ответ.

У Карло Палаццо было большое располагающее честное лицо — типичный добряк дядюшка или как раз любящий дедушка из итальянского кинофильма.

Стать дедушкой — это была мечта Карло, чтобы целый выводок внучат носился по его огромному белому дому. Детей, которым он мог бы оставить свою долю в «Палаццо». А он, Десмонд? Хочет ли он внуков? Он не знал. Какой он, должно быть, скучный, тупой тип, если не может ответить этому хорошему открытому человеку, о чем мечтает.

— Я так давно не позволял себе мечтать, — сказал он искренне, — что уже и не помню толком, о чем были мои мечты.

— А я никогда не забывал о своей мечте. Я хотел уехать в Милан и заниматься модой — делать одежду. Собрать лучших мастеров, текстильщиков, модельеров и открыть собственное дело, которое носило бы имя Карло Палаццо.

— Ваше дело и так носит это имя, — напомнил Десмонд.

— Да, но это не то, к чему я стремился, на что надеялся. То, чему я мог бы отдаться целиком, стало всего лишь моим хобби. Отец сказал, я должен торговать продовольствием, как мои братья и дядья, а не возиться с тряпками, точно дамская портниха.

— Отцы никогда не понимают, — сказал Десмонд просто.

— Ваш отец... он тоже... не понимал?

— И да и нет, если вам понятно, о чем я. Он всегда был стариком. Когда мне было десять лет, он уже был стар, и дело не в том, что *мне* так казалось, — он таким выглядит и на всех фотографиях. Единственное, в чем он знал толк, это овцы, холмы да безмолвие. Но меня он не останавливал, сказал, что я вправе уйти.

— Тогда почему вы говорите, что отцы всегда не понимают?

— Потому что я сам не все понимал. Делал для своего сына все. Хотел, чтобы он получил самое лучшее образование, и я не понимаю, почему он уехал.

— Куда он уехал?

Никогда еще это не выходило за пределы дома на Розмари-драйв.

— Он сбежал — вернулся к овцам, к камням и безмолвию.

— Ведь вы ему позволили. — Казалось, Карло совсем не шокирован тем, что сын Десмонда бежал, не получив образования, на край света.

— Без особой радости, — вздохнул Десмонд. Карло все еще недоумевал.

— Так вы хотите жизни человека с высшим образованием?

Почему-то в памяти Десмонда мелькнуло маленькое, энергичное, с лихорадочно блестящими темными глазами лицо Суреша Патела, жаждущего от своих детей степеней и дипломов.

— Нет, образование тут ни при чем. Наверное, я просто хочу места, своего места.

Карло оглядел безликий кабинет; может быть, он помнил его в прежние месяцы — без взятой напрокат растительности. — Место? Неужели это так важно?

Десмонд почувствовал, что дошел до последней черты.

— Если честно, мистер Палаццо, я не знаю. Я не из тех людей, у кого на все готов ответ. У меня никогда не было готовых ответов. У меня есть идеи, поэтому, я думаю, вы с Фрэнком и решили, что я буду полезен именно здесь. Но это мои личные, не корпоративные идеи, и я всегда как-то теряюсь в этих реорганизациях и тому подобном. Но я справлюсь. Не впервой.

В его тоне уже не чувствовалось страха или жалости к самому себе. Лишь смирение и трезвый подход к делу. Карло Палаццо с облегчением понял, что кризис — или что бы там ни было — миновал.

— Все это произойдет не в одночасье — потребуются две, а то и три недели. Это даст вам большую свободу, и у вас будет время подумать, чего вы хотите на самом деле.

— Может, оно и так.

— Звание менеджера за вами останется. Еще не ясно в деталях, что и как, но вот вернется Фрэнк, и тогда, я уверен...

— Да-да, конечно, — поспешно согласился Десмонд.

— Ну... — Карло снова вытянул руки. На сей раз он был вознагражден полуулыбкой; Десмонд тоже протянул руки, будто для рукопожатия с единомышленником по поводу достигнутой договоренности. Карло замер, словно ему в голову пришла неожиданная мысль.

— Как жена? Все хорошо?

— О да, у Дейдрры все отлично, спасибо, мистер Палаццо, лучше не бывает.

— Может, она не откажется заглянуть как-нибудь вечерком к нам... поужинать с нами, в семейном кругу... Фрэнк, Рената... Вы были когда-то такими друзьями... до того, как все это... нет, правда.

— Очень мило с вашей стороны, мистер Палаццо. — В голосе Десмонда Дойла слышалось понимание того, что приглашение никогда не последует.

— Вот и хорошо, нам будет очень приятно. — В голосе Карло Палаццо слышалось понимание того же самого.

Мэриголд открыла дверь для великого босса, мистера Палаццо. Он поглядел на девушку и улыбнулся.

— Благодарю, благодарю... ммм...

— Меня зовут Мэриголд, — сказала она, старательно сглаживая свой австралийский акцент. — Мне повезло, что я работаю у мистера Дойла. Мистер Дойл, было несколько важных звонков, я сказала, что вы заняты.

Десмонд кивнул с важным видом, и, когда шаги затихли, Мэриголд зашипела:

— Ну, как?

— Ох, Мэриголд... — устало произнес он.

— Хватит твоих «Ох, Мэриголд»! Согласись, я представила тебя в самом выгодном свете. Разве не слышал? Как я сказала: мне повезло, что я с тобой работаю? Уверена, теперь он будет о тебе лучшего мнения.

— Подозреваю, он думает, что ты со мной спишь, — сказал Десмонд.

— А что, я не прочь.

— Ты самая замечательная девушка на свете.

— А как насчет твоей жены? — спросила Мэриголд.

— О, ей, полагаю, не очень пришлось бы по душе, если б я с тобой... Нет-нет!

— Я хочу сказать, разве она не «самая замечательная девушка на свете» или, во всяком случае, была ею когда-то?

— Она замечательная, правда замечательная, — проговорил он бесстрастно.

— Значит, плохо мое дело, — Мэриголд всячески старалась расшевелить его.

— А Палаццо не самая большая дрянь. Вот тебе отличное ирландское выраженьице: если говоришь о человеке, что он не самая большая дрянь, то это скупая похвала.

— Так он не дал тебе от ворот поворот? — просияла Мэриголд.

— Дал, еще как дал.

— Вот черт! Куда? Когда?

— Скоро, через недельку-другую, когда Фрэнк вернется.

— Фрэнк никуда не уезжал! — в бешенстве воскликнула Мэриголд.

— Да, но видишь ли, *для нас* он как бы уехал.

— И куда тебя теперь?

— Куда придется... Разъездная должность, вероятно.

— Ну почему, почему все так плохо!

В ее глазах светилась нежность, крупное красивое лицо было исполнено участия, и она закусила губу, возмущаясь такой вопиющей несправедливостью. Ее сочувствие было для него нестерпимо.

— Ничего, Мэриголд, не так все плохо, даже наоборот. Я не вижу здесь ничего такого, ради чего стоило бы кидаться в битву, разве не так?..

Он театральным жестом обвел кругом рукой.

— Но кочевая работа...

Десмонд видел, как она расстроена. Нужно ее успокоить.

— Это интереснее, чем сидеть здесь и не иметь никакой перспективы. Я буду заглядывать к тебе время от времени, для поднятия настроения.

— Тебе сказали причину?

— Реорганизация.

— Провались она пропадом. Ты ничего такого не сделал, не могут же они отнять у тебя работу!

— Может, в этом все и дело. Наверное, от меня действительно нет никакого толку.

— Ради всего святого, Десмонд. Ты менеджер, и здесь уже столько лет.

— Менеджером я и останусь... на словах. Только по какой части? Хотя скоро мы все узнаем.

— Скоро — это когда якобы вернется Фрэнк?

— Тсс...

— Мне казалось, вы с ним большие друзья.

— Так и есть, Мэриголд, не начинай все сначала, прошу тебя!

Она посмотрела на него пронизательно и вдруг выпалила:

— Хочешь сказать, сегодня тебе предстоит серьезный разговор с женой, да?

— В некотором роде.

— Ну так можешь порепетировать со мной.

— Нет, спасибо. Я знаю, ты мне желаешь добра... Она увидела в его глазах слезы.

— Да, желаю, и я вот что тебе скажу: если твоя жена не понимает, что ты один из самых лучших...

— Понимает, понимает.

— ...тогда мне придется заявиться к тебе домой и объяснить ей, что у нее в распоряжении самый шикарный парень, а если она и этого не поймет, я ей башку откручу!

— Нет, Дейдра все поймет. У меня будет время хорошенько все обдумать, и я сумею ей правильно объяснить ситуацию и виды на будущее.

— Я бы на твоём месте не стала тратить время и что-то обдумывать. Просто позвони ей, пригласи на обед, найди приятное местечко со скатертями на столиках, закажи бутылочку отличного вина и выложи ей все начистоту: никакого будущего у тебя нет.

— Каждый поступает так, как находит нужным, Мэриголд, — твердо сказал он.

— А некоторые, Диззи, вообще никак не поступают, — сказала она.

Это был тяжелый удар.

В безотчетном порыве она бросилась к Десмонду, и он почувствовал, как Мэриголд сотрясается от рыданий в его объятиях.

— Язык у меня без костей... — всхлипывала она.

— Ну, ну, ну...

Волосы у нее были душистые, точно яблоневый цвет.

— Я хотела тебя ободрить, а сама... видишь, до чего доболталась.

Постепенно она пришла в себя. Он осторожно выпустил ее и, отстранив от себя, с теплым чувством посмотрел на эту милую австралийку, ровесницу его Анны или, быть может, чуть старше. Тоже чья-то дочь, кого-то на другом конце света, кто ведать не ведает обо

всех этих ее работах и о том, как она выкладывается. Десмонд молчал и просто смотрел на нее, пока она, шмыгая носом, не успокоилась.

— Вот потеха была бы, если б старый жиртрест вернулся и застучал нас обнявшимися. Его подозрения разом бы подтвердились.

— Он бы задохнулся от ревности, — галантно заверил Десмонд.

— Да-а, жди...

— Я, пожалуй, пойду.

— Если тебя будут спрашивать, скажу, что ты практикуешься в кочевом образе жизни, — ухмыльнулась она.

— Не надо ничего им говорить. Вот всегда он так.

Он позвонил Фрэнку из автомата у входных ворот. — Не уверена, что мистер Куигли у себя... Можно узнать, кто его спрашивает?

Продолжительное молчание. Явно совещаются.

— Нет, мистер Дойл, к сожалению, мистер Куигли в отъезде по делам. Разве вам не сообщили? Полагаю, секретарь мистера Палаццо должна была поставить вас в известность...

— Разумеется, — кротко согласился Десмонд, — я просто хотел узнать, не вернулся ли он.

— Нет-нет. — С ним разговаривали строго, будто с ребенком, никак не желающим понять очевидных вещей.

— Если он появится, передайте ему... передайте...

— Да, мистер Дойл?..

— Да нет, не стоит... Скажите просто, что звонил Десмонд Дойл и ничего не сказал. Как всегда.

— Простите, но я не совсем...

— Вы все расслышали. Но я повторю.

Десмонд проговорил свои слова заново и, вслушиваясь в них, испытывал какое-то удовлетворение. Уж не сходит ли он с ума?

Утро было в самом разгаре, и он вышел из массивных ворот «Палаццо» со странным чувством свободы. Будто школьник, отправленный с уроков домой по нездоровью.

Он вспомнил, как давным-давно они с Фрэнком прогуливали уроки в «Братях». Они говорили старшему Брату, что надышались в школьном дворе химикатов и теперь у них щиплет глаза и трудно дышать. Им удавалось убедить его, что только свежий воздух может их исцелить.

Даже сейчас, тридцать пять лет спустя, Десмонд помнил это чувство избавления, когда они, свободные как ветер, неслись вприпрыжку по холмам.

Чего им не доставало тогда — так это компании. Все остальные сидели, надувшись от зависти и возмущения в классе, играть было не с кем, и они волей-неволей возвращались домой раньше, чем могли бы.

Что-то подобное было и сегодня. Десмонду некого было позвать повеселиться. Не для кого купить бутылочку вина, как советовала Мэриголд. Даже если сесть в метро и доехать до Бейкер-стрит, зайти к Анне, в книжный магазин, не факт, что она будет свободна. Да и встревожится она: такие визиты не в его обыкновении. Сын, которому посчастливилось обрести какую-то свободу, теперь далеко. Вторая дочь в своем монастыре. Она не поймет, как ему необходимо сейчас поговорить, высказаться, как-то определиться.

Двадцать шесть лет прожиты в этой стране, и какой жалкий итог — во всем Лондоне нет ни одного человека, которому можно позвонить, встретиться и поговорить. Десмонд Дойл никогда не относил себя к сливкам общества, однако считал, что они с Дейрдрой — люди, у которых есть друзья, есть свой круг. Ну да, как же иначе! Скоро они будут праздновать серебряную свадьбу, и проблема не в том, кого пригласить, наоборот — как сократить число приглашенных.

Что значит — у него нет друзей? Да у них уйма друзей! Вот, в этом-то все и дело — у *них*. У них есть друзья. У них с Дейрдрой. И дело вовсе не в реорганизации и менеджерской должности! Проблема в другом — в его обещании, данном и нарушенном.

Он поклялся ей той ночью много лет назад, что выбьется в люди, сделает себе имя в бизнесе! О'Хаганам придется с ним считаться! Он пообещал, что Дейдрэ никогда не придется зарабатывать на жизнь, да никто из ее подруг, вышедших замуж в 1960 году, и не думал искать работу. Ирландия теперь уже не та — стала больше похожа на Англию. Миссис О'Хаган, любившая задирать нос по всякому поводу, сегодня воздержалась бы задирать его перед женщиной, которая идет на дневные или вечерние курсы, желая продолжить свое образование, или ищет работу ради того, чтобы помочь мужу устроить домашний очаг.

Но тогда, в те далекие черные дни, нелегко было сносить презрение О'Хаганов. И Десмонда никто не принуждал к тому обещанию — он дал его по своей доброй воле. Держа в своих руках

маленькую, нежную ручку Дейдры той ночью, когда они уже решились сообщить обо всем ее родителям, убеждая ее поверить в него. И хорошо помнил сказанные им тогда слова.

— Я всегда хотел заниматься торговлей. Конечно, твоим родным я не стал бы об этом говорить, но когда к нам в город забредали цыгане, для меня было удовольствие и развлечение разглядывать разложенные на земле яркие шали и цветные блестящие гребешки. Я даже чувствовал с теми цыганами какое-то родство.

Дейдра отвечала ему доверчивой улыбкой. Она знала, ему хватит ума не упоминать о цыганах в семье О'Хаганов.

— Мне нужна ты, — говорил он. — Нужна больше всего на свете. А если у человека есть мечта, для него нет ничего невозможного. Я пробую себе дорогу. Устроюсь в торговом бизнесе в Англии и всем утру нос. Твоим родителям не придется жалеть, что я не врач или юрист. Придет день, и они радоваться будут, что выдали тебя за гения коммерции!

Она отвечала ему взглядом, полным веры, и с тех пор ни на миг в нем не усомнилась.

Неожиданно он понял, что идет по привычному пути к дому. Будто на автопилоте, ноги сами привели его к автобусной остановке. Приятно было брести по улице в это время дня — ни толп, ни очередей, не то что в часы пик.

Или все-таки позвонить Дейдре? Он знал, она дома, ломает голову над списком приглашенных на эту чертову серебряную свадьбу. Неужели она не оценит его честность и прямоту? Она же любит его, разве нет? И он ее любит. А он ее правда любит. Конечно, она уже не та — все меняются, да и нелепо было бы ожидать, что она останется той Дейдрой О'Хаган, прелестной девушкой с пушистыми светлыми волосами, когда-то заполнявшей все его мысли и сердце. Разве она не мечта? Но никогда, никогда он не сказал бы этого Карло Палаццо... Тут как раз подъехал автобус.

Десмонд заколебался. Пропустить автобус, найти телефон, пригласить собственную жену на ланч и поделиться с ней своими мыслями? В надежде на то, что они и теперь еще могут быть во всем заодно, думать заодно, чувствовать заодно — как в то время, когда они плечом к плечу отстаивали свою любовь перед всемогущими О'Хаганами.

— Вы садитесь или нет? — сердито спросил кондуктор. Десмонд стоял, держась рукой за поручень. Ему вспомнились слова Мэриголд: «Некоторые, Диззи, вообще никак не поступают». Но он уже почти вошел в автобус.

— Сажусь. — И на лице его было такое кроткое, безобидное выражение, что усталый молодой кондуктор, которому тоже хотелось другой, лучшей жизни, смягчился.

Десмонд все продумал, пока шел по Розмари-драйв, — четкие фразы предстоящего разговора с Дейрдрой, убедительные доводы. Новая работа даст ему простор, больше свободы действий, новые возможности; вместо того чтобы сидеть, забившись в своем углу, ничего не видя, он на личном опыте узнает, как функционирует компания, чем она живет. Он скажет, что сам объяснялся с Карло, так как Фрэнк уехал по делам, не забудет и о том, что, хотя точное наименование новой должности еще не сформулировано, волшебное слово «менеджер» там обязательно будет. А вот о приглашении на ужин к Палаццо упоминать не стоит: он-то прекрасно знает — никакого приглашения им век не дожждаться.

Он не держал зла на Фрэнка, что тот уклонился от выяснения отношений. И даже за то, что именно Фрэнк был главным виновником перевода Десмонда на новую должность. Но Фрэнк, по-видимому, прав: Специальные Проекты себя исчерпали.

А может быть, Фрэнк дает ему возможность найти себе более подходящую нишу на фирме, лучшее применение? Жалко, что сам он не может отнестись к этому с должным энтузиазмом.

Дейдра переполошится, если он неожиданно-негаданно в обеденный перерыв явится домой. Она станет суетиться и замучает его упреками: почему не предупредил. Его важные новости затеряются в суматохе по поводу того, что «обед не готов».

Десмонд решил, что зайдет в угловой магазинчик и поест у Суреша Патела. У них продается пицца, не ахти какая, в толстенной полиэтиленовой обертке и с непропорциональным соотношением основы и начинки. Ничего, сойдет. Или взять баночный суп и длинный батон с хрустящей корочкой? Он не мог вспомнить, продаются ли у мистера Патела готовые куриные ножки и крылышки, — а было бы неплохо.

В магазинчике было пусто, но самое удивительное — никто не сидел за кассой. В тех редких случаях, когда там не восседал, точно на троне, сам Суреш Пател, консультируя покупателей и управляя своей крохотной империей, это место всегда занимал кто-то другой: его безмолвная жена, которая ни слова не знала по-английски и могла пробить чек, лишь прочитав на ярлыке цену; иногда — очкастый, похожий на сову сын или бойкая маленькая дочь. Брат мистера Патела был неспособен к участию в семейном бизнесе.

Десмонд прошел по главному проходу и вдруг с головокружительным ощущением «дежа вю» понял, что на его глазах совершается налет. Происходящее казалось нереальным. Двое парней с дубинками, в кожаных куртках, били тучного брата Суреша Патела. Десмонду казалось, будто он смотрит футбольный матч по телевизору, и на экране прокручивают повтор интересного момента.

Старая подруга изжога напомнила о себе на этот раз так сильно, что он чуть не задохнулся.

Он отступил на два шага назад. Надо выскочить на улицу и поднять тревогу. И там, если уж начистоту, меньше вероятность, что налетчики схватят его раньше, чем он позовет подмогу.

Но не успел он тронуться с места, как услышал голос Суреша Патела, взывающего к парням с дубинками:

— Умоляю вас, умоляю вас, он слабоумный, он не знает ничего о сейфе! Нет никакого сейфа, есть деньги в вечерней кассе. Пожалуйста, не бейте больше моего брата!

Десмонд испытал новый шок, почти физическое ощущение в области живота, когда увидел, что рука мистера Патела как-то странно вывернута. Как будто над ней уже поработали дубинкой. И уже сломали.

Даже если бы Мэриголд не сказала ему тогда о людях, которые не совершают поступков, он бы все равно сделал то, что сделал. Десмонд Дойл, человек такой тихий, что его удалось выдворить из кабинета, когда он еще не пустил там корни, человек такой слабый, что вынудил юную австралийскую красавицу проливать слезы над его будущим, — он вдруг понял, как должен поступить.

Десмонд поднял стопку подносов, на которых еще утром лежал свежий хлеб, и мгновенно обрушил их на шею ближайшего налетчика. Парень, едва ли старше Брендана, шмякнулся на пол. Второй молодчик

установился на него безумным взглядом. Толкая его в грудь подносами, Десмонд стал оттеснять его к задним комнатам, где обитало все семейство Пателов.

— Жена ваша там? — прокричал Десмонд.

— Нет, мистер Дойл.

Лежащий на полу Суреш Пател посмотрел на него точно так, как киногерои смотрят на подоспевших спасителей. А брат Суреша улыбался от всего сердца.

А Десмонд все пихал и пихал, силы его будто бы удесятерились. За спиной у него слышались голоса, кто-то вошел в магазин. Покупатели!

— Скорей вызывайте полицию! И «скорую»! — прокричал он. — Здесь был совершен налет. Да шевелитесь же. В любом доме вам дадут позвонить.

Двое клиентов радостно убежали — им досталась безопасная роль в этом драматическом событии. Десмонд припер застекленным шкафчиком дверь комнаты, куда загнал ошарашенного парня в кожаной куртке. Спросил:

— Он оттуда не выберется?

— Нет. Мы поставили на окно решетки, сами понимаете, на тот случай, если что-нибудь такое...

— Вы в порядке? — Десмонд опустился на колени перед хозяином магазина.

— Да. Да. Вы убили его? — Он качнул головой в сторону распластавшегося на полу парня, который начал приходить в себя и постанывать.

Десмонд вынул у парня из рук железную дубинку и встал, готовясь нанести еще один удар, но тот был не в состоянии шевельнуться.

— Нет, он жив. Но отправится в тюрьму, клянусь Богом, он отправится в тюрьму!

— Может, и нет, но это неважно. — Суреш Пател попытался встать. Вид у него был растерянный и напуганный.

— А что важно? — желал знать Десмонд.

— Ну, мне надо знать, кто теперь будет работать за меня в магазине — вы знаете моего брата, и что моя жена не говорит по-

английски, и я не могу просить детей не ходить в школу, а то они пропустят уроки и экзамены...

Десмонд услышал далекую сирену, вбежали двое молодых героев и сообщили, что полиция едет.

— Об этом не беспокойтесь, — ласково заверил Десмонд мистера Патела. — Все будет в порядке.

— Но как, как?

— У вас есть родственники, хотя бы дальние, тоже работающие в торговле?

— Да, но они не могут: у каждого свое дело, и все должно идти своим путем.

— Понимаю, но все-таки, когда мы отвезем вас в больницу, не дадите ли мне их координаты? Я могу связаться с ними.

— Это бесполезно, мистер Дойл, у них не будет времени... Они должны работать на себя. — В его больших темных глазах блестели слезы. — Нам конец. Все очень просто.

— Нет, мистер Пател. Я сам заменю вас в магазине. Вы только должны им сказать, что доверяете мне и здесь не будет никакого обмана.

— Вы не можете сделать этого, мистер Дойл. У вас большое положение в «Палаццо Фудз», вы просто говорите так, чтобы мне было легче.

— Нет, я говорю правду. Я присмотрю за магазином, пока вас не выпишут из больницы. Сегодня, конечно, нам придется его закрыть, вывесить объявление, но я позабочусь, чтобы завтра же, к обеденному перерыву, он снова работал.

— Как мне вас благодарить...

У Десмонда тоже слезы навернулись на глаза. Он видел: этот человек верит в него, как в Бога, в глазах Суреша Патела Десмонд Дойл — великий менеджер, который может все, что захочет.

Врачи, приехавшие на «скорой», были очень внимательны и заботливы. Сказали, что у потерпевшего, кроме руки, по всей вероятности, сломано еще ребро.

— Это может затянуться, мистер Дойл, — предупредил Суреш Пател, когда его положили на носилки.

— Время не имеет значения.

— Позвольте, я скажу вам, где сейф.

— Не сейчас, попозже — я навещу вас в больнице.

— Но ваша семья, ваши родные, они не позволят вам этим заниматься.

— Они поймут.

— А потом?

— Потом посмотрим. Не думайте об этом. Полицейские были совсем молоденькие, на вид — еще младше грабителей. Один явно младше Брендана.

— Кто тут главный? — Голос юного блюстителя порядка еще не обрел той уверенности, которая, несомненно, появится через каких-то два-три года.

— Я, — ответил Десмонд. — Десмонд Дойл, Розмари-драйв, дом 26. И я буду присматривать за магазином, пока не вернется мистер Пател.

5. ОТЕЦ ХЁРЛИ

Кроме сестры, отца Джеймса Хёрли никто не называл Джимбо, это было бы немыслимо. Мужчина шестидесяти с лишним лет, с седыми волосами и красивой головой, он держался с достоинством епископа, и, по мнению многих, епископский сан был бы ему более к лицу, чем многим из тех, кто его носит. Высокому и статному, ему бы пошла епископская мантия, а еще больше — кардинальский пурпур.

Но, увы, в Риме судили не по наружности, и имя отца Хёрли никогда не звучало в коридорах власти.

Не нашлось бы никого, кто сказал против него хоть слово. Его прихожане в нескольких церковных приходах графства Дублин души в нем не чаяли. Он вроде бы вполне попевал за переменами, происшедшими в церковной жизни после Ватиканского собора,^[7] но и вперед забегать не собирался. Тихими, ласковыми речами он умел успокоить самых консервативных и в то же время не брезговал прислушаться к мнению мирян. Не сказать, чтобы он стремился угодить «и нашим, и вашим», но, во всяком случае, старался сгладить острые углы и никого не раздражать.

А в графстве Дублин, где антиклерикализм широко распространился в среде либерально настроенной молодежи, это требовало большого мужества и искусства.

Он был не из тех священнослужителей, что выступают по телевидению в дебатах на всякие животрепещущие темы, — на экране он ни разу не появлялся. И не венчал известных атеистов, устраивая из церковной службы спектакль. Но и к духовенству старой закалки — тем, что отправляются в марте в Челтнем, набив карман пятифунтовыми банкнотами, и улюлюкают гончим во время охоты на зайцев, он не принадлежал. Отец Хёрли получил хорошее образование, много путешествовал на своем веку и обладал обходительными манерами. Нередко про него говорили, что он похож на профессора. Это была высокая похвала. И он посмеивался про себя, когда слышал по своему адресу комплимент, который у некоторых считался еще более высокой похвалой, — что он больше похож на англиканского приходского священника, чем на католического.

Складывалось впечатление, что Джеймс Хёрли спокойно переходит из одного прихода в другой, не перемещаясь по лестнице карьеры ни вверх, ни вниз. Казалось бы, человек такого ума и красноречия просто обречен подниматься все выше и выше... Ан нет. Поговаривали, правда, что он и не стремился к повышению или особым выгодам. При этом его нельзя было назвать человеком не от мира сего, чуждающимся мирских радостей. Он ценил хорошие вина, любил полакомиться фазаном и омаром.

Отец Хёрли всегда казался довольным своей судьбой, даже когда его назначили в рабочий район с четырнадцатью молодежными клубами и одиннадцатью футбольными командами — и это после того, как на предыдущем месте ему приходилось главным образом посещать просторные гостиные и частную лечебницу.

Учился он в одной из лучших католических школ Англии, но никогда об этом не рассказывал. Он был из богатой семьи и, по слухам, провел детство в большом загородном имении. Все эти сведения, однако, исходили отнюдь не от самого отца Хёрли. Он только беззаботно смеялся и говорил, что лучше ирландцу не трясти свое родословное дерево: мало ли что свалится на голову. У него была сестра, замужем за состоятельным сельским адвокатом, и племянник — их единственный сын. Вот об этом юноше отец Хёрли не умалчивал, более того, отзывался о нем с большой теплотой. Грегори был единственным уголком в личной жизни отца Хёрли, на который он охотно проливал свет.

Во всем же остальном он был всего лишь хороший, внимательный слушатель чужих историй. Потому-то люди и считали его таким интересным собеседником: он говорил с ними только о них.

В переездах из одного прихода в другой его сопровождали фотографии отца и матери, уже умерших, в старомодных овальных рамках, и два снимка Грегори — первое причастие и школьный выпуск. Красивый юноша с рукой, легко покоящейся на дипломе, смотрит в объектив улыбающимися глазами, словно знает гораздо больше любого другого выпускника, позировавшего в тот день для чопорных, парадных портретов, но воспринимает все это без особой серьезности.

Для тех, кто рассказывал отцу Хёрли о своей жизни, посвящал в свои заботы, выкладывал сплетни, Грегори служил идеальной

дежурной темой — всегда можно справиться о нем и услышать восторженный ответ, только слушай с вежливым видом, а потом запросто вернуться к собственным делам. Никто не заметил, что с какого-то момента отец Хёрли перестал сам заговаривать о Грегори, а его ответы стали уклончивыми и не такими информативными, как раньше. Слишком хороший дипломат, он заботился о том, чтобы никто этого не заметил. И об этом его качестве люди тоже говорили: ему бы служить в министерстве иностранных дел, консулом или даже послом.

Джеймс Хёрли лишился матери еще в детстве, и Лора всегда была для него одновременно матерью, сестрой и лучшим другом. Лора была на пять лет старше брата. Ей исполнилось семнадцать, когда на ее попечении оказались большой рушащийся дом, младший брат и нелюбимый отец, обращавший на детей не больше внимания, чем на покойную жену или родовое имение.

Теперь-то Джеймс Хёрли все понимал, но тогда он жил в детском страхе, стараясь не раздражать сурового, холодного отца. Если бы не он, Лора могла бы поступить в университет, а вместо этого она осталась дома и только окончила секретарские курсы в ближайшем городке.

Эта мысль всегда мучила его.

Лора работала в местной бакалейной лавке, пока ее не купила более крупная фирма; потом в местной пекарне, которая в конце концов слилась с тремя соседними пекарнями; затем в приемной у врача, и во время ее работы там врача лишили звания за нарушение профессиональной этики. Лора часто повторяла маленькому брату Джимбо, что она, похоже, приносит несчастья своим работодателям. И ее маленький брат Джимбо часто предлагал ей устроиться на работу к ним в школу, надеясь, что тогда ненавистную школу закроют.

Она горячо поддерживала брата в его призвании; они совершали долгие прогулки по проселочным дорогам, сидели вдвоем на мшистых берегах, на приступках изгородей между полями и разговаривали о любви Божьей так же, как другие говорят о спорте или кино.

Лора Хёрли со слезами на глазах опустилась на колени, чтобы принять от брата первое благословение после того, как он отслужил свою первую мессу.

Их отец к тому времени уже умер, так и оставшись до конца безразличным и безучастным к судьбе собственных детей. Джеймс

сделался священником, но с тем же успехом он мог бы стать солдатом или жокеем — его отцу было все едино.

Пока Джеймс учился в семинарии, он очень беспокоился за Лору. Она жила в сторожке у ворот поместья, их бывшего дома. На фоне соседних имений Большой Дом не был таким уж большим и все же он выглядел весьма солидно. Но Лора не испытывала унижения от того, что поселилась в домике привратника, где раньше жили без всякой арендной платы те, в чьи обязанности входило открывать и закрывать ворота для Хёрли. Она весело объясняла, что гораздо легче следить за маленьким жильем, чем за большущим домом, а с тех пор как их отец сначала переселился в частную лечебницу, а потом отошел в лучший мир, и она осталась одна, и содержать Большой Дом больше не имело смысла. К моменту его продажи набралось столько долгов — за обучение Джеймса, за содержание отца в лечебнице, — что имение пришлось заложить. В банке почти ничего не было, и мисс Лора Хёрли, преданная сестра и верная дочь, осталась без приданого.

Но Лору никогда не преследовали подобные грустные мысли. Она была счастлива, выгуливала двух своих больших колли, вечерами читала у маленького камина, а днем отправлялась на работу в контору местных адвокатов. Она со смехом говорила, что умудрилась еще не прикрыть их лавочку, как случалось раньше. Но она принесла туда кардинальные перемены.

И прежде всего изменила семейное положение закоренелого холостяка мистера Блэка-младшего. Мистера Блэка, который в свое время был самым завидным женихом во всем графстве. И вот когда сорокалетний мистер Блэк увидел тридцатичетырехлетнюю Лору Хёрли, его твердокаменная решимость навсегда остаться одиноким и свободным поколебалась.

А потом пришло письмо: «Дорогой Джимбо, ты не поверишь, но мы с Аланом Блэком решили пожениться. Нам бы очень хотелось, чтобы обряд бракосочетания совершил ты. Оба мы, мягко выражаясь, уже не первой молодости, поэтому не станем выставлять себя на посмешище и развлекать толпу зевак. Мы хотели бы поехать в Дублин и, если это возможно, обвенчаться в твоём приходе. Дорогой Джимбо, я никогда не думала, что можно быть такой счастливой! И чувствовать себя так беззаботно и уверенно, будто все это было нам суждено. Не заслужила я такого счастья, ей-богу, не заслужила!»

Отец Хёрли навсегда запомнил это письмо от сестры, оно так и стояло у него перед глазами — маленький листок желтоватой бумаги, покрытый буквально набегающими друг на друга словами. Он помнил, как глаза его увлажнились слезами радости при мысли о том, что есть все-таки справедливость на свете, раз такая добрая женщина нашла себе великодушного, хорошего человека. Алана Блэка он не помнил — помнил только, что тот был очень хорош собой и одевался с иголочки.

В двадцать девять лет отец Джеймс Хёрли уже ощущал себя человеком, умудренным жизнью, и — странное дело — соединяя руки Лоры и Алана Блэка на церемонии бракосочетания, он глядел на старшую сестру с бережно-покровительственным, каким-то отцовским чувством. Он надеялся, что этот темноглазый, темноволосый человек с едва начавшими сесть висками будет добр к Лоре, оценит щедрость ее души и бескорыстие.

Не раз он ловил себя на том, что смотрит на них с надеждой, которая была чем-то большим, нежели простое желание, немой молитвой о том, чтобы между сестрой и этим высоким красавцем всегда царил мир. Лицо у Лоры было открытое, честное, но даже в этот день, день ее свадьбы, никто бы не назвал ее красивой. Волосы у нее были гладко зачесаны назад и стянуты широкой кремовой лентой под цвет костюма, такой широкой, что могла сойти за шляпку или головной платочек для церкви. Лора припудрила лицо, и светившаяся на нем улыбка согревала сердца немногочисленных присутствующих. Отец Хёрли молил Бога, чтобы внимание красавца адвоката когда-нибудь не обратилось на других женщин.

Годы спустя он изумлялся своей тогдашней наивности — как он вообще мог считать себя способным давать советы мужчинам и женщинам на их земном пути? В этом изменчивом мире не было и никогда раньше не бывало чувства более сильного и постоянного, чем любовь Алана Блэка к жене. С того дня, как они наведались к нему, загоревшие и веселые, после своего возвращения из Испании, где провели медовый месяц, ему ничего не оставалось, как признать: его собственные суждения, основанные на внешнем впечатлении, были поверхностными. Да и почему бы Алану Блэку, человеку умному, интеллигентному, не увидеть высокие достоинства Лоры Хёрли, ее доброту и любящее сердце? В конце-то концов, сам Джеймс Хёрли

всегда видел в ней это, так почему же он думает, что адвокат мистер Блэк его глупее?

Он часто приезжал к ним погостить. Они отремонтировали домик привратника и пристроили к нему несколько комнат. На одной стороне дома появился кабинет, от пола до потолка заставленный книгами; по вечерам они затапливали там камин и частенько читали втроем, сидя в больших креслах. Нигде до того он не знал такого мира и счастья.

Иногда Лора, свернувшись калачиком в кресле, поднимала глаза и улыбалась ему. «Разве это не жизнь, Джимбо?» — говорила она. Она любила прогуляться с ним по полям, среди когда-то принадлежавших им пастбищ, изгородей и рвов. «Разве мы думали, что все так хорошо обернется, а, Джимбо?» — часто повторяла она и ерошила младшему брату волосы. Для нее он никогда не станет почтенным отцом Хёрли.

А потом Лора и Алан сообщили, что сооружают на другой стороне дома новую, длинную и низкую, комнату — это будет детская. Правда, детской они ее называть не будут — малышейовое словечко. Комнату станут называть по имени ребенка: комната его или ее — смотря кто это будет. Ребенка назвали Грегори, во время крещения отец Хёрли держал младенца на руках. Это был красивый малыш с длинными и темными, как у отца, ресницами. Грегори Блэк.

Больше детей у них не было; по словам Лоры, они хотели бы подарить ребенку братика или сестренку, но — увы. Однако они позаботились о том, чтобы мальчику было с кем играть, чтобы его окружали другие дети. Он рос ребенком, о котором любой нежный дядюшка может только мечтать.

Увидев приближающуюся машину, Грегори вскакивал со своего места у окна собственной комнаты. «Это дядя Джим!» — кричал он, старые шотландские овчарки принимались прыгать с радостным лаем, а Лора бегом летела из кухни.

Алан, возвращаясь с работы, встречал его широкой улыбкой: в доме сестры ему явно были рады. Они любили, когда он приезжал на пару дней посреди недели, и радовались взаимной привязанности, которая возникла между дядей и племянником.

Естественно, лет с десяти Грегори уже хотел быть священником. Это куда лучше, чем работать в конторе отца, говорил он вполне серьезно. Священникам можно ничего не делать, а люди платят тебе деньги за то, что ты служишь мессы, которые и так бы служил, а еще

поднимаешься на кафедру и указываешь людям, как себя вести, — не то они попадут в ад. Слушатели, хотя и несколько шокированные, были в восторге, и Грегори с энтузиазмом продолжал. Это самая лучшая работа на свете. Еще можно не отпустить на исповеди грехи тому, кто тебе не нравится, и тогда он попадет в ад — вот будет здорово!

Блэки в свою очередь приезжали к нему в Дублин, и Джеймс Хёрли никогда не уставал говорить о хорошем, смышленном мальчике — своем племяннике. Грегори хотелось знать все, познакомиться со всеми. Он очаровывал старых желчных кюре и несносных прихожанок, которые во всем норовили увидеть для себя личное оскорбление.

— А из тебя, я думаю, и вправду может выйти хороший священник, — сказал однажды, со смехом дядя. Грегори тогда было пятнадцать. — Тут очень много работы с людьми, важно умение налаживать с ними хорошие отношения, а у тебя с этим полный порядок.

— Я просто поступаю так, как подсказывает здравый смысл, — отвечал Грегори.

Отец Хёрли кинул на него пытливый взгляд. Конечно, здравый смысл подсказывает, что лучше держать себя с людьми любезно и благожелательно, а не заносчиво и высокомерно. И конечно, мудро поступает тот, кто старается не навлекать на себя гнев властей предрержащих. Но подобные мысли у пятнадцатилетнего мальчишки!.. Как быстро они растут нынче.

Поступив в Университетский колледж Дублина, Грегори решил изучать право. Опять же, по его словам, так подсказывал здравый смысл. Все равно на кого-то надо выучиваться, право ничем не хуже всего остального, а отцу, деду и дяде будет приятно думать, что еще один Блэк избрал себе почтенную юридическую карьеру.

— Значит, займешься адвокатской практикой? — удивился отец Хёрли. Грегори казался ему слишком незаурядным, слишком живым и деятельным по натуре, чтобы осесть в маленьком городке, где так мало примечательного будет для его острого, беспокойного взгляда, который не любит ни на чем задерживаться подолгу и жадно ищет новых впечатлений.

— По правде говоря, дядя Джим, я и сам еще не знаю. Родителям это точно было бы по душе, так что нет смысла их разубеждать. Пусть думают, что так оно и будет.

И опять в его словах сквозил какой-то холодок. Парень не сказал, что лжет родным, он сказал только, что, раз в этом мире нет ничего определенного, не стоит загадывать наперед. Не раз отец Хёрли повторял это себе, когда читал вечернюю молитву или когда его одолевала тревога при воспоминании о словах Грегори. Я превращаюсь в занудливого осла, думал он, треплю себе нервы по пустякам. Это нелепость — пытаться выискать какой-то устрашающий смысл в практических планах современного молодого человека.

Грегори успешно окончил университет и был запечатлен на фотоснимках — один и с родными: отцом, матерью и дядей.

Алан Блэк уже совсем поседел, но все еще был красив. Ему исполнилось шестьдесят три — разница в сорок два года разделяла его с сыном. Адвокат Блэк всегда говорил, что неважно, на сколько ты старше сына — на восемнадцать лет или на сорок восемь, все равно вы принадлежите к разным поколениям. Но для него лично все вышло как нельзя лучше, о таком можно только мечтать: мальчик никогда не требовал мотоцикла, не имел дела с наркотиками, не водил домой всякий сброд. Идеальный сын.

Лора, его мать, на торжественной выдаче дипломов выглядела прекрасно. Она не суетилась и не щебетала о том, что произвела на свет сына, который сможет подписываться «бакалавр гражданского права» и вскоре будет принят в Юридическую корпорацию. Лора была в элегантном темно-синем костюме, на шее — яркий розовый шарфик. На стрижку она потратила, по ее мнению, прорву денег, и ее седые волосы смотрелись изящно и ухоженно. Никто не дал бы ей пятьдесят шесть лет, и она была воплощение счастья. Вдруг она сжала локоть брата.

— У меня такое чувство, что мне слишком повезло в жизни, Джимбо, — сказала она с серьезным видом. — Почему Бог дал мне такое счастье, если Он не дал его всем другим?

— Отец Хёрли, который тоже не выглядел на пятьдесят один год, старался убедить ее в том, что любовь Божия равно изливается на всех, вопрос в том, кто как ее принимает. Лора со своей всегдашней

ангельской добротой ко всем по справедливости заслуживает счастья в этой жизни, так же как и в будущей.

Он сам верил в то, что говорил, верил в каждое свое слово. Его взгляд упал на женщину с усталым лицом и сына в инвалидной коляске. Они пришли на выпускной акт ради дочери.

Быть может, она тоже человек ангельской доброты, подумал отец Хёрли. Слишком трудно было понять, почему Бог не дал ей лучшей доли. Но сейчас не стоит об этом думать.

Они пообедали в одной из лучших гостиниц. Кое-кто из сидевших за столиками знал отца Хёрли, и он с гордостью представлял им своих родных — элегантных сестру и зятя, многообещающего красивого молодого человека.

Некие миссис О'Хаган и миссис Бэрри, решившие немножко себя побаловать, были, похоже, очень рады познакомиться с тем самым племянником, о котором они столько слышали. Отец Хёрли предпочел бы, чтобы две леди поменьше распространялись о том, как часто и с каким восторгом он упоминал о молодом человеке: получалось так, будто у него нет других тем для разговора.

А Грегори ничуть не смутился. Когда они уселись за столик, он с заговорщицким видом ухмыльнулся дяде.

— Так, говоришь, у меня есть подход к людям? Так ты же просто гений! Выдаешь им время от времени крохи безобидных семейных новостей — и они уверены, что знают о тебе все. Хитрая лиса, вот ты кто, дядя Джим!

Конечно, утешительно, что тебя не принимают за болтливую дядюшку, который с ума сходит по племяннику, но, с другой стороны, обидно: его, похоже, считали слишком суетным.

Грегори Блэк решил поработать несколько лет в Дублине практикующим адвокатом — набраться опыта. По его словам, лучше совершить все неизбежные ошибки новичка на людях незнакомых, чем на клиентах отца. Даже его давно вышедший из дела дед, которому было уже под девяносто, одобрил эту идею. Как и дядя, у которого не было собственных детей. Родители тоже были «за».

— Глупо было бы удерживать его в захолустье после того, как он столько времени жил совершенно самостоятельно в Дублине, — сказала Лора брату. — И потом, он говорит, что будет часто к нам приезжать.

— Правда ли будет или только обещает? — засомневался отец Хёрли.

— Будет-будет. Когда он учился, единственная проблема была в транспорте, трудно мотаться туда-сюда на поезде, а потом еще на автобусе. Теперь, когда у него будет машина, все станет по-другому.

— Собственная машина?!

— Да, подарок Алана. Алан обещал ему машину, если он закончит хорошо.

Она сияла от гордости.

Благодарность Грегори была безмерна. Он от души расцеловался со всеми. Его отец, охрипший от счастья, стал говорить, что со временем Грегори, естественно, сменит эту модель и заведет себе что-нибудь попримечнее, но пока... может быть...

Грегори уверил, что не поменяет машину, пока она не выйдет из строя. Облегчение и радость переполнили сердце отца Хёрли: все-таки этот жадный до жизни темноволосый мальчик понимает, какой любовью и заботой окружен, и умеет ответить на них как должно.

Его счастливые родители возвратились к себе в деревню, счастливый дядя вернулся в церковь, и молодой человек остался один, вольный делать со своей жизнью, что ему угодно. Теперь в его распоряжении было большое подспорье — новенький автомобиль.

Грегори сдержал слово — навещал родителей; он лихо подкатывал к домику привратника, ласково трепал уши собакам — детям и даже внукам тех, первых шотландских овчарок, которых так любила его мать. Говорил с отцом о праве и с матерью о своей жизни в Дублине.

Судя по всему, у него было много друзей, как мужчин, так и женщин (с гордостью рассказывала Лора брату), они приходят друг к другу домой и даже готовят друг для друга еду. Лора всегда давала ему с собой хлеб, бекон, хорошей деревенской ветчины ломтями, масло целыми фунтами, иногда специально зажаривала бифштекс и пекла пирог с почками, чтобы сын полакомился у себя в Дублине. Пару раз Джеймс Хёрли даже удивился: интересно, чем, по ее мнению, торгуют продовольственные магазины в районе, где снимает квартиру его племянник. Но вслух ничего не сказал. Его сестре было в радость чувствовать, что она, как и прежде, заботится о красивом сыне,

которого произвела на свет. Зачем препятствовать этому хорошему, доброму чувству? Как говорит его племянник, в этом нет смысла.

Практически никогда не совпадало так, чтобы они с Грегори одновременно гостили в доме у Лоры. По выходным священник никогда не бывал свободен: в субботу — исповеди и посещения домов прихожан, в воскресенье — приходские мессы, вызовы к больным и вечернее благословение. Но когда он выбирался к Лоре и Алану с ночевкой посреди недели, он видел, что радость, которую приносили им визиты сына, совершенно затмевала то, что можно было бы счесть эгоизмом в его поведении.

Лора с восторгом расписывала, как охотно Грегори пользуется тем большим красным мешком для грязного белья, который она ему сшила, как часто он бегаёт на кухню и запихивает его содержимое в их стиральную машину.

Она говорила об этом с гордостью, будто это стоило ему большого труда. Она только забывала упомянуть о том, что сама вынимала белье из машины и вывешивала сушиться, сама гладила его рубашки, сама все укладывала ему в дорогу и оставляла в готовом виде на заднем сиденье его машины.

Алан говорил, что Грегори с большим удовольствием ходит с ними по субботам обедать в гольф-клуб, хвалит тамошние вина и хорошую еду.

Отец Хёрли удивлялся, почему Грегори хотя бы изредка не отвезет родителей на машине, которую они ему купили, в какую-нибудь гостиницу неподалеку и сам не угостит их обедом.

Но, как обычно бывает, нецелесообразно было поднимать такие бестактные вопросы. И потом, вспоминая он с чувством вины, ему самому в прежние времена никогда не приходило в голову угостить сестру обедом, доставить ей такое удовольствие. Впрочем, он имел в свое оправдание обет бедности, но были вещи, о которых он просто не думал. Может быть, в молодости все мы такие.

Грегори всегда был душой компании. Он мог говорить без умолку и при этом ни о чем. Таким определением можно похвалить человека, а можно и оскорбить. В случае Грегори это вызывало у окружающих только восторг и восхищение.

Иногда Грегори ездил с дядей купаться в Сэндикоув, на мужской пляж Форти-Фут. Иногда заходил к отцу Хёрли, в его дом при церкви,

промочить горло и, подняв к вечернему свету стакан прекрасного уотерфордского^[8] хрустала, любовался игрой золотистого виски в его гранях.

— Хорошая штука аскетизм, — говорил он со смехом.

Невозможно было на него обижаться, и только самый отъявленный скряга заметил бы, что сам он никогда не принесет бутылочку виски, чтобы пополнить дядин запас, не важно — аскетический или нет.

Визит племянника посреди ночи явился для отца Хёрли полной неожиданностью.

— У меня маленькие неприятности, Джим, — сказал он, едва переступив порог.

Ни тебе «дядя», ни извинения за то, что поднял тебя с постели в три часа ночи.

Отцу Хёрли удалось успокоить престарелого кюре и не менее престарелую экономку и загнать их обратно в спальни. «Чрезвычайная ситуация, я сам разберусь», — объяснил он. Вернувшись в гостиную, он увидел, что Грегори уже налил себе большую порцию. Глаза парня слишком ярко блестели, на лбу выступили капельки пота, по виду он уже и без того порядочно набрался. — Что стряслось?

— Проклятый велосипед, выскочил прямо мне навстречу. Ни фар нормальных, ничего. Идиоты несчастные, их надо привлекать к ответственности. Надо сделать для них отдельные полосы, как в Европе.

— Что стряслось? — повторил священник.

— Я не знаю. — Грегори казался совсем мальчишкой.

— Ну ладно, велосипедист в порядке? Не пострадал?

— Я не остановился.

Отец Хёрли встал. Но ноги его не держали, он снова сел.

— Но ты его сбил? Он упал? Матьер Божья, Грегори, ты что, так и бросил его на дороге?!

— Пришлось, дядя Джим. Я был под этим делом. Сильно под этим.

— Где он сейчас? Где это произошло?

Грегори объяснил: неосвещенная дорога на окраине Дублина.

— Что ты там забыл?

Вопрос не имел отношения к делу, но священник пока еще не чувствовал себя в силах встать, подойти к телефону и сообщить в полицию и в «скорую помощь» о несчастном случае.

— Я поехал домой тем путем, думал, так оно спокойней, меньше вероятность, что остановят, ну... проверят на алкоголь.

Грегори поднял глаза на дядю. Точно так же он взглядывал еще мальчишкой, когда, случалось, забудет погулять с одной из собак или закрыть калитку в дальнем поле.

Но теперь дело посерьезней — в темноте на дороге лежал сбитый велосипедист.

— Ради Бога, Грегори, скажи мне, как по-твоему, что с ним?

— Не знаю, Господи, я не знаю! Я только понял, что это был велосипедист.

Он умолк. Выражение лица было совершенно бессмысленное.

— А потом?..

— Я не знаю, дядя Джим. Мне страшно.

— Мне тоже, — сказал Джеймс Хёрли. Он поднял трубку.

— Нет! Нет! — вскричал племянник. — Ради Бога, ты погубишь меня!

Джеймс Хёрли уже набрал номер полиции.

— Заткнись, Грегори, — отрезал он. — Я не собираюсь называть твое имя, я просто сообщу им место происшествия, а потом сам туда поеду.

— Ты не можешь... Не можешь!..

— Здравствуйте, сержант. Это отец Хёрли из дома священника при здешней церкви. Мне стало кое-что известно, произошел несчастный случай...

Он указал дорогу и район. Какое время? Наверное, с полчаса назад. Он глянул на Грегори — тот несчастно кивнул.

— Да, судя по всему, водитель не стал останавливаться и скрылся с места происшествия.

Страшные слова звучали как приговор. Грегори на сей раз даже не поднял головы.

— Нет, сержант, больше ничего не могу вам рассказать, извините. Мне сообщили об этом на исповеди. Я немедленно отправляюсь туда, взглянуть, что с несчастным... Нет, мне признались в этом на исповеди, я ничего не знаю ни о машине, ни о том, кто в ней был.

Отец Хёрли направился за пальто. Его взгляд скользнул по лицу племянника, и он увидел, что оно просветлело. В глазах Грегори светилась благодарность.

— Я как-то не подумал... Ну конечно — элементарный здравый смысл! В самом деле, ты ведь не можешь раскрыть тайну исповеди.

— Не было никакой исповеди, и я мог бы рассказать, но не стану.

— Ты не смог бы нарушить священный...

— Заткни свою глотку!..

Таким он дядю никогда еще не видел.

Отец Хёрли взял маленькую сумку на случай, если потерпевший серьезно пострадал и придется соборовать его прямо у обочины неосвященной дороги на окраине Дублина.

— А мне что делать?

— Идти домой. И лечь в постель.

— А машина?

— С машиной я разберусь. Отправляйся домой... С глаз моих!

Велосипедистом оказалась девушка. Судя по студенческому удостоверению в ее бумажнике — мисс Джейн Моррисси. Ей было девятнадцать. Она была мертва.

Вот всегда так, сказали полицейские. Они достаточно насмотрелись на подобные случаи. Вечно одно и то же — труп на обочине, дело рук какого-нибудь ублюдка, который и не подумал остановиться... Кошмар! Один полицейский снял фуражку и вытер лоб, второй закурил. Они обменялись взглядами через голову священника, приятного, с мягкой речью человека лет пятидесяти с лишним. Он читал молитву над мертвой девушкой, всхлипывая, точно ребенок.

Я сделал это ради Лоры — твердил себе потом бессонными ночами отец Хёрли; он не мог спать, не мог провалиться на семь-восемь часов в глубокое, без сновидений забытие. Он сослался на исповедь, иначе пришлось бы донести на единственного сына своей сестры, сообщить, что он сбил человека и скрылся с места происшествия. С точки зрения священника, принимающего исповедь, он обязан был уговорить парня сознаться в преступлении.

В жизни все не так, как в старом черно-белом фильме с Монтгомери Клифтом о священнике, терзаемом мучительными сомнениями. Сегодня священник обязан настаивать: если кающийся хочет отпущения грехов и очищения, он должен взять на себя ответственность за свои действия, должен заплатить за причиненный им ущерб.

Но Джеймс Хёрли думал о Лоре.

Это была единственная возможность уберечь ее. Это был способ дать понять ее слабому сыну, что он, отец Хёрли, вел себя в этом деле скорее как грешник, чем как духовник. Его поступку нет оправдания как с точки зрения гражданских, так и церковных законов.

Он солгал сержанту — сказал, что понятия не имеет, кто водитель, это был телефонный звонок — кто-то в истерике пытался исповедаться. Он солгал кюре, сказал, что ночной гость был нищим, просил милостыню.

Он солгал сестре, когда та спросила, почему он не может к ним приехать. Много дел в приходе, сказал он. А правда была в том, что он не в состоянии смотреть им в глаза. И не в силах был выслушать очередную историю, подтверждающую совершенство Грегори.

Машину Грегори он перегнал на станцию техобслуживания в месте, где его никто не знал, на другом конце Дублина. Хозяину-механику сказал, что вел машину кюре и задел ворота. Механик рад был услышать, что и священник способен дать маху; он выправил вмятину и произвел полный осмотр.

— Комар носа не подточит, — сказал он, радуясь, что участвует в маленьком сговоре. — Теперь кюре, хоть убей, ничегошеньки не заметит.

— Сколько я вам должен?

— Да о чем вы, отец, пара пустяков. Помолитесь за меня и за мою старенькую маму — ей последнее время нездоровится.

— Я не оплачиваю ремонт молитвами! — Священник побелел от гнева. — Ради всего святого, приятель, скажи, сколько с меня!

Испуганный механик, запинаясь, выговорил сумму. Отец Хёрли пришел в себя. Он положил руку ему на плечо и сказал:

— Пожалуйста, простите. Я очень сожалею, что вышел из себя и накричал на вас. Я был слегка на взводе, но это не оправдание. Можете ли вы меня простить?

По лицу человека разлилось облегчение.

— О чем речь, отец. Нет ничего хуже для настроения, чем врезаться в какие-нибудь пакостные ворота, в особенности для почтенного духовного лица вроде вас. Не берите в голову, повреждения-то никакого, можно считать, и не было. Так, одно название.

Отцу Хёрли вспомнилось бледное лицо девятнадцатилетней Джейн Моррисси, студентки социологического факультета, девичье лицо, одна сторона которого была залита быстро высыхающей кровью. На мгновение ему сделалось дурно.

Он знал, что его жизнь никогда уже не будет такой, как прежде. Знал, что перешагнул какую-то границу и оказался в другом мире — мире лжи.

Ключи от машины он положил в конверт и бросил в почтовый ящик Грегори. Поставив машину на стоянке, вернулся пешком в дом священника.

В вечерних газетах он прочел о несчастном случае, слышал обращение к очевидцам по радио.

Потом он сыграл со старым кюре партию в шашки, но мысли его были бесконечно далеко от игры.

— Хороший ты человек, Джеймс, — говорил кюре. — Ты не поддаешься мне, как другие. Очень хороший человек.

Слезы навернулись на глаза отца Хёрли.

— Нет, каноник, я очень слабый человек, глупый, пустой и слабый.

— А-а, мы все глупые, пустые и слабые, — возразил кюре. — И все-таки есть в некоторых из нас хорошее, в тебе-то уж точно есть.

Эти страшные дни были уже в прошлом, а бессонница все не проходила. Он возобновил отношения с племянником — натянутые, формальные.

Сразу же после случившегося Грегори позвонил ему, чтобы поблагодарить за машину.

Отец Джеймс Хёрли спокойно проговорил в трубку:

— Боюсь, его сейчас нет.

— Но это же ты, дядя Джим... — Грегори недоумевал.

— Я уже наговорил столько лжи, Грегори. Одной ложью больше, одной меньше... — Голос у него был усталый.

— Пожалуйста, пожалуйста, дядя Джим, не говори так. Тебя кто-нибудь сейчас слышит?

— Понятия не имею.

— Можно мне зайти?

— Нет.

— А завтра?

— Не показывайся мне на глаза, Грегори. Никогда.

— Но я не могу... Не вечно же мне тебя избегать. Во-первых, я этого не хочу, а во-вторых, что подумают мать с отцом? Это будет выглядеть... ну, сам понимаешь как.

— Вряд ли они хоть когда-нибудь догадаются. По-моему, тебе нечего волноваться. Они никогда не поверят, что это был ты. Для них это будет всего лишь коротенькая газетная заметка, еще один печальный инцидент на улицах Дублина...

— Нет, я говорю о нас... Что, если мы больше не будем друг с другом разговаривать?

— Я думаю, мы будем разговаривать. Дай срок. Дай мне время.

Грегори никак не мог до него достучаться — не мог целыми неделями. Стоило ему появиться в доме священника, дядя извинялся: ему надо срочно бежать по вызову к больному. Если он звонил — повторялось то же самое.

В конце концов Грегори выбрал то единственное место, где точно мог рассчитывать на безраздельное внимание человека, который его избегает.

Окошечко в исповедальне отодвинулось. В нем показалась красивая голова отца Хёрли. Священник не смотрел на кающегося; подперев голову рукой, он смотрел вперед и чуть вниз. Поза слушателя.

— Да, дитя мое, — начал он как обычно.

— Благословите, отец, ибо я согрешил, — произнес в свою очередь традиционную фразу и Грегори.

Голос был слишком знакомым, не узнать его было нельзя. Священник в смятении вскинул голову.

— Боже правый! Ты решил вдобавок посмеяться над таинством? — зашептал он.

— Ты нигде больше не стал бы меня слушать. Я пришел сюда, чтобы сказать, как я сожалею.

— Это не мне ты должен говорить.

— Как раз тебе. Богу я уже сказал через другого священника. Я решил ежемесячно выделять определенную сумму из своего заработка на благотворительность. Я отказался от алкоголя. Боже мой, дядя Джим, что еще мне сделать? Прошу тебя, скажи мне. Я не могу ее воскресить, даже тогда не мог бы.

— Грегори, Грегори... — Слезы стояли в глазах отца Хёрли.

— Какой в этом прок, дядя Джим, какая польза от того, что ты не будешь со мной разговаривать и не будешь приезжать к нам домой, потому что не хочешь говорить обо мне? Вот если бы я тоже погиб той ночью, тогда все было бы иначе, тогда вы бы дружно меня оплакивали. Так разве мы не радоваться должны, что, по крайней мере, я жив, пусть даже эта девушка, бедняга, погибла в катастрофе?

— Из-за пьяного водителя, бежавшего с места происшествия.

— Я знаю. Я признал свою вину.

— Но не заплатил за нее.

— Но ради чего? Нет, в самом деле! Чтобы разбить маме сердце, опозорить отца, запятнать тебя? И представь, что дело всплывет сейчас, когда прошла уже не одна неделя... Все будет выглядеть еще хуже. Мы не можем вернуться в ту ночь. Если б я только мог, я бы...

— Прекрасно.

— Что?

— Прекрасно, говорю. Мы будем друзьями.

— А, я знал, что ты в конце концов смячишься.

— Ну хорошо, ладно, ты прав, я смячился. А теперь не мог бы ты освободить это место для кого-нибудь другого, кто желает открыть душу перед Богом?

— Спасибо, дядя Джим. И еще, дядя Джим... Священник промолчал.

— Не выберешься как-нибудь ко мне пообедать? В субботу, например. Будет парочка моих друзей, никакого алкоголя. Пожалуйста, а?

— Хорошо.

— Спасибо еще раз.

И он отправился к племяннику в гости. Были двое молодых людей и девушка — приятная, веселая компания. За обедом пили вино и добродушно спорили о том, остается ли церковь и поныне духовной властительницей Ирландии. Отец Хёрли был хорошо подкован в дискуссиях такого рода: почти все дети его друзей поднимали эту тему. Он был неизменно вежлив и предупредителен, мог взглянуть на проблему с одной стороны, с другой и со всех прочих сторон. Он умел успокоительно журчать словами и в нужный момент создать видимость, что зарпортовался, тем самым предоставляя и другой стороне возможность безболезненно уступить в каком-нибудь пункте.

Он внимательно следил за Грегори — тот не пил ничего, кроме минералки. Все-таки парень испытал потрясение и пытается начать новую жизнь. Наверное, и впрямь надо бы смягчиться и постараться его простить, несмотря на то что себя самого он простить не может. Он улыбнулся племяннику, и тот ответил ему теплой улыбкой.

После обеда они все вместе убрали со стола и отнесли посуду в маленькую со вкусом обставленную кухню.

— Эй, Грег, с какой стати у тебя тут водка? Ты же больше не прикладываешься к бутылке, — спросил один из друзей.

— А, осталась с былых времен, возьми себе, — непринужденно ответил Грегори.

Отец Хёрли задумался. Неужели его собственная душа уже настолько развращена, что он всюду подозревает только плохое? Ему показалось, что глаза племянника как-то слишком уж блестят для того, кто хлебал за обедом только минералку. А вдруг на кухне он добавлял себе в стакан водку? На буфете стоит еще одна бутылка.

Нет, если теперь у него все время будут такие мысли, тогда вообще нет смысла поддерживать отношения с племянником. Он решительно отбросил прочь подозрения. Точнее, забросил в дальний ящик сознания, в свалку других вопросов, о которых просто не хотел думать.

Посреди недели он поехал к Лоре и Алану. Они обрадовались, узнав, что на субботнем обеде у Грегори была девушка: решили, что это может быть его подружка.

— Мне не показалось, что она относится к нему как-то особенно, — возразил отец Хёрли, чувствуя себя старой кумушкой на званом чаепитии.

— Но она же была там, — весело сказала Лора. — Мне все-таки кажется, что это его девушка.

Странная это была встреча; что бы ни говорили сестра и зять — все действовало ему на нервы.

Ему легко жить, просто позавидуешь, говорили они, он имеет дело с непререкаемыми истинами. А в юриспруденции иногда сталкиваешься с неопределенностью, с серыми зонами. Отец Хёрли усмехнулся. Можно подумать, в его работе и впрямь нет никаких «серых зон».

Они говорили о том, как им повезло с Грегори: вот сын их друзей связался с националистами, сначала устроился юрисконсультантом в «Шин фейн»,^[9] потом стал активно участвовать в их акциях и в конце концов вступил во «Временную ИРА».^[10]

— По крайней мере у него есть какие-то идеалы, пусть даже они нелепые и безумные, — заметил отец Хёрли.

— Ты, Джимбо, с ума сошел. Нет там никаких идеалов! — вскричала Лора.

Как всегда, он смиренно, униженно улыбнулся. Не мог же он объяснить им, что лучше, на его взгляд, бороться за какое угодно общее дело, чем малодушно спасать собственную шкуру, как сделал их сын. А он ему в этом потворствовал.

Он был невесел, казался смущенным и встревоженным. Алан Блэк дипломатично перевел разговор на другую тему:

— Скажи-ка лучше, не намечаются ли у тебя какие-нибудь бракосочетания с размахом? Ты, Джим, даешь ощущение близости к сильным мира сего, сливкам ирландского общества, это греет нам душу.

— Нет, — сказал отец Хёрли. — Сегодняшняя молодежь не идет венчаться к старым друзьям своих родителей, а предпочитает обращаться к своим собственным друзьям. Нет, ни одной шикарной светской свадьбы не ожидается. Вот только серебряная свадьба, — оживился он, — и где бы вы думали — в Англии!

Они заинтересовались (они всегда интересовались всеми его делами). Он стал объяснять: он обвенчал эту пару в 60-м году — кто

бы мог подумать, это было четверть века назад! Их дети, две дочери и сын, просят его приехать: по их словам, торжество потеряет смысл, если он не совершит для них какой-нибудь церемонии.

По мнению Лоры и Алана, эти супруги, кто бы они там ни были, очень правильно поступили, что снова обратились к отцу Хёрли.

— Я их не очень хорошо знал, — проговорил тот задумчиво, почти как сам с собой. — С матерью Дейдрой миссис О'Хаган я немного знаком и знаю миссис Бэрри, мать подружки невесты Морин Бэрри. А вот его совсем не знал.

— Ты никогда ни словом о них не обмолвился, — старалась разговорить его Лора.

— Ну да, как-никак, я многих венчаю. Некоторых больше никогда и не вижу. А Дейдра, между прочим, всегда присылает мне открытку на Рождество. Плохо я помню этих Дойлов, Десмонда и Дейдру... — Он тяжело вздохнул.

— Тебе они не понравились? — спросила Лора. — Нам-то можешь сказать, мы же их не знаем и никогда с ними не встретимся.

— Да нет. Они были очень даже милые и как раз мне понравились. Просто мне показалось, что они друг другу не подходят и скоро расстанутся... — Он разогнал печаль тихим смешком. — И надо же, как я ошибся. Они уже прожили вместе целых двадцать пять лет!

— Видно, они хорошая пара. — Лора задумалась. — Иначе зачем бы им тебя приглашать и устраивать пышное торжество. А повторение обетов будет?

— Не знаю, мне написала их дочь.

Он опять погрузился в молчание, но здесь, в просторной заполненной книгами комнате Алана и Лоры Блэков, молчание никогда не бывало тягостным.

Он стал думать о том бракосочетании. Это было в год рождения Грегори. Отец Джеймс вспомнил, как Дейдра О'Хаган пришла к нему в ризницу; она слышала от матери, что он едет на шесть месяцев в Лондон. Это было временное назначение: с одной стороны, ради приобретения опыта, с другой — чтобы дать ему возможность решить, не согласится ли он служить в Англии. Священники-ирландцы в Британии были наперечет, зато среди католической паствы было полно

переселенцев из Ирландии, а также их детей, которые предпочитали «своего» священника.

Дейдра О'Хаган казалась напряженной и встревоженной. Она хотела знать, не может ли он устроить венчание в следующем месяце.

Все признаки вынужденного брака с целью «покрыть грех» были налицо, но она упорно отмалчивалась, не желала посвящать священника в причины спешки. Отец Хёрли пытался вкрадчивыми увещеваниями склонить ее к тому, что лучше провести бракосочетание в Дублине, но она была непреклонна. Родные ее жениха — с запада.

Но ведь Дублин, если на то пошло, ближе к западу Ирландии, чем Лондон, разве нет?

Дейдра О'Хаган, которая помнилась ему хорошенькой веселой студенткой университета, дочь Кевина и Эйлин О'Хаганов, прихожан богатых и щедрых, — эта девушка будто бы обрела стальную волю. Она будет венчаться в Лондоне, она хочет уважить своих родителей, потому и обращается к викарию, которого они знают и любят; но, разумеется, если он не может, она договорится с кем-нибудь другим.

Помнится, он все же пытался тогда выведать у Дейдры, с чем связана такая срочность. Брак — дело серьезное, здесь недопустима скоропалительность и нельзя руководствоваться ложными мотивами.

Должно быть, он выставил себя порядочным ханжой, к тому же, дал повод заподозрить себя в нескромном любопытстве, потому что она отвечала ему слишком четко и очень, очень сухо. «Видите ли, отец, если бы все следовали вашим наставлениям, никто вообще не вступал бы в брак, и в один прекрасный день оказалось бы, что род человеческий вымер».

Несмотря на это неприятное вступление, свадьба прошла отлично. Родственники жениха оказались простыми мелкими фермерами с запада; их было совсем немного. О'Хаганы численно превосходили их. Кевин, приятный, спокойный, задумчивый человек. Он умер несколько лет назад, зато Эйлин все еще полна сил.

Подружкой невесты была красивая молодая женщина по имени Морин Бэрри, ныне хозяйка этих модных магазинов. Он видел ее буквально на днях, когда служил панихиду по ее матери. Интересно, поедет ли она на серебряную свадьбу в Лондон? Поедет ли он сам? Он опять вздохнул.

— Ты сегодня не в настроении, Джимбо, — сочувственно заметила Лора.

— Хотел бы я быть степенным старым священником — знаешь, которому все ясно, как дважды два, и никаких сомнений.

— Тогда ты был бы невыносим, — ответила она ласково.

Алан оторвался от книги:

— Я понимаю, о чем ты. Было бы куда легче, будь у нас только закон, который надо соблюдать и осуществлять. Но мы стараемся в каждом случае учитывать конкретные обстоятельства дела, судить не по букве, а по существу, отсюда и возникает неразбериха.

Джеймс Хёрли внимательно посмотрел на зятя, но в словах адвоката не было никакого тайного смысла, он не догадывался о том, что натворил его сын. Он просто размышляет о практике окружного суда, где судья мог быть порой снисходительным, а порой строгим, в зависимости от того, что ему известно о человеке.

— Люди, не способные самостоятельно принимать решения, кончают нацизмом, — утешала его Лора.

— Иногда это неправильные решения, увы. — С лица Джеймса Хёрли не сходило озабоченное выражение.

— Кто бы вообще решился на какой-нибудь поступок, если бы не думал, что в данный момент это правильно.

— А потом? Что происходит потом?

Лора и Алан переглянулись. Джим никогда еще таким не был.

Наконец Алан заговорил:

— Ну, во всяком случае, сейчас не то что раньше, когда судьи отправляли людей на виселицу. Мы-то никого к смерти не приговариваем.

Это должно было послужить утешением. Но не подействовало.

— Нет. К смерти — нет.

— Пойдем погуляем с собаками? — предложила Лора. Легким, бодрым шагом они вдвоем направились через поля, по которым гуляли с самого детства.

— Если бы я могла помочь... — начала она неуверенно.

— Нет, Лора, я и так допустил непростительную слабость, выставил напоказ перед вами свою ипохондрию.

— Ты же мой младший брат, хотя и важный почтенный служитель церкви.

— Не важный и не почтенный. Я так и не получил постоянного прихода, да и желания у меня никогда не было. Не хочу брать на себя ответственность.

— И не надо. Никто тебя не обязывает.

— Бывают случаи, когда ты должен взять на себя ответственность.

Она знала, что больше он ничего не скажет, но лицо у него как будто повеселело, когда в гаснущем свете дня они возвращались домой.

После этого визита он понял, что, если не возьмет себя в руки и не перестанет потакать своим настроениям, его жертва лишится смысла. К чему пытаться избавить людей от одних огорчений, причиняя им в то же время другие? Им не дано знать, что их сын в нетрезвом состоянии сбил насмерть велосипедистку и даже не остановился. Блаженное неведение! Зачем отнимать у них душевный покой, заставляя тревожиться — ведь они думали, что он близок к нервному срыву.

В последующие месяцы он ожесточенно боролся с сомнениями и подавлял в себе ощущение предательства, сидя в обществе людей, которые всегда были и будут единственной его семьей.

Он научился непринужденно смеяться шуткам племянника и не морщиться от некоторых его замечаний, свидетельствующих о толстокожести и равнодушии к чувствам других. Снова и снова священник твердил себе, что ожидать безупречности от несовершенного человеческого существа — значит забывать о том, что сказано в Священном писании.

Он пытался радоваться тому простодушному счастью, которое родители Грегори Блэка обрели в своем сыне. Напоминал себе, что за все годы приходской работы он ни разу не встречал семьи, где бы царил такой мир и подлинное согласие. Быть может, им никогда и не придется расплачиваться за свое счастье.

Он продолжал натужно улыбаться, видя, как Грегори совершает обильные возлияния: джин перед ужином, вино за ужином и виски после ужина. Воздержание от спиртного длилось недолго. Равно как и отношения с той девушкой.

— Слишком уж она, дядя Джим, бескомпромиссная, — сказал он со смехом. Они ехали за город к Блэкам. Ехали на хорошей скорости. Отец Хёрли предпочел бы, чтобы племянник не гнал так сильно. — Знаешь, для нее все имеет абсолютное значение. Никаких полутонов, серого нет — есть только черное и белое.

— В известном смысле, это замечательно, — заметил священник.

— Это невыносимо. Как можно быть такой во всем уверенной, такой негибкой!

— Ты любил ее?

— Наверное, мог бы любить, если б не эта ее черно-белая пуританская мораль — либо ты честен, либо бесчестен, либо святой, либо дьявол во плоти. В жизни так не бывает.

Отец Хёрли посмотрел на красивый профиль племянника. Парень забыл об убитой им девушке. Та ночь с ее предательством и ложью была в буквальном смысле вычеркнута из его памяти.

Отец Хёрли ехал с Грегори, потому что его собственная машина была в неисправности, а Грегори собрался к родителям в середине недели, чтобы попросить у отца в долг крупную сумму. Что-то там затевается — к нему просочилась информация; такой случай бывает раз в жизни, собственно говоря, все это под секретом, только необходимо вложить деньги, и немедленно.

Глупый мальчишка! Отцу Хёрли были глубоко противны эти конфиденциальные признания, его переворачивало от оказанного ему доверия. Но ведь, если разобраться, и сам он — всего лишь странник по «серым зонам». Человек, готовый пойти на ложь, потому что так велит здравый смысл.

Странный это был визит. Отец Грегори, казалось, был смущен и чувствовал себя виноватым из-за того, что не может предоставить нужную сумму, к тому же, он был озадачен — Грегори не говорил, зачем ему понадобились эти деньги.

Грегори не расставался со своей улыбкой, но сказал, что хочет прокатиться к озеру, побыть в одиночестве.

Когда он уехал, Лора похвалила его: сын очень разумно сделал, что поехал, вид озера поможет ему унять раздражение. Хорошо бы Алан дал ему эти несчастные деньги, сказала она, в любом случае рано или поздно все отойдет мальчику. Так почему не сейчас?

В десять тридцать его все еще не было. Отец Хёрли знал — Грегори сидит в пабе у дороги, идущей мимо озера. Пожалуй, прогуляюсь, сказал он, уж больно вечер хорош. До паба было три мили. Отец Джеймс застал племянника в таком виде, что бармен уже не отпускал ему выпивку.

— Идем, я отвезу тебя домой, — сказал отец Хёрли, очень надеясь, что его тон не разъярит пьяного в стельку парня.

Когда они подошли к машине, Грегори оттолкнул дядю.

— Я и сам прекрасно могу вести, — заявил он тоном, не терпящим возражений.

Парень уселся за руль. У отца Хёрли был выбор — ехать с ним или отпустить его одного.

Он обошел машину и открыл другую дверь. Дорога была плохая, поворотов — не счесть.

— Умоляю тебя, не гони, мало ли кто может оказаться за поворотом, света фар не увидишь.

— Нечего меня умолять! — рявкнул Грегори, не сводя глаз с дороги. — Ненавижу зануд, которые вечно хнычут и умоляют.

— Тогда я тебя прошу...

Они увидели запряженную ослом телегу не раньше, чем налетели на нее. Испуганное животное поднялось на дыбы, и двое стариков вместе со своей поклажей выпали на дорогу.

— О Господи!..

Они беспомощно смотрели, как осел, крича от боли, протащил телегу прямо по телу одного старика и она поползла под откос к озеру.

Отец Хёрли бросился к телеге, в которой вопили двое детей.

— Все в порядке, мы тут, мы тут, — закричал он им. Позади себя он почувствовал дыхание племянника.

— За рулем был ты, дядя Джим, умоляю тебя, во имя всего святого!

Священник не слушал. Он подхватил на руки одного цыганенка — маленькую девочку, снял с телеги, потом вытащил второго и что было сил потянул назад осла.

— Послушай, заклинаю тебя. Подумай — так будет лучше, так подсказывает здравый смысл. От меня они мокрого места не оставят, а на тебя они не посмеют указать.

Отец Хёрли как будто его не слышал. Наконец телега снова встала на дороге, где неподвижно сидели оглушенные старики. Один обхватил голову руками; сквозь пальцы проступила кровь.

— Это же цыгане, дядя Джим, они не имеют права тут таскаться без огней, без сигналов, без предупреждающих знаков... Тебе ничего не сделают... В пабе слышали, как ты сказал, что отвезешь меня домой.

Отец Хёрли опустился на колени возле старика и заставил его отнять ладони от головы, чтобы увидеть рану.

— Ничего страшного, друг мой, ничего страшного. Дождемся, пока кто-нибудь проедет, и отвезем тебя в больницу. Пару швов наложат, только и всего.

— Так как ты поступишь, дядя Джим?

— О, Грегори...

Священник со слезами на глазах посмотрел на единственного сына родителей, которым сегодня придется понять: жизнь далеко не так прекрасна и некоторым пока просто везло.

6. МОРИН

На чем бы мать настаивала, будь она жива, так это, чтобы похороны были организованы как положено. Морин хорошо понимала, что это значит. Это значит объявление в газете, чтобы все желающие могли прийти, а также приглашение домой — не всех, а кого следует. Причем два раза: и когда ее тело будет доставлено в церковь, и на следующий день, после погребения.

Все это Морин добросовестно исполнила — последняя дань уважения матери, которая отдала ей все и сделала ее тем, что она есть.

На Морин было отлично сшитое черное платье, на дом приглашен парикмахер, чтобы она могла предстать перед всеми, кто явится в церковь, с безупречной прической. Морин не считала это тщеславием, она всего лишь тщательно выполняет желание матери: смерть Софи Бэрри должна быть публично оплакана ее любящей дочерью, великолепной Морин, преуспевающей деловой женщиной, известным человеком в Дублине.

Ее мать одобрила бы напитки и бутерброды, поданные в большой гостиной, и то, как Морин двигалась среди гостей, бледная, но спокойная, представляла, благодарила, никогда не забывая, кто прислал венок, кто открытку, а кто письмо с выражением соболезнования.

Она кивала в знак полного своего согласия, когда ей говорили, что ее мать была прекрасная женщина, — ведь это чистая правда. Она кивала, когда ей говорили, мол, это к лучшему, что ее мать не страдала долго, ^на печально соглашалась с тем, что шестьдесят восемь лет — так мало, еще бы жить да жить. Она рада была слышать от стольких людей, как гордилась ее мать своей единственной дочерью.

«У нее и разговора другого не было». «У нее был альбом с газетными вырезками обо всех твоих успехах».

«Она говорила, что ты для нее больше, чем дочь, — ты ей друг».

Добрые слова, ласковые прикосновения, грациозные жесты — мама осталась бы довольна. Никто не перепил и не буянил, однако царило приятное оживление, в котором мама усмотрела бы свидетельство того, что прием удался. Несколько раз Морин ловила

себя на мысли, что собирается поговорить об этом с матерью, когда все кончится.

Хотя, говорят, так часто бывает. В особенности когда между двумя людьми была настоящая близость. А мало найдется матерей и дочерей, которые были бы так близки, как Софи Бэрри и ее единственное чадо Морин.

Возможно, все потому, что Софи была вдова и Морин столько лет жила без отца. Мать и дочь были очень похожи, вероятно, по этой причине люди преувеличивали их близость.

Софи поседела лишь к шестидесяти годам, и ее роскошная синеватого отлива седина ничем не уступала прежним волосам, блестящим, черным как вороново крыло. До последнего дня она носила двенадцатый размер и говорила, что скорее умрет, чем наденет одно из тех палаткообразных произведений портновского искусства, в которых с определенного возраста безвозвратно тонут столь многие женщины.

Безупречная внешность и жесткие стандарты не всегда помогали Софи завоевать любовь окружающих, но ей нужно было от них безграничное восхищение — и его-то она получала, получала всю свою жизнь. И она, Морин, позаботится о том, чтобы смерть Софи не поколебала этого положения вещей; с таким именно расчетом она закончит оставшиеся дела. Дом будет продан без всякой недостойной поспешности, поминальные открытки будут простыми, с черной каемкой и какой-нибудь уместной молитвой, чтобы можно было послать на память и друзьям-протестантам. Никакой слезливой безвкусицы, никаких фотографий. Этим занимается только прислуга, сказала бы мама. Уж она-то, Морин, не оскорбит память матери.

Предстояло еще разобраться с ее вещами. Друзья предлагали помощь, мол, это так тяжело, лучше, если поможет кто-нибудь посторонний, тогда удастся все быстро рассортировать без лишних эмоций. Но Морин только поблагодарила с улыбкой и заверила, что предпочитает сделать все сама. Большого желания разбирать вещи в одиночестве она не испытывала, но мама ни за что не позволила бы чужому человеку притронуться к своим вещам, не говоря уже о личных бумагах.

Отец Хёрли, которого они знали много лет, тоже предложил помочь. Он рад будет просто посидеть с ней, чтобы ей не было

одинок. Он говорил искренно, и маме он всегда нравился; она считала, что такой священник — украшение церкви, приятный в общении, культурный, к тому же, знаком со всеми стоящими внимания людьми (высокая похвала в устах мамы). Но даже его мама не подпустила бы к своим личным бумагам. Трогательные, берущие за душу проповеди, это да, идеальный священник для нашего прихода, но он не должен иметь никакого касательства к их личным делам. Это — забота Морин.

Ну и Уолтер, конечно, захочет помочь. Но об этом не может быть и речи. Все это время она держала Уолтера на почтительном расстоянии. Она не собиралась выходить за него замуж, поэтому не хотела, чтобы у людей сложилось впечатление, будто он — ее поддержка и опора. С какой стати она позволит ему разыгрывать на похоронах роль своей правой руки? Их близость могли бы неверно истолковать все эти старые кумушки, подруги ее матери, у которых осталась одна радость в жизни — досужие домыслы о детях друг друга. В свои сорок шесть так и не побывавшая замужем, она, должно быть, осчастливила их на много лет, снабдив прекрасной темой для обсуждения, думала Морин с мрачной усмешкой.

Милый, добрый Уолтер. Его считали подходящей для нее парой, потому что он тоже был холост, из хорошей семьи и с хорошей адвокатской практикой. Она знала, стоит ей захотеть, и они бы поженились. Но она не испытывала к нему ничего хоть сколько-нибудь похожего на любовь. Да и Уолтер не был в нее влюблен — не те годы. Когда-то, в молодости, он, наверное, пофлиртовал безобидно с парой девушек, может, был даже настоящим роман, который кончился ничем. У него был широкий круг друзей в Юридической библиотеке, его всюду приглашали — от лишнего мужчины никогда не отказывались.

Маме Уолтер нравился, но она была не настолько глупа, чтобы давить на Морин и пытаться устраивать ее судьбу. Кто-кто, а мама не стала бы пугать ее одинокой старостью. Взять ее саму — столько лет прожила без мужчины, но ее жизнь была полна, как ничья другая.

С тех пор как Морин недвусмысленно дала понять, что не помышляет об Уолтере в роли спутника жизни, мать никогда не возвращалась к этой теме — никаких разговоров о том, чтобы пригласить Уолтера на вечеринку с игрой в бридж, в театр, на выставку лошадей.

Уолтер был человек внимательный, обходительный и после нескольких бокалов хорошего кларета мог даже слегка расчувствоваться. Иногда он заводил речь об одиноких дорогах и о тех, кто все на свете принес в жертву карьере. Но Морин только смеялась в ответ и ласково возражала. Бога ради, да чем они оба пожертвовали? У каждого прекрасная квартира, хорошая машина, масса друзей и полная свобода. Они могут податься куда душе угодно: Морин — в Лондон или Нью-Йорк за новыми нарядами, Уолтер — на запад Ирландии рыбачить.

Они не были любовниками (а в Дублине на такие вещи смотрели теперь гораздо спокойнее). Как-то вечером предложение заняться любовью прозвучало, но было отклонено элегантно и со взаимными любезностями, а затем рассмотрено вновь — на тот случай, если отказ был всего лишь формальностью. Но они оставались симпатичной несупружеской парой и покорно обменивались над столом взглядами, встречаясь на званом ужине, хозяйку которого в очередной раз посетила гениальная мысль свести их вместе.

По иронии судьбы из всех мужчин, которые, случалось, появлялись в жизни Морин, единственный, кого мама сочла достойным, явился слишком поздно, когда Морин уже поняла, что ничего не хочет менять в своей жизни. Встреть она Уолтера лет двадцать назад, когда он был начинающим адвокатом, а она еще пробивала себе дорогу в мире моды, она бы, пожалуй, остановилась на его кандидатуре. Очень многие из ее подруг повыходили за мужчин, которых ну никак не могли любить в настоящем смысле слова. Никакой большой любовью там и не пахло, все эти свадьбы, на которых она побывала в шестидесятые годы, — лишь альянсы, соглашения сторон, компромиссы. Только Дейдра О'Хаган бросила вызов и вышла замуж за свою первую любовь — тем долгим летом, когда все они жили в Лондоне; вот это, может, и была настоящая любовь. Морин никогда не могла сказать наверняка. Даже несмотря на то, что она была на свадьбе подружкой невесты и в ночь накануне они с Дейдрой спали в одной комнате, Морин не была уверена, изнемогала ли Дейдра от любви к Десмонду Дойлу, рвалась ли к нему всей душой. Как сама она рвалась всей душой к Фрэнку Куигли.

Странная это была дружба — у нее с Дейдрой. Их матери так хотели подружить дочерей, что в четырнадцать лет девочки сдались и

стали вместе ходить в гости, на теннис, а позже на танцульки и субботние вечера в регбийном клубе.

К тому времени, как они поступили в Дублинский университетский колледж, они уже и в самом деле были в какой-то мере подругами. И обе знали, что могут обрести свободу только с помощью друг друга. Достаточно было Морин сказать, что она идет туда-то с Дейрдрой, и мама успокаивалась. То же самое у О'Хаганов — Дейдра всегда могла использовать дочку Софи Бэрри как предлог или отговорку.

Потому-то им удалось отправиться тем летом в Лондон. А должны были сидеть дома — готовиться к экзаменам на степень бакалавра. Тогда, на корабле, направлявшемся в Хоулихед, они и познакомились с Десмондом Дойлом и Фрэнком Куигли.

Интересно, что бы сказал Фрэнк Куигли, узнав о смерти мамы. Морин не представляла, как он теперь говорит, исчез ли его акцент, стал ли он одним из многих других ирландцев, проживших двадцать пять лет в Лондоне, в речи которых соседствуют две разные струи, две культуры, заявляющие о себе в предательских словечках, выскакивающих в самый неподходящий момент.

Она знала о нем из газет; да и кто не знал о Фрэнке Куигли? Его всегда приводили в пример как ирландца, добившегося успеха в Британии. Иногда она видела его на фотографиях вместе с этой меланхоличной молодой итальянкой, на которой он женился, чтобы подняться еще выше в иерархии «Палаццо».

Может быть, Фрэнк стал теперь таким галантным, что, узнав о смерти ее матери, послал бы ей несколько сочувственных слов на открытке с золотым обрезом. А может, он все такой же неисправимый мужлан, и не постеснялся бы сказать: лучше бы она умерла двадцать пять лет назад!

Одно Морин знала точно: Фрэнк Куигли не забыл ее мать. И не забыл ее саму.

С ее стороны не было самонадеянностью верить в то, что воспоминание о ней не поблекло в душе Фрэнка, первой ее любви, она знала, что это правда; он вспоминает о ней с той же силой и остротой, как сама она вспоминает о нем, когда вообще позволяет себе о нем подумать. Однако к делу это не имеет отношения...

Он мог узнать обо всем от Десмонда с Дейрдрой, хотя трудно сказать, остались ли они друзьями. Судя по всему, Десмонд все еще работает в «Палаццо», однако, несмотря на то что время от времени миссис О'Хаган горделиво сообщала об очередном повышении зятя, у Морин было такое чувство, что Десмонд окончательно застрял где-то внизу и уже никакое покровительство старого друга Фрэнка не может ему помочь продвинуться дальше.

Однако невозможно же тянуть с разборкой маминых вещей до бесконечности. Морин решила, что займется этим в ближайшее воскресенье. Дело не отнимет много времени, если она возьмется всерьез и не позволит себе расчувствоваться из-за каждой мелочи, которой коснется ее рука.

Она уже плакала из-за маминых очков, которые ей выдали в больнице. Почему-то ничто на нее так не подействовало, как это напоминание об ослабевшем, угасавшем мамином зрении, скрытое в бесполезном маленьком футляре. Обычно такая решительная, Морин не знала, что делать с очками. Они так и лежали в застегнутом на молнию боковом отделении ее сумочки. Мама не позволила бы себе такой мягкотелости. Она была бы хладнокровна и практична, как всегда и во всем.

Они повздорили только раз, давно-давно, и не из-за Фрэнка Куигли или какого-нибудь другого мужчины.

Мама сказала, что торговать одеждой — это не очень прилично, звучит как-то нереспектабельно. Морин пришла в бешенство. Какая, черт возьми, разница, как что-то звучит? Важно, каково оно на самом деле, важна суть. Мама улыбнулась невыносимой спокойной улыбкой. Морин бросилась вон из комнаты. И вон из родного дома. Сперва подалась на север Ирландии и устроилась в шикарный магазин одежды, чтобы обучиться основам розничной торговли. Двум сестрам, хозяйкам магазина, было приятно и лестно, что эта темноволосая красивая девушка из Дублина, выпускница университета, горит желанием научиться у них всему, что они знают. Потом она отправилась в Лондон.

Именно тогда она поняла, что в действительности они никогда не были близки с Дейрдрой. Пока она была в Лондоне, они встречались редко. У Дейдрды уже было двое маленьких детей, а Морин ходила по ярмаркам и выставкам — училась находить нужные вещи. Морин

ничего не сказала Дейдрре о размолвке с матерью из страха, как бы новость не полетела напрямик к О'Хаганам, и у самой Дейдрры, скорее всего, тоже были заботы и проблемы, в которые она не посвящала Морин.

Да и размолвка с матерью длилась недолго. Никакой непримиримой вражды между ними не возникло, они постоянно обменивались открытками, короткими письмами, перезванивались. Чтобы мама могла сообщить Эйлин О'Хаган, как у Морин дела. Чтобы приличия были соблюдены. Приличиям мама всегда придавала большое значение. И Морин была намерена свято следовать этому принципу до конца, соблюсти приличия не только на время похорон, но и впредь.

Морин Бэрри проживала в одном из относительно старых многоквартирных домов Дублина. Она жила в десяти минутах ходьбы и двух минутах езды на машине от большого дома, в котором родилась и в котором ее мать прожила всю жизнь. Это был мамин дом, отец переехал жить к ней. Их супружество было недолгим: он умер за границей, когда Морин было шесть лет. В этом году будет сорок лет со дня его смерти.

Скоро, через три недели, годовщина; как странно думать, что в этот раз она будет на службе, которую они всегда заказывали за упокой его души, одна-одинешенька. Сколько она себя помнит, они с мамой всегда ходили вместе. Неизменно в восемь часов утра. Мама говорила, что невежливо навязывать другим людям свою личную скорбь и впутывать их в семейные поминовения. Но потом всегда сообщала знакомым, что они заказывали панихиду.

Еще мать и дочь Бэрри часто хвалили за то, как они решили проблему раздельного проживания. Другая бы мать изо всех сил старалась удержать дочку в родительском доме, под своей опекой, покуда возможно, не понимая или не желая понять естественную потребность молодости вырваться из родного гнезда. Другая бы дочь, не такая преданная, пожалуй, захотела бы уехать в другой город. В Лондон, допустим, или даже в Париж.

Морин преуспела в мире моды. Стать к сорока годам хозяйкой двух магазинов, на которых красуется твое имя, — такое удастся далеко не всем. И магазинов весьма и весьма фешенебельных. Она без труда маневрировала между ними, в каждом была хорошая

заведующая, вольная управляться с повседневными делами по своему усмотрению. Это давало Морин возможность общаться с поставщиками, выбирать, обедать со светскими дамами, чьи вкусы она учитывала и даже формировала. Четыре раза в год она ездила в Лондон, каждую весну — в Нью-Йорк. Она достигла положения, которое ее матери и не снилось в то время, тяжелое, тягостное, когда их взаимопонимание дало трещину. Размолвка продолжалась недолго; в конце концов, утешала себя Морин, в любых отношениях случаются кризисы и трудные периоды. Так или иначе, она не хотела думать о тех месяцах сейчас, сразу после маминой смерти.

В самом деле, это была хорошая идея — жить врозь, но рядом. Они виделись почти каждый день. Но все эти годы, с того дня, как Морин переехала на квартиру, ей ни разу не случилось, открыв свою парадную, столкнуться нежданно-негаданно с матерью. Маме никогда бы в голову не пришло заявиться домой к дочери, которая, может быть, принимает гостей и не хочет, чтобы им мешали.

Что же касается визитов Морин в родительский дом, то здесь все было по-другому. Никаких ограничений не подразумевалось. Морин в любое время была желанным гостем, однако мама тонко намекнула ей, что самый подходящий момент для того, чтобы заглянуть и пропустить стаканчик хереса, — это под конец вечеринки с бриджем, тогда все смогут восхититься ее элегантной дочерью, а также ее внимательностью и привязанностью к матери.

В воскресенье она отправилась туда, зная, что никогда больше не увидит в разноцветное витражное стекло входной двери, как мать легким шагом идет через холл, чтобы открыть ей. Со странным чувством шла она к пустому дому, где уже никогда не будет ни добрых друзей, ни родственников, не от кого ждать поддержки. Большая мамина подруга миссис О'Хаган, мать Дейрдры, умоляла Морин не забывать их, запросто забежать на ужин, в общем, пусть их дом заменит ей родительский.

Предложение от чистого сердца, но Морин не могла им воспользоваться. Помилуй Бог, ведь она уже не маленькая девочка — зрелая женщина как-никак. Опробетовано со стороны миссис О'Хаган приглашать ее к себе домой, будто тридцать лет назад, когда они с мамой решили, что Морин и Дейдра должны стать подругами.

Мнение Эйлин О'Хаган всегда имело для мамы большое значение. Эйлин и Кевин были ее лучшими друзьями. Собираясь в театр или на скачки, они всегда приглашали маму с собой. Но, насколько она помнит, они не пытались найти маме второго мужа. А может, и пытались. Теперь Уже никогда не узнать.

Идя по солнечным улицам к своему бывшему дому, Морин задумалась о том, как бы все сложилось, выйди мама снова замуж. Как бы повел себя отчим — поддержал бы или, наоборот, принял в штыки ее желание попробовать себя в том, что она называла индустрией моды и что, по мнению матери, было всего лишь пышным наименованием для работы обыкновенной продавщицы в галантерейной лавке.

Флиртовала ли мама когда-то с мужчинами? В конце концов, сама Морин в сорок шесть не чувствовала себя старой и отнюдь не считала, что для нее прошла пора сексуальных приключений, так с какой стати предполагать, что у ее матери было иначе? Просто это никак не входило в их жизнь.

Они много говорили о мужчинах, ухаживавших за Морин, и в каждом находили какие-то изъяны. Но о мужчине для мамы речь не вставала никогда.

Морин вошла в дом и поежилась. «Утренняя комната», как ее называла мама, давно не протапливалась. Она включила электрокамин и огляделась.

Когда она пришла сюда две недели назад, в воскресенье, мама была бледна и встревожена. У нее боли, может, просто несварение, но... Морин действовала быстро, она осторожно довела ее до машины и с невозмутимым видом отвезла в больницу. Незачем беспокоить доктора, отрывать его от воскресного завтрака, сказала она, давай поедем в больницу, отделение «скорой помощи» работает круглосуточно, там ей помогут.

Встревожась еще больше, мама согласилась, и уже тогда Морин с замиранием сердца заметила, что мама, говорившая всегда очень отчетливо и аккуратно, начала путаться, глотать слова.

Их приняли сразу же, и не прошло и часа, как Морин уже ждала у дверей отделения интенсивной терапии. У ее матери, сказали врачи, острый инсульт. И она может его не перенести.

Инсульт мама перенесла, но ценой потери речи; в ее ясном, горящем взгляде читалась мольба: скорей бы пришел конец этому

унижению.

Она могла отвечать на вопросы, сжимая руку Морин: одно пожатие означало «да», два — «нет». Морин говорила с ней наедине.

— Мама, ты боишься? Нет.

— Ты ведь веришь, что поправишься, да? Нет.

— Я хочу, чтобы ты верила, ты должна. Нет, прости — конечно, на это ты не можешь ответить. Я хочу сказать: ты же хочешь поправиться?

Нет.

<к — Но ради меня, мама, ради всех твоих друзей, мы хотим, чтобы ты поправилась. Господи, как мне сказать, чтобы ты могла ответить! Ты знаешь, что я тебя люблю? Очень-очень люблю. Да, и взгляд смягчается.

— А знаешь ли ты, что ты самая лучшая мать, какая только может быть на свете?

Да.

Но она уже устала, а некоторое время спустя впала в беспамятство.

Они были правы — друзья, стоявшие тут, в маминой «утренней комнате», куда попадали первые солнечные лучи, — когда говорили, качая головой, что Софи Бэрри не смогла бы жить в зависимом положении инвалида. Это к лучшему, что она быстро избавилась от боли и унижения.

Неужели с того воскресного утра прошло всего две недели? А кажется — десять лет.

Морин развернула черные полиэтиленовые мешки. Она знала, что большую часть оставшихся после мамы вещей можно смело выкинуть. Некому было дивиться и восторгаться, перебирая памятные свидетельства давних балов или подписанные замысловатыми закорючками программки давно забытых концертов. Нет внуков, которые бы охали и ахали над далеким прошлым. А у Морин и без того дел хватает.

Она сидела за маленьким письменным столом: антиквариат! Можно бы взять столик к себе в квартиру, поставить в передней. Это была совершенно непрактичная вещь из тех времен, когда дамы писали только короткие записки да пригласительные билеты. Непригодная для сегодняшнего мира. Миссис О'Хаган удивилась: как

это Морин не собирается переезжать из своей квартиры в старый дом? Она была уверена: Софи не одобрила бы продажу родового гнезда Бэрри. Но Морин была непреклонна. При своей занятости она не могла позволить себе возиться с таким большим домом, где столько углов и закоулков. Ее собственное жизненное пространство было спланировано строго под ее нужды, словно по индивидуальному заказу: шкафы для одежды во всю стену; кабинет с канцелярскими шкафчиками — почти что мини-офис; большая комната, где она могла принимать гостей; кухня, из которой полностью виден обеденный стол, так что она могла не прерывать разговора с гостями, подавая им ужин.

Нет, вернуться сюда было бы шагом назад. И мама тоже это знала.

Сначала Морин занялась финансами. И с удивлением обнаружила, какой несобранной стала ее мать в последнее время, какую канитель разводила по пустякам. Грустно было видеть все эти записочки, памятки, вопросы, которые она писала самой себе. Казалось, так легко было бы упорядочить все по собственной нехитрой системе Морин — дело пяти минут. Просто написать письмо в банк с просьбой перечислять ежемесячно столько-то за электричество, столько-то за газ, столько-то страховому фонду... Сразу бы отпала необходимость во всех этих запросах и письмах с выражением недоумения. Похоже, мама была гораздо менее организованной и практичной, чем казалось со стороны.

Далее пошла бесконечная переписка с биржевым брокером. Как и все люди ее поколения, мать полагала, что мериллом богатства служат ценные бумаги. Морин нашла только письма брокера: мама не оставляла копий своих посланий — это была бы печальная повесть растерянности и разочарований.

Усталость и грусть овладели Морин, когда она просмотрела ворох ответов брокера на письма матери, по всей видимости, полные раздраженных вопросов и требований объяснить, как это так получается, что отличные, как всем известно, акции обращаются в ничто. Морин тут же написала брокеру письмо, в котором сообщала о смерти матери и просила прислать ей сведения о состоянии портфеля ценных бумаг на данный момент. Она пожалела, что принимала в делах матери слишком мало участия, но мама держалась всегда с

таким достоинством... Была граница, через которую дочь не смела переступить.

Все свои письма Морин держала в плоском портфельчике; вернувшись домой, она сделает с них фотокопии. Она уже получила лестный отзыв о своем умении вести дела от маминого поверенного мистера Уайта; он жалел, что не все молодые женщины такие же организованные, хотя, конечно, как бы она сумела создать собственное крупное дело, не обладая умом финансиста и способностями администратора. Он показал ей мамино простое завещание, в котором она оставляла все своей возлюбленной дочери Мэри Кэтрин (Морин) Бэрри с благодарностью за годы любви и неустанной заботы. Документ был составлен в 1962-м году. Сразу после их примирения. После того, как мама признала, что Морин вправе жить так, как считает нужным. С того дня, как Софи Бэрри письменно поблагодарила дочь за любовь и заботу, прошло еще двадцать три года этой любви и заботы. Тогда, в 1962-м, она ни за что бы не поверила, что за двадцать с лишним лет Морин так и не выйдет замуж и все эти годы будет ее самым близким другом.

Разобрать документы оказалось делом не таким скорым, как она думала. У нее возникло странное чувство утраты, совершенно непохожее на горе, которое она испытывала на похоронах. Теперь она переживала нечто вроде утраты иллюзий: мама перестала быть для нее образцом всех совершенств и добродетелей. Запрятанный в ящиках прелестного антикварного столика хаос говорил о растерянной женщине, капризной и сварливой старухе. Это была уже не та спокойная, прекрасная Софи Бэрри, что еще две недели назад сидела здесь, в этой со вкусом обставленной «утренней комнате», точно королева в тронном зале. Открытие этой, другой стороны матери совсем не порадовало Морин.

Она сварила себе кофе, чтобы взбодриться, и решительно взялась за следующий большой пухлый конверт. «Морин, дитя мое, — любила повторять мама, — если уж браться за что-то, то делать как следует». Эта рекомендация распространялась на все случаи жизни, начиная с правила дважды в день намазывать лицо особым маминым кремом, а затем spryskivatsya розовой водой и кончая необходимостью подолгу упражняться на заднем дворе в теннисе ради того, чтобы лучше выглядеть на летних приемах. Что ж, если бы мама могла

видеть ее сейчас (в чем Морин сомневалась), она бы убедилась, что любящая дочь не забыла ее наставлений.

Но к чему Морин оказалась совершенно неготовой, так это к содержимому конверта с надписью «Поверенный». Она ожидала найти там еще одну бестолковую хронику деловых отношений по поводу акций и тому подобного, но то были бумаги о совсем других отношениях, и притом сорокалетней давности. Среди них имелся ряд документов, датированных 1945-м годом. И они говорили о том, что отец Морин, Бернард Джеймс Бэрри, вовсе не умер от инфекции в Северной Родезии сразу после войны. Ее отец бросил Софи Бэрри сорок лет назад. Бросил жену с дочерью ради другой женщины и переселился к ней в Булавайо. Тогда это была Южная Родезия, теперь Зимбабве.

Из всего, что она прочла, одно она поняла совершенно ясно: отец ее, быть может, еще жив. И живет в городе Булавайо в Зимбабве. Сейчас ему должно быть лет семьдесят. У нее даже могут оказаться единокровные братья и сестры не намного моложе ее самой. Женщину, которая определялась как гражданская жена ее отца, звали Флора Джонс, она была англичанка, родом из Бирмингема. Мама сказала бы, что Флора — имя для прислуги, с яростью подумала Морин.

Не в ее привычках было прикладываться к бутылке в разгар воскресного утра; вышколенная на этот счет, как и во всем другом, Морин Бэрри понимала, что пить в одиночестве — опасная привычка. (Это, как и все остальное, она узнала от мамы.) Слишком многие из ее друзей, которым не с кем было расслабиться в конце длинного тяжелого дня, пристрастились к выпивке. Мама говорила, что вдовы, которые не умеют держать себя в руках, незаметно опускаются и превращаются в выпивох. Вдовы! Зачем было сорок лет твердить эту ложь? Не рассказать единственной дочери о главном в своей жизни? И какой надо быть женщиной, чтобы увековечить миф о муже, якобы похороненном на другом конце света!

Содрогнувшись от ужаса, Морин осознала, что ее мать, будучи в здравом уме, каждый год молилась в церкви за упокой души Бернарда Джеймса Бэрри, который был жив, если и не все эти годы, то по крайней мере еще какое-то время после своих «похорон».

Морин заметила графин с виски. Она сняла пробку, и запах напомнил ей о том, как в детстве, много-много лет назад, у нее болел

зуб и мама, чтобы успокоить боль, приложила ей к десне ватку, смоченную виски. Мама так любила свою девочку!

Морин налила себе большую порцию чистого виски, осушила стакан и разрыдалась.

Поделиться было не с кем — результат той одинокой жизни, которую она вела. Ни закадычной подруги, которой можно было бы звякнуть, ни дома, куда можно было бы прибежать с ошеломляющей новостью. Как и ее мать, она чуралась слишком близких отношений. Не было такого мужчины, которому она могла бы поверить свои мысли и чувства. Для коллег ее личная жизнь была тайной за семью печатями. Мамины друзья?.. О да, они-то будут само внимание. Боже мой, где-где, а в доме О'Хаганов, вздумай она явиться туда с такими новостями, ей обеспечено самое горячее участие!

Флора. Флора Джонс. Имечко под стать актрисе, играющей в музыкальных комедиях. «А теперь встречайте мисс Флору Джонс, Кармен Миранду нашего города!..» Морин попались письма о разводе и копии писем маминого поверенного, в которых упорно повторялось, что в Ирландии разводов не бывает и его клиентка — ревностная католичка, и вообще суть дела не в этом... Суть дела, очевидно, заключалась в деньгах. Все еще не смея верить собственным глазам, Морин перелистывала страницы. Документы содержались в образцовом порядке — это мама, какой она была сорок лет назад, молодая, решительная, способная контролировать ситуацию. Кипя от ярости и смертельной обиды, Софи Бэрри твердо вознамерилась вытрясти из человека, ее предавшего, все до последнего пенни. Требуемая сумма была выплачена — сумма по теперешним деньгам баснословная. Поверенный Бернарда Джеймса Бэрри из Булавайо писал поверенному Софи Бэрри из Дублина, что его клиент готов реализовать большую часть своей собственности, чтобы материально обеспечить бывшую жену и старшую дочь. Его клиент мистер Бэрри, как уже известно миссис Бэрри, имеет вторую дочь от мисс Флоры Джонс, рождение которой он желает узаконить как можно скорее. Мамино ответное письмо было неподражаемо — оно было написано в точности так, как мама говорила. Читая, Морин словно слышала ее голос. Слова матери буквально звучали у нее в ушах — неторопливые, взвешенные, отчетливые, и голос был моложе, сильнее, чем голос покойной.

«...Ты сам прекрасно понимаешь, что о разводе не может быть и речи, поскольку это противоречит установлениям церкви, к которой мы оба принадлежим. Тем не менее, я не в силах помешать тем или иным твоим действиям в чужой стране. Я пишу это письмо без ведома адвокатов, но думаю, ты поймешь его основной смысл. Я приняла средства, которые ты выделил нам с Морин, и не стану преследовать тебя по суду. Ты будешь абсолютно от меня свободен, но при одном условии: ты никогда больше не вернешься в Ирландию. Я объявлю о твоей смерти. Сегодня 15 апреля. Если ты вернешь мне это письмо вместе с обещанием никогда не возвращаться в Ирландию, я сообщу всем, что ты умер в Африке от инфекции 15 мая. Если же ты нарушишь это обещание или попытаешься каким угодно образом связаться с Морин, даже после того, как она достигнет формального совершеннолетия, — могу тебя заверить, ты будешь жалеть об этом до конца своих дней...»

Так мама говорила с лавочником, которого угораздило чем-либо ее оскорбить, или с работником, который не сумел ей угодить.

Он принял ее условия, этот человек из Булавайо, человек, которого Морин сорок лет считала умершим. Он вернул письмо, как ему было предписано. К письму маленькой булавкой с жемчужной головкой была приколот почтовая открытка с видом гор и саванны.

На открытке было написано: «Я умер от инфекции 15 мая 1945 г.».

Морин опустила голову на материн столик и заплакала так, будто ее сердце разрывалось на тысячу мелких кусочков.

Она потеряла ощущение времени. А когда посмотрела на часы, в положении стрелок, казалось, не было никакого смысла. Но было светло — значит, все-таки еще день.

Она пришла в десять; должно быть, она пробыла в этом полутрансе больше двух часов.

Морин походила по комнате — кровь снова побежала по ее жилам. Если бы кто-нибудь глянул с улицы в окно «утренней комнаты», он бы увидел высокую темноволосую женщину в дорогом темно-синем с розовой отделкой шерстяном платье, на вид куда моложе своих сорока шести лет, которая стоит, обняв себя за талию.

На самом же деле Морин сжала ладонями локти, пытаюсь — в буквальном смысле слова, физически — удержать себя в руках после пережитого потрясения.

Гнев охватил Морин, и не только оттого, что отца насильственно выдворили из ее жизни, запретив даже приближаться к собственной дочери. Ярость душила ее. Если уж мама так крепко хранила эту тайну, то почему, ради всего святого, она не уничтожила улики!

Если бы Морин не нашла эти документы, она бы так ничего и не узнала. Она была бы счастлива, спокойна и уверена в том мире, который для себя выстроила.

Почему мама была так небрежна и так жестока? Ведь она знала, что рано или поздно Морин обнаружит эти бумаги.

Но мама, конечно, была уверена, что Морин никогда не выдаст ее. Морин будет до конца соблюдать приличия.

Черта с два она будет! Как бы не так, черт возьми!

Ей внезапно пришло в голову, что эта нелепая сделка сорокалетней давности ни к чему ее не обязывает и она может поступать, как ей заблагорассудится. Она не связана никакими мелодраматическими обещаниями по поводу вымышленных смертей. Она не давала обещания держаться подальше от своего отца под страхом какой-то ужасной кары.

Бог свидетель, она разыщет его! Или Флору. Или свою единокровную сестру.

Только бы они еще были живы. Только бы ей удалось напасть на верный след. Самый поздний из документов, подтверждающий перевод денег, датировался 1950-м годом.

Господи, пожалуйста, пусть он будет еще жив. Семьдесят лет не так уж и много.

Она принялась за работу с бешеной энергией, какую в последний раз ощущала только накануне своей первой крупной распродажи, когда они почти всю ночь проработали на складе, сбавляя цены, заново составляя прейскурант, прикидывая завтрашнюю выручку.

Теперь она подходила к материным вещам с другой меркой, сортировала их по иному принципу. Она отыскала две коробки и стала складывать туда ранние фотографии и памятные вещички из своего детства.

Если она разыщет этого человека и если у него не совсем каменное сердце, ему захочется узнать, как его дочь выглядела на своем первом причастии, в хоккейной экипировке, в платье на своем первом балу.

То, что раньше подлежало безжалостному уничтожению, теперь числилось по разряду «памятных вещей» и бережно укладывалось в коробки.

Она разбирала, распределяла, раскладывала, пока окончательно не выбилась из сил. Потом перевязала мешки с хламом, сложила одежду и остальное, что предназначалось Винсенту де Полю,^[11] и вызвала такси, чтобы отвезти коробки с реликвиями к себе на квартиру.

Не осталось ни одного ящика, который бы она не вытряхнула и не вычистила. Изрядная часть кухонной утвари отойдет миссис О'Нил, которая многие годы приходила убирать у мамы. Джимми Хейз, работавший в саду, пусть забирает газонокосилку и любые садовые инструменты — что пожелает. Кроме того, Морин написала ему письмо с просьбой взять себе любые цветы и кусты, которые ему особенно нравятся, только забрать их надо поскорее. У нее уже созрело решение выставить дом на продажу в самое ближайшее время. Она положила ладонь на маленький письменный столик, который собиралась взять себе, для прихожей своей квартиры. Похлопала по нему и сказала: «Нет». Теперь он ей ни к чему. Она не хотела отсюда ничего.

Таксист помог погрузить коробки. Видя его любопытство, она сказала, что освобождает дом от материнских вещей. Он от всей души ей посочувствовал.

— Как жалко, что никто вам не поможет в таком деле. Ей часто в разных формах говорили это, всегда имелось в виду одно и то же: удивительно, что такая интересная женщина никогда не была замужем, не обзавелась семьей.

— А, отец бы сам все сделал, — ответила она. — Но он далеко, очень далеко.

Вот она и упомянула об отце. Таксист посмотрел на нее с удивлением: странно, мать умерла, а отец в это время далеко-далеко. А ей было все равно — пусть думает что угодно. У нее было чувство, будто, говоря об отце, просто называя его, она не позволяет ему умереть, вызывает его к жизни.

Долго-долго пролежав в ванне, она почувствовала себя лучше, но зверски проголодалась. И позвонила Уолтеру.

— Я эгоистка и хочу, честно говоря, использовать тебя, так что не стесняйся ответить отказом, но я подумала: нет ли какого-нибудь

симпатичного ресторана для воскресного вечера? Я бы с удовольствием сходила куда-нибудь поужинать.

Уолтер сказал, что это как нельзя более кстати. Он как раз ломал голову над особо трудным юридическим случаем, который казался неразрешимым или, наоборот, имел тысячу решений, одно другого труднее, и он только рад будет сбежать от этой мороки.

Они заказали хороший ужин с вином и сидели при свечах.

— Ты какая-то взвинченная, — заботливо заметил он.

— У меня столько забот.

— Я знаю, сегодня у тебя был тяжелый день, да? Она взглянула на него, и он подумал, что никогда еще она не была так красива.

— Конечно, — продолжал он, — сейчас не время, да и когда вообще оно бывает — время? Но, может быть...

— Да?

— Ну, что, если нам съездить вместе куда-нибудь, отдохнуть? Где, ты говорила, хотелось бы тебе побывать — в Австрии?

— В Австрии с рыбалкой туго, — улыбнулась она.

— Не исключено, что с модами тоже, но пару недель мы как-нибудь перебьемся, как ты считаешь?

— Нет, Уолтер, мы же доведем друг друга до сумасшествия.

— А мы постараемся не докучать друг другу.

— С тем же успехом мы можем отдыхать врозь. — Она улыбнулась ему ослепительной улыбкой.

— Что-то с тобой не так, — проговорил он с обиженным и встревоженным видом.

— Пока я не могу тебе сказать. Но, пожалуйста, запомни сегодняшний вечер, запомни: я хочу тебе кое-что сказать. И скоро скажу.

— Когда?

— Не знаю. Скоро.

— Это другой мужчина? Я знаю, звучит банально, но у тебя такой вид...

— Нет, не другой мужчина. То есть не в том смысле. Я тебе все скажу, ведь я никогда тебе не лгала, и когда скажу, ты сразу все поймешь.

— Ну, тогда жду-не дождусь.

— Знаю. Я тоже. Какая жалость, что никто не работает в воскресенье! И почему по воскресеньям все на свете закрывается!

— Мы с тобой работаем по воскресеньям, — вздохнул Уолтер.

— Да, зато конторы и учреждения во всем мире не работают, чтоб им пусто было!..

Он знал, что расспрашивать бесполезно, она все равно ничего не скажет. Он подался вперед и похлопал ее по руке.

— Видно, я все-таки тебя люблю, раз уж спускаю тебе с рук все твои выкрутасы.

— Да иди ты к черту, Уолтер! И вовсе ты меня не любишь, ни вот столечко, зато ты отличный друг и, к тому же, уверена, потрясающий любовник. Хотя и не собираюсь в этом убеждаться.

Приход официанта, подоспевшего как раз вовремя, чтобы услышать экстравагантный комплимент Морин, помешал Уолтеру сказать что-нибудь в ответ.

Она поспала, но совсем немного. К шести утра она уже приняла душ и оделась. Разница во времени три часа. Сейчас она примется звонить в международные справочные бюро, диктовать допотопные, возможно, уже не существующие телефонные номера, надеясь, что это не затянется слишком уж надолго. Она чуть было не поддалась слабости и не спросила Уолтера, нет ли каких-нибудь телефонных справочников, охватывающих юристов по всему миру. Но нет, не стоит впутывать его раньше времени — потом она все ему расскажет. Он это заслужил. Она еще не решила, что скажет всем остальным, когда найдет отца. Если найдет.

Все оказалось не так сложно, как она боялась. Вероятно, телефонные переговоры стоили в двадцать раз дороже, чем обычно, но об этом она не думала.

Фирма отцовского адвоката уже не существовала в Булавайо, услужливые операторы снабдили ее перечнем других адвокатов, и в конце концов она выяснила, что искомая контора переехала в Южную Африку. И вот Морин разговаривает с городами, о существовании которых даже никогда не задумывалась, хотя в их названиях было что-то смутно знакомое: Кимберли, Квинстаун...

Наконец она нашла человека, когда-то подписавшего одно из писем. В Претории. Морин Бэрри всегда добивалась своего.

Она объяснила, что ее мать умерла и перед смертью взяла с Морин обещание найти отца. Куда теперь ей обратиться за информацией о нем?

Такие дела не держатся открытыми по сорок лет, ответили ей.

— Но не выкинули же вы его. Юристы ничего не выбрасывают.

— Разве вы не можете разузнать все у себя, через ваши местные источники?

— Уже пробовала, никто ничего не знает, фирма, говорят, переменила адрес, и правда, все документы вернули моей матери по ее просьбе. Пришлось наводить справки через вас.

Несмотря на акцент («истощники» вместо «источники», «в консе консов»), ее собеседник производил впечатление очень милого человека.

— Я отдаю себе полный отчет в том, что проводить для меня розыски входит в профессиональные услуги, и готова заплатить сколько причитается за информацию и потраченное вами время. Мы можем подойти к делу более формально — я обращусь к вам через здешних юристов.

— Нет-нет, мне кажется, с вами можно иметь дело и так, без всякого посредничества.

Она почувствовала, как он улыбается ей с другого конца света — этот человек, которого она никогда не видела, живущий в стране, в которой она (и никто из ее друзей) никогда не побывает по причинам политическим. Ее мать однажды где-то сказала, как ей жалко этих белых, которым приходится расстаться со своими хорошими домами и всеми привилегиями. Высказывание было принято прохладно. Мама умела учиться на ошибках и больше эту тему не поднимала.

Человек из Претории сказал, что скоро позвонит.

— Интересно, можете ли вы себе представить, как я буду этого ждать.

— Думаю, что могу, — ответил он со своим забавным акцентом. — Если бы я только что лишился одного из родителей и обрел надежду найти другого, я бы считал, что дело не терпит отлагательств.

Она не знала, как пережила вторник. Человек из Претории позвонил в среду, в восемь утра, и продиктовал ей телефон адвокатской конторы в Лондоне.

— Он жив или нет? — спросила она, прижав руку к горлу в ожидании ответа.

— Они не сказали, честное слово, ничего не сказали. — Он будто чувствовал себя виноватым.

— Но они могут это узнать? — вымаливала она.

— Эти люди могут направить запрос куда следует.

— Неужели они никак не намекнули? — допытывалась Морин.

— Нет, они намекнули.

— Что?

— Что он жив. И вы будете говорить с человеком, который имеет непосредственную связь с вашим отцом.

— Мне никогда вас не отблагодарить!

— Вы еще не знаете, есть ли за что меня благодарить.

— А я вам сообщу. Я вам позвоню.

— Лучше напишите, вы и так потратились на телефонные разговоры. Или вообще приезжайте сюда, ко мне.

— Не-ет, это навряд ли, чем вы еще сможете мне помочь? Вы вообще к какой возрастной категории относитесь?

— Кончайте передразнивать мое произношение, мне шестьдесят три, я вдовец, у меня прекрасный дом в Претории.

— Да благословит вас Бог.

— Надеюсь, ваш отец жив и захочет с вами встретиться, — сказал незнакомец из Южной Африки.

Ей пришлось прождать полтора часа, прежде чем удалось поговорить с человеком из лондонской адвокатской конторы.

— Ума не приложу, почему вас направили ко мне. — В голосе слышалась легкая досада.

— Я тоже, — призналась Морин. — Первоначально было решено, что мы с отцом не должны общаться, пока жива моя мать. Я знаю, это звучит как сюжет из Ганса Христиана Андерсена, но так уж вышло. Можете уделить мне две минуты, всего две? Я быстренько изложу вам суть, деловые разговоры мне привычны.

Английский адвокат понял. Он обещал позвонить.

Морин преисполнилась веры в быстрое действие юридической машины. Уолтер нередко говорил ей о разных проволочках и отложенных в долгий ящик делах, да она и по собственному опыту знала, сколько уходит времени на переговоры с поставщиками при

оформлении контрактов. И вот вдруг, когда с ней происходило самое важное за всю ее жизнь событие, она натолкнулась на две юридические фирмы, где, казалось, поняли всю срочность ее дела. Почувствовали ее нетерпение и отреагировали на него. В четверг вечером она проверила автоответчик у себя в квартире — ничего, кроме любезного приглашения миссис О'Хаган заходить к ним по вечерам на рюмку хереса, как она заходила к своей бедной матери. И еще сообщение от Уолтера: он собирается на выходные поехать в западную Ирландию — будут, мол, приятные прогулки, отличная еда, а также рыбалка. Можно даже обойтись без рыбалки, если Морин пожелает составить ему компанию.

Она улыбнулась. Уолтер — хороший друг.

На пленке осталось также два щелчка: люди клали трубку, не оставив сообщения. Она занервничала, а потом разозлилась на себя. Разве вправе она ожидать от этих людей такой спешки? И потом, даже если ее отец жив и находится в Англии, что казалось все более вероятным... может оказаться, что он не захочет с ней общаться, а если и захочет, то против будет Флора или его дочь. До нее вдруг дошло, что у них могут быть и другие дети.

Она ходила взад-вперед по квартире, мерила шагами свою длинную гостиную. Она даже не помнила, когда в последний раз была в таком состоянии, — все валялось у нее из рук, ни на чем не могла сосредоточиться.

Телефонный звонок заставил ее подскочить. В трубке раздался нерешительный голос.

— Морин Бэрри... Это Морин Бэрри?

— Да. — Она скорее выдохнула это «да», чем произнесла.

— Морин, это Берни, — сказали на другом конце провода, и последовало молчание, как будто там со страхом ждали, что она ответит.

А она онемела. Была не в состоянии вымолвить ни слова.

— Морин, мне сообщили, что ты меня разыскиваешь. Если нет, то...

Он, казалось, вот-вот повесит трубку. Морин прошептала:

— Ты мой отец?

— Я уже совсем старик, но я был твоим отцом, — ответил он.

— Тогда ты и сейчас мой отец.

Сделав над собой усилие, она постаралась, чтобы ее голос звучал беспечно и весело. Это был верный ход: она услышала, как он негромко, коротко рассмеялся.

— Я уже звонил, — признался он. — Но там была эта штука... Ты говорила таким официальным тоном, что я дал отбой, так ничего и не сказал.

— Я знаю, некоторые от автоответчиков просто на стенку лезут.

И опять это было сказано очень кстати, она чувствовала, что напряжение спадает.

— Но я снова позвонил, только для того, чтобы услышать твой голос, и подумал: это Морин говорит, это ее настоящий голос.

— И тебе он понравился?

— Гораздо больше он мне нравится сейчас, когда мы с тобой и в самом деле разговариваем. Мы же в самом деле разговариваем?

— Да, в самом деле.

Наступило молчание, но оно не было тягостным; они словно мало-помалу привыкали к странному ритуалу общения друг с другом.

— Ты хотел бы со мной встретиться? — спросила она.

— Больше всего на свете. Но сможешь ли ты приехать ко мне в Англию? Я сейчас не совсем здоров, не могу сам ехать к тебе.

— Нет проблем. Я приеду, когда скажешь.

— Это будет не тот Берни, которого ты когда-то знала. Он хочет, поняла Морин, чтобы она называла его не отцом, а Берни. Мама всегда называла его «бедный Бернард».

— Я ведь тебя вообще не знала, Берни, а ты меня знал совсем недолго. Так что шокирован никто из нас не будет. Я уже к пятидесяти приближаюсь — не первой молодости.

— Ладно-ладно...

— Нет, правда. Я еще не поседела только благодаря тому, что регулярно посещаю парикмахерский салон... — Она чувствовала, что несет какую-то чепуху.

— А Софи... она сказала тебе... перед тем как... — Он замялся.

— Она умерла две недели назад, Берни... От кровоизлияния в мозг... Все кончилось быстро, и она бы все равно осталась инвалидом, даже если бы поправилась, так что все к лучшему...

— А ты?..

— У меня все хорошо. Но послушай, насчет нашей встречи. Куда мне приехать? И что скажет Флора, твоя семья?

— Флора умерла. Вскоре после того, как мы покинули Родезию.

— Мне очень жаль.

— Да, она была замечательная женщина.

— А дети?

Удивительный разговор! Речь шла о заурядных житейских вещах, и в то же самое время она разговаривала со своим отцом, которого сорок лет считала умершим и правду о котором узнала всего лишь четыре дня назад.

— У меня только Кэтрин. Она в Штатах. Морин почему-то почувствовала облегчение.

— Чем она там занимается? Она замужем? Работает?

— Нет, ни то, ни другое. Она уехала с этим рок-музыкантом, уже восемь лет как с ним. Она, в общем, ездит с ним повсюду, заботится о нем, вроде как создает для него домашний уют. Говорит, всегда только этого и хотела. Она счастлива.

— Тогда ей повезло, — сказала Морин, почти не думая.

— Да, правда ведь? Потому что она никому не причиняет боли. Говорят, она неудачница, но я не согласен. По-моему, ей как раз все удалось, раз она получает от жизни, что хочет, не причиняя никому вреда.

— Берни, так когда мне можно приехать? — спросила она.

— Приезжай скорее, — ответил он. — Чем скорее, тем лучше.

— Где ты находишься?

— Поверишь ли? В Аскоте.

— Я буду завтра, — пообещала Морин.

Перед отъездом она бегло просмотрела почту. Важных писем не было. Вся деловая корреспонденция, за редкими исключениями, направлялась в ее главный магазин. На этот раз в почтовом ящике оказалось несколько счетов, рекламных проспектов и письмо, с виду какое-то приглашение. Писала Анна Дойл, старшая из детей Дейрдры О'Хаган. Это было официальное приглашение на серебряную свадьбу их родителей. В приложенной записке Анна извинялась за такое до смешного заблаговременное уведомление: она просто хотела быть

уверена, что главные персоны смогут присутствовать. Может, Морин будет столь любезна, что даст ей знать.

Морин пробежала письмо, почти не глядя. Эта серебряная свадьба слишком мелкое событие по сравнению с тем, что свершалось в ее собственной жизни. Она не намерена сейчас думать о том, примет ли это приглашение.

Оказалось, что ее отец проживает в комфортабельном пансионате. Морин поняла, что Бернард Джеймс Бэрри вернулся из колоний человеком не бедным. В Хитроу она взяла напрокат машину и направилась по адресу, который дал ей отец.

Из предосторожности она заранее позвонила в пансионат, чтобы посоветоваться, не будет ли ее визит слишком утомительным для отца, который, по его собственным словам, страдал суставным ревматизмом и совсем недавно перенес легкий сердечный приступ.

Ей сообщили, что ее отец прекрасно себя чувствует и ждет-не дождется ее приезда.

На нем был блейзер и тщательно завязанный шарфик; слегка загорелый, с седой шевелюрой, тросточкой и медленным шагом, он выглядел джентльменом до кончиков ногтей — такого мужчину ее мать была бы рада видеть среди своих гостей в Дублине. От его улыбки разрывалось сердце.

— Морин, у меня тут есть справочник Эгона Роней,^[12] — сказал он после того, как они поцеловались. — Я подумал, надо бы отметить нашу встречу визитом в какой-нибудь ресторан.

— Ты, Берни, свой парень, — улыбнулась она.

И он действительно оказался «своим парнем». Не было никаких извинений, никаких оправданий. Жизнь состояла из огромного числа разных возможностей и путей к счастью; он не жалел, что его дочь Кэтрин пошла своим путем, и не винил Софи в том, что она искала счастье в престиже. Просто это было не для него.

О Морин он знал все, никогда не упускал ее из виду, пока не умер Кевин О'Хаган. Он писал Кевину в его клуб и в этих письмах расспрашивал о своей девочке. Отец показал Морин собранный им альбом вырезок из газет, где шла речь о ее магазинах, и фотографий из светских журналов, где Морин была запечатлена на таком-то танцевальном вечере или таком-то приеме. Здесь же были снимки

Морин вместе с Дейрдрой О'Хаган, в том числе и свадебное фото с Морин в качестве подружки невесты.

— Они в этом году справляют серебряную годовщину, представляешь?

Морин поморщилась при виде свадебных нарядов 60-го года — им явно недоставало изящества. Как они могли быть так невежественны, неужели вкус в одежде у нее развился лишь много времени спустя?

Мистер О'Хаган писал регулярно. О смерти друга Бернард Бэрри узнал, только когда его письмо вернули из клуба вместе с запиской. Между друзьями было уговорено, что мистер О'Хаган не оставит у себя в доме никаких следов их переписки: Бернард Бэрри должен был считаться умершим.

Морин и Берни разговаривали легко и непринужденно, будто старые друзья, у которых так много общего.

— У тебя была какая-нибудь большая любовь, от которой тебе пришлось отказаться? — поинтересовался он, смакуя коньяк. В свои семьдесят он чувствовал себя вправе на эту небольшую роскошь.

— Да нет, не то чтобы большая... — неуверенно выговорила она.

— Но что-то такое, что могло бы вырасти в большую любовь.

— Тогда я так и думала, но ошибалась. Ничего бы из этого не вышло. Мы бы только связали друг друга по рукам и ногам, слишком уж мы были разные. Наш брак во многих отношениях был немыслимым.

Морин знала, что произносит эти слова тоном своей матери.

Ей оказалось совсем нетрудно рассказать этому человеку о Фрэнке Куигли, о том, как она любила его в двадцать лет, любила с такой силой, что думала, сердце у нее вот-вот выпрыгнет из груди. И слова эти давались ей совершенно свободно, хотя никогда еще она не произносила их вслух.

Она рассказала, как тем летом они занимались с Фрэнком всем-всем, только не спали друг с другом, и удержал ее не обычный страх забеременеть, как любую другую девушку, просто она знала, что не должна заходить дальше, потому что он все равно никогда не впишется в ее жизнь.

— Ты сама в это верила или так говорила Софи? В его мягком голосе не было ни тени упрека.

— Я верила, верила безусловно. Я считала, что есть два сорта людей, «мы» и «они». И Фрэнк Куигли точно относился к «ним». И Десмонд Дойл тоже. Правда, Дейдрэ О'Хаган как-то удалось выпутаться из этих сетей. Помню, на свадьбе мы все делали вид, что родственники Десмонда явились из какого-то имения на западе Ирландии, а не из жалкой фермерской хибары.

— Полностью выпутаться ей все же не удалось, — сказал отец Морин.

— Ты хочешь сказать, мистер О'Хаган тебе об этом писал?

— Да, кое-что. Думаю, я для него был как бы посторонним человеком, с которым можно говорить обо всем просто потому, что он всегда останется в стороне.

Морин рассказала, как Фрэнк Куигли без приглашения явился на церемонию вручения дипломов. Как он, стоя в глубине зала, гикнул и завопил «Ого-го!», когда она пошла получать свой диплом.

А потом он пришел к ним домой. Это было ужасно!

— Софи не выставила его?

— Нет, ты же знаешь маму... Ну, может, и не знаешь, но она бы никогда так не сделала. Нет, она убила его своей доброжелательностью, она была само радушие... «А кстати, Фрэнк, скажите-ка, когда мы с покойным мужем были в Уэстпорте, мы там случайно не встречались с вашими родными?» В общем, ты понимаешь.

— Понимаю, — проговорил Берни печально.

— А Фрэнк вел себя все хуже и хуже. Своим безукоризненным обращением мама, казалось, только подливала масла в огонь, а он, будто назло, становился все развязнее. За ужином вытащил расческу и стал причесываться, разглядывая себя в зеркале серванта. И кофе размешивал так, что я думала, чашка вот-вот треснет. Я убить его была готова! И себя тоже — за то, что мне не все равно, что я не могу смотреть на это спокойно.

— А как реагировала твоя мать?

— О, она только приговаривала: «Фрэнк, может быть, вам еще сахару? Или вы предпочли бы чай?» Все в таком роде, понимаешь, ужасно вежливо и как будто все в порядке, ни намек на то, что он ведет себя неприлично.

— А потом?

— А потом она смеялась. Говорила, что он очень мил, и смеялась... И я отказалась от него, — продолжала Морин после недолгого молчания. — Нельзя сказать, что она вышвырнула его за дверь. Нет, она никогда не отказывала ему от дома, время от времени даже справлялась о нем, посмеиваясь, как будто мы по ошибке пригласили на ужин нашего садовника Джимми Хейза. И я смирилась, потому что была согласна с ней, с ее взглядом на жизнь.

— И пожалела об этом?

— Не сразу. Он ругал меня последними словами, мой выпендрож, мол, у него в печенках сидит, он так отчаянно сквернословил, что только подтверждал мамину правоту, нашу правоту. Грозился, что еще покажет мне, что когда-нибудь его будут принимать в лучших домах, и мы с матерью, этой спесивой старой каргой, еще пожалеем, что не привечали его в нашем дерьмовом доме. Вот так он выражался.

— Это он от обиды, — посочувствовал отец.

— Да, естественно. И конечно, он добился всего, о чем мечтал, а Дейрдра О'Хаган вышла за его лучшего друга, такого же необразованного и невоспитанного... В общем, он оказался прав. Он дождался своего часа.

— Он счастлив?

— Не знаю, думаю, что нет. А может, живет себе и радуется жизни. Кто знает...

— Морин — ты прелесть... — вдруг сказал ей отец.

— Нет, я очень глупая. Слишком долго была очень глупой. Ты верно говоришь, никому бы от этого хуже не стало. Я бы никому не повредила, скажи я маме тогда, в двадцать один год, что уйду с Фрэнком Куигли и плевать мне, кто он и из какой семьи.

— Может быть, ты не хотела причинить боли *ей* — ведь я ее бросил, и ты не хотела, чтобы такое случилось с ней еще раз.

— Я же не знала, что ты ее бросил, я думала, ты заразился какой-то ужасной болезнью и умер.

— Мне очень жаль, — сказал он, будто раскаиваясь в том, что не умер.

— Да я ведь сама не своя от счастья, старый ты чертенок, что ты жив! За всю жизнь никогда не была так счастлива.

— Брось, чего там... Всего лишь старик, которого ждет инвалидная коляска.

— Поедешь жить ко мне в Дублин? — предложила она.

— Нет-нет, любимая моя Морин, не поеду.

— Но зачем тебе жить в пансионате? Ты же в прекрасной форме. Я все сделаю, чтобы за тобой был хороший уход. Не в мамином доме — мы устроимся где-нибудь еще. Подберем что-нибудь попросторней, чем моя квартира.

— Нет, я обещал Софи.

— Но ее больше нет, ты сдержал свое обещание. Его взгляд подернулся печалью.

— Нет, это, знаешь, вроде как дело чести. Ее имя начнут склонять, заново перебирать все, что она говорила, и в конце концов смешают с грязью. Сама понимаешь.

— Я понимаю, но не слишком ли благородно ты себя ведешь? Она лишила тебя родной дочери, меня лишила отца, она вела с нами нечестную игру. Все эти годы я думала, что ты умер.

— Но, по крайней мере, напоследок она тебе сказала. — Бернард Бэрри счастливо улыбался.

— Что?

— Ну, по крайней мере, она хотела, чтобы ты меня разыскала. Об этом мне адвокаты сказали. Когда она поняла, что умирает, она все тебе рассказала, чтобы дать тебе шанс снова со мной встретиться.

Морин прикусила губу. Да, она сама придумала эту небылицу, когда наводила справки в Булавайо. Она вгляделась в лицо отца.

— Признаться, меня это тронуло и порадовало. Я считал, что у нее каменное сердце. Кевин О'Хаган писал, что каждый год по мне служили панихиду.

— Да, — подтвердила Морин. — И скоро опять годовщина.

— То есть она сделала то, чего могла бы и не делать, и я ее должник. Возвращаться и тревожить ее память? Нет. В любом случае, милая, я там больше никого не знаю, один Кевин был — и тот умер. Нет, я останусь здесь, мне тут нравится, а ты будешь навещать меня время от времени, и твоя сестра Кэтрин со своим молодым человеком. Я буду самым счастливым человеком на свете.

На глаза у нее навернулись слезы. Вот он сидит перед ней — старик, считающий себя самым счастливым человеком на свете. Нет, никогда она не расскажет ему правды о матери, не станет лишать его удовольствия думать о ней хоть что-то хорошее.

— Тогда я буду приезжать по любому поводу. Открою магазин здесь в Аскоте или в Виндзоре. Я не шучу.

— Я верю. И когда на серебряную свадьбу дочери Кевина поедешь. Это тоже будет хороший повод.

— Сомневаюсь, поеду ли. Шафером-то был Фрэнк Куигли... Предполагается, что это будет встреча всех, кто там был. Будут вспоминать прошлое и все в таком роде.

— Тем более тебе надо поехать, — сказал Берни Бэрри, загорелый человек с огоньком в глазах, который нашел свою любовь сорок лет назад во время служебной командировки и которому хватило мужества пойти навстречу своей судьбе.

7. ФРЭНК

Фрэнк никогда не мог понять, почему люди так нервничают из-за дальней дороги. Сам он с удовольствием запрыгивал в машину и мчался по автострадам за сто миль от дома. Им овладевало в таких случаях чувство свободы, какой-то авантюрный дух, и его радовала даже поездка на выставку продукции, где он бывал уже много раз. А почему бы нет? Как он часто напоминал себе, не у каждого есть такой «ровер», модель этого года, со встроенной стереосистемой и радиоприемником, наполнявшими сияющий комфортабельный салон звуками музыки. А стоило ему захотеть, музыка сменялась «Итальянским для деловых людей». Никто в «Палаццо» не знал, что Фрэнк Куигли понимает каждое итальянское слово, произнесенное в его присутствии. Никогда ни единым взглядом он не выдал этого. Даже если говорили о нем. *В особенности* когда говорили о нем.

Иногда Фрэнку казалось, что его тесть, Карло Палаццо, возможно, догадывается, но даже если это было так, Карло держал свои подозрения при себе. А если бы он был уверен, он бы только еще больше восхищался Фрэнком. Давным-давно он дал понять Фрэнку, что они положили на него глаз и что он никогда бы не сдвинулся с мертвой точки в отношениях с дочерью босса, не будь на то воля Карло Палаццо и его брата.

Но для Фрэнка это с самого начала не было секретом, ему не надо было объяснять, что такая девушка, как Рената, будет надежно защищена от охотников за богатыми невестами под неусыпным надзором отца и дядьев. Фрэнк знал, что он — подходящая кандидатура. Ведь его карьера в фирме не зависела от того, женится ли он на принцессе империи «Палаццо» или нет. Да и на «Палаццо» свет клином для него не сошелся: Фрэнка Куигли с радостью взяли бы в любую британскую компанию. У него не было дипломов, он не учился в университетах. Все это было ему не нужно. Он обладал чутьем и способностью работать как вол день и ночь. Они знали все это еще пятнадцать лет назад, когда отпустили с ним Ренату на обед. Знали, что он не посмеет до свадьбы притронуться к темноволосой застенчивой наследнице миллионов Палаццо. И еще братья Палаццо знали, что

если Фрэнк когда-нибудь нарушит супружескую верность, все это будет тихо, осторожно и вдали от дома. Шито-крыто.

Фрэнк вздохнул, думая о неписанных правилах. Не раз он попадал в довольно рискованное положение, но всегда умел выкрутиться. Так продолжалось и до сего дня. А сейчас все изменилось, и он старался урвать каждую свободную минутку, чтобы остаться одному и подумать, как быть дальше. Была б это работа, просто работа... о, тогда бы он моментально нашел решение. Но Джой Ист была *не* работа. Джой Ист была нечто совсем другое, когда в одной только футболке расхаживала по своему дому, гордая, уверенная в себе и уверенная в нем. А он долгими блаженными часами лежал и улыбался, глядя на копну ее каштановых волос, в которых золотились покрашенные в более светлый цвет пряди, на ее великолепные зубы, длинные загорелые ноги.

Джой Ист была дизайнером, создавшим компании «Палаццо» имидж престижности. Это она вытасила «Палаццо» на страницы дорогих журналов, в то время как Фрэнк Куигли, увеличив объем продаж, вытасил «Палаццо» из массы мелких так называемых супермаркетов в самый первый ряд.

В первый же вечер, когда они взглянули друг на друга не как коллеги по работе, Джой сказала, что они созданы друг для друга. Никто из них не намеревался менять свой жизненный уклад и не властен был принудить к этому другого. Джой не хотела расставаться со своей независимостью и свободой, Фрэнк не хотел разрушать свой брак с дочерью босса. Разве это не идеальная пара — два человека, которые все потеряют, если начнут делать глупости, и все обретут, если будут осторожными. Она высказала ему это отчасти в словах, отчасти взглядом, а отчасти — тем, как, потянувшись к нему через столик в ресторане, поцеловала по-настоящему, в губы. И сказала, смеясь:

— Я проверила: здесь никого, кроме туристов.

Это было чудно. И оно не прекращалось. Он редко встречал таких женщин, как Джой. Тонкости феминистического движения, сама его суть прошли мимо сознания Фрэнка, и эта новая женская независимость казалась ему чем-то экзотическим. Джой Ист гордилась своим незамужним положением; она рассказывала ему, что в двадцать три года чуть было не вышла замуж, но передумала за несколько дней

до свадьбы. Счастливо отделалась! Ее отец рвал и метал, и они до сих пор остались должны кучу денег, ухлопанных на несостоявшееся торжество, торт, лимузины. Не говоря уж о пересудах и нервотрепке. Лучше бы она не упрячилась, тогда не было бы всего этого срама — таково было общее мнение. А что жених? О, он тоже счастливо отделался, считала Джой. Она засмеялась, она и думать о нем забыла.

Она жила в маленьком доме у дороги; когда она поселилась тут, место было отнюдь не фешенебельное, но постепенно у нее появились весьма респектабельные соседи. У Джой был уединенный сад, обнесенный белой стеной, по которой вился плющ. Ее продолговатая уютная гостиная могла вместить шестьдесят гостей. Джой устраивала прекрасные приемы и частенько говорила, как легко угождать людям и умасливать их — просто пригласи человека к себе домой часика на два выпить и закусить бутербродами с икрой.

И в «Палаццо» ее за это любили. «Такое великодушие с ее стороны!» — неустанно твердили члены правления. Мисс Ист вовсе не обязана так их баловать. Ею восхищались, и благосклонное отношение было ей обеспечено. Она умела зазвать к себе домой клиентов, журналистов, представителей зарубежных партнеров и местных шишек. Сама она ничего не делала — обращалась в фирму по обслуживанию банкетов, а затем нанимала уборщиц. Джой убеждала Фрэнка, что это совсем не хлопотно и даже очень полезно. Раз в месяц ее дом до блеска вылизывали уборщицы из фирмы, а холодильник всегда был набит закусками. Перед каждым приемом она убирала подальше все безделушки и всякие ценные вещи: не было гарантии, что кто-нибудь из гостей не окажется воришкой, уж лучше выставить под пепельницы сорок голубых стеклянных чаш. Она купила их по фунту за штуку в каком-то оптовом магазине, еще сорок штук в картонной коробке — запас впрок — лежали на высокой полке в гараже, над ее маленьким спортивным автомобилем.

Связь Фрэнка Куигли, красивого генерального директора «Палаццо», и Джой Ист, консультанта по дизайну, которой компания была обязана своим имиджем, начиная с главного здания в стиле «ар деко» и кончая фирменными полиэтиленовыми пакетами, — эта связь длилась уже три года, и оба могли с уверенностью сказать, что никто о ней не знает. Они не делали глупостей, как многие другие любовники, считающие себя невидимыми. Они знали: никто ни о чем не

догадывается, потому что они ведут себя очень осторожно и строго соблюдают выработанные ими правила игры.

Звонили они друг другу исключительно по делам, а домой Фрэнку Джой не звонила вообще никогда. С тех пор как закрутился их роман, Фрэнк перестал брать Ренату домой к Джой Ист, независимо от того, что за прием там предстоял. Он чувствовал, что унизит жену, приведя ее в гости туда, где сам бывал по несколько раз в неделю в совершенно ином качестве. Нет, его жена не будет класть свою шубу на широкую кровать, где они с Джой провели вместе столько приятных часов. Он поклялся себе, что Рената никогда не узнает об их отношениях, и тем не менее, какое-то чувство долга перед ней не позволяло ему предать ее настолько, чтобы притворяться рядовым гостем в доме, который в действительности был для него почти что родным. Ни о каком другом предательстве не могло быть и речи. Фрэнк всегда считал: его самое ценное качество — способность разделить разные стороны своей жизни непроницаемой перегородкой. Ему всегда это удавалось. С тех пор как он покинул отчий дом и отправился в Лондон, он никогда не думал о своем буйном, вечно пьяном отце и о слабой, всепрощающей матери. Но когда он поехал проведать родителей и братьев с сестрами, которые так и остались навсегда в маленьком городке на западе Ирландии, он не привез с собой не то что рассказов — даже мыслей о своей лондонской жизни. Он ухитрился вернуться в родной дом если и не обтрепанным, то, по крайней мере, неухоженным. Никто бы из них не догадался о том, какую жизнь он ведет в мире бизнеса. Ренате для ее единственного визита вежливости он купил мешковатое твидовое пальто и предупредил ее, что им придется на время отказаться от удобств, к которым они привыкли в Уэмбли. Рената сразу все поняла; не проронив почти ни слова, она пошла помогать женщинам на кухню, в то время как Фрэнк разговаривал с братьями, предлагая вложить туда-то, купить то-то — одним словом, всякими вежливыми незаметными способами давал им возможность поправить свои дела. Все четыре дня, что он провел в родном доме, его кожаный портфель и туфли ручной работы пролежали в багажнике взятой напрокат машины, вместе с шелковыми шарфами и драгоценностями Ренаты.

Фрэнк говорил, что тащить за собой прошлое, воспоминания — значит ограничивать себя во всем. Нужно жить как можно полнее той жизнью, какой ты живешь в данный момент, не связывая себя

никакими узами. А потому не следует вести ничего не подозревающую жену в дом любовницы.

Точно так же когда Куигли собирали у себя гостей, например каждый год на Рождество, мисс Ист якобы бывала в отъезде. Они нередко встречались на нейтральной территории, к примеру у его тестя, но разговаривали исключительно о работе. Фрэнк умел буквально забыть о той, другой их жизни вдвоем и деловито обсуждал с ней планы и проекты. Ему незнакомо было тайное, преступное упоение, которое другие испытывают от связи на стороне, и он знал, что Джой тоже не ощущает ничего подобного. Не должна ощущать. В конце концов, это она установила правила игры.

С самого начала она твердо заявила, что они друг другу ничего не должны и ничем не обязаны. Она заверила его, что не собирается мириться с жалкой участью типичной «другой женщины». Не будет никакой бедняжки Джой, которая, оставшись в Рождество одна, сидит с бутербродом в руке у приемника, слушая «Динь-динь-дон».^[13] Когда они познакомились, ей было тридцать; десять лет до того она прожила более или менее в одиночку. Встретить Рождество она сможет, где захочет, и она не намерена ни минуты чувствовать себя брошенной. Они постараются не терять времени понапрасну и брать от жизни все, но карьера и личные планы не должны от этого страдать. Она свободна как ветер и отправится, куда захочет, не спрашиваясь у него. Если подвернется поездка в Штаты, она не откажется, а он до ее возвращения пусть изыскивает другие способы заполнить часы, которые они обычно проводили вместе.

Они безмятежно блаженствовали... Целых три года длилась настоящая идиллия. Летом частенько сиживали в саду — пили холодное белое вино, закусывая грушами и персиками; зимой, устроившись на роскошном толстом ковре перед камином, разглядывали возникающие в пламени картины. Никогда они не жаловались друг другу, что не могут остаться вместе на выходные, на неделю, на всю жизнь. И никогда в их разговорах не упоминалась Рената. Как и Дэвид из рекламного агентства, имевший серьезные виды на прекрасную Джой Ист и посылавший ей огромные букеты. Иногда по выходным Джой с ним встречалась, но Фрэнк никогда не спрашивал, спит ли она с ним и не угрожают ли ухаживания Дэвида его собственному положению. Он подозревал, что она удерживает

Дэвида на почтительном расстоянии, ссылаясь на занятость и нежелание заводить серьезные отношения.

Фрэнк слышал рассказы коллег об их любовных похождениях: в каждом случае события рано или поздно принимали скверный оборот, и разражалась катастрофа. Посторонний наблюдатель ясно видел ее приближение, но на самих участников событий она обычно обрушивалась как гром среди ясного неба. Фрэнк анализировал свои отношения с Джой не менее скрупулезно, чем какой-нибудь контракт или проект, представленный на его рассмотрение. Если что-то и было не так, он этого не замечал. Не замечал вплоть до прошлогоднего рождественского праздника в «Палаццо». Тогда-то и начались проблемы. Но даже тогда все еще казалось пустяком, не стоящим особого внимания. Поначалу.

События очень ясно запечатлелись в его памяти. В супермаркете трудно организовать рождественскую вечеринку, как это делается в других фирмах, поскольку магазин работает без перерыва весь день. Тем не менее, Фрэнк всегда понимал психологическую важность торжественных мероприятий, особенно во время праздников, и убедил Карло в необходимости устраивать каждый год вечеринку для служащих.

Вечеринка организовывалась в последнее воскресенье перед Рождеством, в обеденное время. Приходили жены с детьми, Карло наряжался Санта-Клаусом, всем раздавали маленькие подарки и бумажные шляпы, и, поскольку собирались семьями, обходилось без обычных для вечеринок «на службе» эксцессов, когда молодым секретаршам становится дурно и их обнаруживают за картотечными шкафами, а немолодые уже менеджеры выставляют себя на посмешище, демонстрируя стриптиз.

Ренате всегда очень нравилось бывать на этих вечеринках, и она отлично ладила с детворой — организовывала игры, осыпала ребят серпантинном. Каждый год (уже столько лет, что Фрэнк даже не помнил, когда это началось) его тесть, с умилением взирая на дочь, приговаривал: как она любит «бамбинос», и сетовал на то, что у них нет детей. И каждый год Фрэнк пожимал плечами и говорил, что пути Господни неисповедимы.

«Это не потому, что нам не хватает любви», — всякий раз говорил он, и Карло с серьезным видом кивал и советовал Фрэнку есть

побольше бифштексов: мясо еще ни одному мужчине не повредило. Каждый год Фрэнк терпеливо, с натянутой улыбкой выслушивал его наставления. Приходилось платить эту совсем недорогую цену, и он не обижался, понимая, что у старика и в мыслях нет его оскорбить. Фрэнк воспринимал слова Карло как доброе, но, пожалуй, бестактно выраженное сожаление. Это была одна из немногих тем, где он помалкивал и уступал Палаццо. В разговоре о бизнесе они всегда были на равных.

Но в прошлое Рождество вечеринка в «Палаццо» прошла не как обычно. Джой Ист всегда отвечала за убранство большого склада, где отмечался праздник. Конечно, сама она не украшала стены гофрированной бумагой, не устанавливала длинные столы, не разносила пирожки с мясом и булочки с изюмом. Ее заботой было подобрать цветовую гамму, приготовить огромные бумажные украшения или какие-нибудь гигантские подсолнухи, которые она придумала однажды, поручить кому-нибудь сделать колокола из фольги, проследить, чтобы для Санта-Клауса Карло был готов большой покрытый зеленым сукном стол, нагруженный подарками, и чтобы присутствовал фотограф из местной или даже центральной газеты. Вдвоем с Фрэнком они организовывали громадный рождественский календарь с именами всех работающих в компании. Отпечатать его стоило сущий пустяк, зато каждый, кто работал в «Палаццо», с гордостью нес его домой и хранил до следующего Рождества. Иногда это даже останавливало тех, кто собирался взять расчет. Трудно уйти с места, где тебя так ценят, что ставят в календаре твое имя в один ряд с именами членов правления и высшими должностными лицами.

В прошлом году Джой сказала, что не сможет принять участия в приготовлениях к рождественской вечеринке. Ей надо съездить на ярмарку, посвященную упаковочному делу. Это важно — ей нужны новые идеи.

— Да ведь она проходит каждый год в это время. Раньше же ты никуда не ездила, — застонал Фрэнк.

— Ты мне указываешь, что мне делать и чего не делать? — Голос был холоден как сталь.

— Ну конечно нет. Просто это уже вошло в традицию... Твои идеи для рождественской вечеринки... Так было всегда. Задолго до

того, как мы с тобой... В общем, всегда.

— И ты думал, что так всегда и будет... Еще долго после нас с тобой?

— В чем дело, Джой? Если ты пытаешься что-то мне сказать — так говори же! — Резкостью тона он старался скрыть свой шок.

— Я никогда ничего не *пытаюсь* сказать, уверяю тебя. Можешь быть в этом уверен. Я или говорю, или не говорю, без всяких попыток.

Он пристально посмотрел на Джой. Голос ее звучал как-то непривычно. Чтобы Джой Ист пила, пила в середине дня... это было немыслимо. Он выкинул нелепое подозрение из головы.

— Вот и хорошо, — сказал он с напускной веселостью, — ведь я и сам такой. Если я что-то хочу сказать, я говорю прямо. Мы с тобой из одного теста.

Ее улыбка показалась ему странной.

Когда она вернулась с ярмарки, они встретились, как было условлено, у нее дома. Это было вполне безопасно помимо всего прочего еще и потому, что Джой действительно работала у себя дома, в маленькой светлой студии, и у Фрэнка был законный предлог, чтобы заглянуть к ней. А еще лучше было то, что ее дом находился почти в двух шагах от офиса бухгалтерской фирмы, с которой они консультировались по вопросам о налогах. У Фрэнка была уважительная причина регулярно их посещать. Если бы его машину увидели в этом районе, у него было надежное алиби.

Джой призналась, что большого толка из ее поездки на ярмарку не вышло.

Там была одна дребедень.

— Так зачем же ты поехала? — раздраженно спросил Фрэнк. Пока она была в отлучке, ему пришлось подыскивать кого-то вместо нее, чтобы подготовить зал к предстоящему празднику, а в этом деле никто ей и в подметки не годился.

— Чтобы сменить обстановку, развеяться, отдохнуть, — отвечала она задумчиво.

— Господи, никогда бы не подумал, что на торговой ярмарке можно отдохнуть.

— Можно, если почти безвылазно сидишь в своем гостиничном номере.

— И чем ты таким серьезным занималась у себя в номере? — холодно осведомился Фрэнк.

— А разве я говорила, что занималась чем-то серьезным? Я так сказала?

— Нет.

— Ничего серьезного, абсолютно ничего. Я читала каталоги, заказывала еду, много холодного белого вина. Ах да, и еще познакомилась с одним милым шотландцем, он руководит фирмой, торгующей канцелярскими товарами. А вообще, ничего серьезного.

Фрэнк побледнел, но держал себя в руках.

— Ты пытаешься сделать мне больно? — сказал он.

— С чего ты взял? Мы же из одного теста, ты часто это говоришь. У тебя своя жизнь со своей женой, у меня — своя и свои случайные знакомые. При чем тут боль?

Они лежали в постели. Фрэнк потянулся к ночному столику и вынул из портсигара сигарету.

— Вообще-то, мне не по душе, что ты здесь куришь. Запах потом долго не выветривается, — заявила Джой.

— Вообще-то, я здесь и не курю. Но то, что ты говоришь, не дает мне покоя, — ответил он, закуривая.

— Ну-ну, все это игра, разве не так? — Джой заговорила вдруг совершенно добродушно. — Я много думала об этом во время своей поездки. То, что нас связывает, это не любовь, не та великая страсть, которая заставляет людей совершать глупости. Всего лишь игра. Вроде тенниса, один подает, другой отбивает...

— Это намного больше, чем игра... — начал было он.

— Или вроде шахмат, — мечтательно продолжала Джой, не слушая его. — Один делает искусный ход, другой отвечает на него еще более хитроумным маневром.

— Ты прекрасно знаешь, что нас связывает, незачем придумывать для этого мудреные названия. Мы любим друг друга, но мы с тобой установили рамки нашей любви. Мы восхищаемся друг другом и счастливы вместе.

— Игра, — повторила она.

— Но, Джой, люди, которые встречаются, чтобы сыграть в гольф, сквош или шахматы, это друзья. Ей-богу, не захочешь же ты провести весь день с тем, кто тебе не по душе. Можешь использовать это

сравнение, если тебе так нравится, можешь твердить без конца: игра, игра, игра. Но это ничего не значит. Это ничего не меняет. Мы все те же. Ты и я.

— Ты, однако, хороший игрок, — восхитилась она, посмеиваясь. — Как ловко ты обходишь острые углы! Даже не допытываешься, был ли на самом деле шотландец или нет. Думаю, ты был бы очень опасным противником в игре.

Он потушил сигарету, снова пододвинулся к ней, привлек ее к себе и зарылся лицом в ее длинных, блестящих, пахнущих лимонным шампунем волосах, в которых каштановые пряди перемежались с крашеными пшеничными.

— Ну, так же как и ты... Опасный противник. Но разве мы не самые верные друзья и самые преданные любовники, а вовсе не враги?

Но его веселость была наигранной, и он чувствовал, что ее тело не откликается на его ласки. Не по себе становилось от застывшей на ее лице полуулыбки, не имеющей ничего общего с тем наслаждением, какое она должна была бы в тот момент испытывать.

На вечеринку Джой явилась в великолепном темно-синем с белым платье. Глубокое декольте открывало изрядную часть груди и дорогой бюстгальтер с кружевной отделкой. Ее блестящие волосы сверкали золотом и медью. Джой выглядела на десяток лет моложе своих тридцати трех — она была точно прекрасная молоденькая девушка, вышедшая на охоту. Фрэнк с тревогой следил, как она расхаживает в толпе служащих «Палаццо». На сей раз не оставалось сомнений: она порядочно накачалась. Причем еще до того, как приехала на вечеринку.

Страх холодными клещами сдавил сердце Фрэнка. С трезвой Джой он легко мог совладать, но пьяная Джой была темной лошадкой. Ему вдруг вспомнились ужасные, непредсказуемые приступы бешенства, какие бывали у отца. Один раз он в ярости швырнул свой обед в камин. Прошло почти сорок лет, но Фрэнк видел все так ясно, будто это случилось вчера. И глубже всего в его сознание врезалось то, что отец вовсе не собирался этого делать, а намеревался с аппетитом пообедать — он потом всю ночь твердил им об этом. С тех пор Фрэнк стал опасаться пьяных. Сам он пил очень мало и внимательно следил за своими подчиненными, понимая, что под парами человек может быть опасен. Возможно, ничего страшного и не случится, но нет никакой гарантии... Глядя на ослепительную улыбку и глубокое

декольте Джой Ист, которая фланировала по залу, то и дело заново наполняя свой бокал, Фрэнк предчувствовал, что добром это не кончится.

Ее первой мишенью стал Карло, который натягивал на себя за сценой костюм Санта-Клауса.

— Чудесно, мистер Палаццо, просто чудесно, — сказала она. — Вы будете иметь ошеломляющий успех. Скажите им, какое жалованье приготовил для них Санта, если они будут примерными мальчиками и девочками и будут трудиться как пчелки.

Карло оторопел. Фрэнк понял, что нужно ее поскорей отвлечь.

— Джой, а где подарки для детишек? Можно тебя на минутку? — попросил он как можно убедительнее.

Она подошла к нему, и он увидел ее осоловелый взгляд.

— Где подарки? — переспросила она. — Ими заведует твоя жена. Наша святая Рената. Санта Рената. — Ее лицо расплылось в улыбке. — Это могла бы быть хорошая песня... Санта Рена-ата...

Она запела на мотив «Санта Лючии»; видно, ей понравилось, как получилось, и она затянула погромче. Фрэнк тихонько отошел. Надо было увозить ее отсюда. Срочно.

В эту минуту появилась Рената и объяснила, что подарки для девочек завернуты в розовую бумагу, а подарки для мальчиков — в голубую. В прошлом году ее отец вручил девочкам ужасных монстров и пауков, а мальчикам — зеркальца и гребешки. На этот раз решили не рисковать.

— Отлично, Рената, — одобрила Джой, — будем действовать наверняка.

Рената глядела на нее во все глаза. Такой она никогда Джой Ист еще не видела.

— Вы замечательно выглядите... очень элегантно, — промолвила она.

— Спасибо, Рената, грация, грация милле.^[14] — Джой отвесила ей изысканный поклон.

— Впервые вижу вас в таком туалете... и такой жизнерадостной.

Рената проговорила это тихо и с ноткой благоговения. Она нервно теребила край своего дорогого, но совсем скромного шерстяного жакета. Он стоил, вероятно, в четыре раза дороже, чем эффектное платье Джой, но рядом с ней Рената казалась невзрачной пичужкой:

черные волосы, желтоватая кожа и сшитый по авторской модели костюм в сиреневом и розовом тонах, отделанный сиреневой замшевой тесьмой. Ничего броского.

Джой смотрела на Ренату в упор.

— Я вам скажу, почему я сегодня выгляжу иначе. У меня есть мужчина. Мужчина моей мечты.

Джой с улыбкой огляделась по сторонам, довольная тем, что ее слова произвели впечатление на окружающих, среди которых были Нико Палаццо (брат Карло), Десмонд Дойл и еще несколько человек из руководства компании. Рената тоже улыбнулась, но неуверенно. Она не знала, что ей следует ответить, и шарила глазами в толпе, словно ища Фрэнка, который мог бы ей помочь.

Фрэнк стоял с таким чувством, будто лед, сковавший его внутренности, треснул и теперь он тонет в ледяной воде. Он ничего не мог сделать. Его почти мутило от ощущения собственного бессилия.

— Я говорила тебе о нем, Фрэнк? — продолжала Джой с лукавым видом. — Ты видишь во мне только профессионала, деловую женщину... а ведь я еще способна на любовь, на страсть.

— Конечно, способна.

Фрэнк говорил с ней так, будто гладил бешеную собаку. Даже если бы между ними ничего не было, все вокруг ожидали бы от него именно этого. Сдержанных, успокоительных слов. Должны же они видеть, в каком она состоянии, они уже должны были это заметить. Или он просто слишком хорошо знает ее, за три года выучив наизусть каждую черточку ее лица и тела, потому и понял, что она потеряла власть над собой? Остальные, казалось, не видели в ее поведении ничего выходящего за рамки — просто у человека праздничное, приподнятое настроение. Если ему удастся остановить ее сейчас, пока она не успела выпалить что-нибудь еще, тогда, возможно, не все потеряно.

Джой сознавала, что сделалась центром внимания, и упивалась этим. Разыгрывая из себя маленькую девочку, она заговорила тоненьким голоском — такого он от нее еще не слышал. Она выглядела полной душой, как совершенно беспристрастно решил про себя Фрэнк; находясь в трезвом уме, она бы первая обрушилась с беспощадной иронией на женщину, опустившуюся до подобного кривлянья.

— Но в фирме запрещается любить кого-нибудь, кроме «Палаццо». Что, разве не так? Все мы любим «Палаццо», другой любви быть не должно.

Все засмеялись, даже Нико. Приняли это за добродушную шутку.

— Правда-правда, — согласился Нико, — главное — любить фирму, а остальных — дело десятое.

— Это измена — любить кого-нибудь больше, чем фирму, — подтвердил со смехом Десмонд Дойл.

Фрэнк бросил на него благодарный взгляд. Дружище Десмонд, старый товарищ с далеких ирландских дней, сам того не подозревая, помогал ему, разряжая обстановку. Пожалуй, подумал Фрэнк, надо его поддержать, пусть еще что-нибудь скажет.

— Ну, ты-то, Десмонд, никогда не изменял фирме. Ты всегда был верен «Палаццо».

Лишь только он произнес эти слова, как внутри у него все похолодело: он вспомнил, как Десмонда отправили на улицу и каких трудов ему, Фрэнку, стоило восстановить друга в компании. Но Десмонд, видимо, не заметил, какой иронический смысл заключался в словах Фрэнка. Он уже собирался ответить что-то оптимистичное, но тут вклинилась Джой Ист.

— Никто не имеет права жениться ни на ком, кроме фирмы. Раз пришел работать в «Палаццо», ты должен взять фирму в жены, жениться на «Палаццо». Задача не из легких. Очень даже не из легких. Но только не для тебя, Фрэнк. Ты-то тут преуспел, не так ли? Ты и правда женился на «Палаццо»!

Теперь даже такой тугодум, как Нико, должен был заподозрить неладное. Надо было действовать быстро. Но главное — не показать своей растерянности. Он должен обращаться с ней снисходительно, просто как с коллегой, вообще-то, во всех отношениях образцовым, но вдруг вздумавшим подурачиться на людях.

— Да, ты права, и хорошо, что ты мне напомнила. Мой тесть устроит нам грандиозный разнос, если мы немедленно не займемся подарками. Рената, не пора ли привести детей... Или кто-нибудь сделает объявление?... Как лучше сделать?

В прошлые года всем заправляла Джой Ист, и все шло как по маслу.

На лице Ренаты отразилось облегчение. Она было подумала, что ей нанесено оскорбление, что над ней посмеялись, но Фрэнк явно ничего такого не увидел, значит, она ошиблась.

— Я думаю, мы должны сказать папе, что пора начинать, — ответила она и направилась к своему отцу.

— Я думаю, все мы должны сказать папе, что пора начинать, — повторила за ней Джой, ни к кому в отдельности не обращаясь.

Десмонд Дойл и Нико Палаццо обменялись недоуменными взглядами.

— Джой, ты, наверное, устала после всех своих хлопот на выставке образцов упаковки, — громко сказал Фрэнк Куигли. — Если хочешь, я отвезу тебя домой, пока тут не стало слишком жарко и душно.

Он увидел, что на многих лицах проступило облегчение; мистер Куигли всегда умеет найти выход из положения — из любого положения!

С жесткой, холодной улыбкой смотрел он на Джой. Его улыбка недвусмысленно говорила, что это ее шанс выпутаться из переплета, в котором они оба по ее милости оказались. Единственный шанс. Его улыбка говорила, что он не боится.

Несколько секунд Джой молча смотрела на него.

— Ладно, — сказала она наконец. — Скажем, что я устала после выставки образцов упаковки, устала и очень перевозбудилась и что меня лучше отвезти домой.

— Скажем так, — добродушно промолвил Фрэнк. — Передайте Ренате, чтобы приберегла для меня мальчиковый подарок от Санта-Клауса, я скоро за ним вернусь! — наказал он, уходя.

Все с восхищением смотрели ему вслед, пока он уводил мисс Ист, которая повела себя несколько странно, из просторного зала к автостоянке.

Ехали в полном молчании, не было произнесено ни слова. У дверей ее дома она подала ему свою сумочку, он достал ключ. На низком стеклянном столике стояла полная на две трети бутылка водки и апельсиновый сок. Рядом лежал ворох нераскрытых рождественских поздравлений и маленький элегантный чемодан, будто она собиралась уезжать или, наоборот, только что вернулась из поездки. Он был

потрясен. Видимо, вернувшись с этой ярмарки, она даже не распаковала вещи!

— Кофе? — предложил он. Это было первое слово, произнесенное между ними.

— Нет, спасибо.

— Минералки?

— Если ты настаиваешь.

— Я не настаиваю, мне совершенно нет дела до того, что ты пьешь, но, по-моему, ты уже нализалась так, что любому пропойце дашь фору.

Он говорил ледяным голосом.

Джой взглянула на него со своего кресла, в которое она опустилась, как только они вошли. — Ты ненавидишь алкоголь потому, что твой отец был горький пьяница, — сказала она.

— Ты повторяешь то, что я сам тебе сказал. Порадуешь меня еще какими-нибудь проблесками проницательности или я могу возвращаться на праздник?

— Тебе очень хочется меня ударить, но ты не можешь, потому что ты видел, как твой отец бьет твою мать, — добавила она с усмешкой.

— Bravo, Джой, отлично! — Рука его сжалась в кулак, он бы с удовольствием треснул что-нибудь, стул, пусть даже стену, чтобы дать выход своей злости.

— Все, что я говорила, правда. Чистая правда.

— Это точно. И высказала ты ее очень красиво. Все, я уйду.

— Нет, ты не уйдешь, Фрэнк. Ты сядешь и будешь слушать, что я скажу.

— Вот тут ты ошибаешься. У меня ведь был пьяница отец, и я слишком хорошо знаю, что значит выслушивать пьяных. Это не имеет смысла. На следующее утро они уже ничего не помнят. Позвони в службу точного времени, им и расскажи. Они любят послушать душещипательные истории от тех, кто напился до чертиков.

— Ты должен меня выслушать, Фрэнк, ты должен знать.

— В другой раз. Когда сможешь членораздельно произнести мое имя.

— Насчет этой ярмарки... Я там не была.

— Знаю-знаю, ты мне сама сказала. Шотландец... ну-ну. Не говори мне только, что тебя мучают угрызения совести.

— Меня вообще там не было, я никуда не уезжала из Лондона.
Голос ее звучал странно, она как будто немного протрезвела.

— Ну и?.. — Он все еще стоял в дверях.

— Я ездила в клинику... — она помедлила, — ...чтобы сделать аборт.

Фрэнк положил ключи от машины в карман и зашел обратно в комнату.

— Прости, — заговорил он. — Мне очень жаль.

— Ты тут ни при чем. — Она смотрела в сторону.

— Но... как? Почему?

— Таблетки не подействовали.

— Ты должна была все мне рассказать. — Он говорил ласково, он уже все ей простил.

— Нет, это мое личное дело.

— Знаю-знаю, но все-таки...

— И я пришла в эту женскую клинику, очень приятное заведение, в самом деле, они там много чего делают, не только, как они говорят, «прерывание беременности»... — Голос у нее дрогнул.

Он накрыл ее руку своей ладонью, отчуждения как не бывало.

— Очень плохо было? Ужасно, да? — В его глазах светилось сострадание.

— Нет. — Она повеселела и улыбнулась ему, только чуть кривоватой улыбкой. — Нет, ничуть не ужасно, потому что когда я к ним записалась и прошла в назначенную комнату, я села и стала думать. И я подумала: зачем я это делаю? Почему хочу избавиться от него? Ведь я хочу, чтобы рядом со мной был новый человек, хочу сына или дочь. И я передумала. Я сказала им, что решила не делать аборт. И сняла номер в гостинице, а через пару дней вернулась сюда.

Он ошарашенно уставился на нее.

— Этого не может быть.

— Нет, все правда. Теперь ты понимаешь, почему ты не мог просто взять и вернуться на праздник. Я должна была тебе рассказать. Ты имеешь право знать. Знать все.

Даже если бы Фрэнку Куигли суждено было дожить до глубокой старости (в чем его врач весьма сомневался), он никогда бы не забыл этой минуты. Этого дня, когда он узнал, что станет отцом — но не

ребенка Ренаты. Такое отцовство не принесет ему поздравлений и уважения семейства Палаццо, такого отца вышвырнут вон и лишат всего, чего он добился за четверть века. Он никогда не смог бы забыть выражения ее лица в тот момент, когда она все ему сказала, зная, что впервые в их равноправных отношениях верх взяла она. Пусть она нарушила все правила, пусть напилась и теперь в растрепанных чувствах — все козыри у нее на руках, и она это знает. И взяла верх она только потому, что по закону природы женщины рожают детей. Ни перед чем не спасовал бы Фрэнк Куигли. Ни перед чем, кроме природы.

В ту минуту он, само собой, разыграл свою роль в лучшем виде. Позвонил назад, на праздник, и сказал, что Джой пока нельзя оставить одну. Потом сел и стал говорить с ней, а мозг его тем временем лихорадочно работал. Он произносил утешительные, успокаивающие слова, но мысли его были далеко — он думал о будущем.

Лишь на несколько секунд он позволил себе расслабиться и дать волю чувствам, задержавшись на приятной мысли о том, что зачал ребенка. Если бы Карло знал, не было бы всех этих разговорчиков о необходимости есть побольше мяса. Если бы только Карло знал! Но он не должен знать. И для Ренаты это стало бы ударом, от которого она никогда не оправится. Она была бы уязвлена до глубины души, и не только тем, что он изменил ей и годами у нее под боком продолжалась эта любовная связь, но и тем, что Джой произвела на свет ребенка — единственное, чего она, Рената, не смогла.

Поглаживая горящий лоб Джой, уверяя ее в своей преданности и в том, как он рад, что это случилось, Фрэнк бесстрастно просчитывал свои дальнейшие действия. Отпаивая рыдающую Джой чашками слабого чая и вталкивая в нее тонкие ломтики хлеба с маслом, он спокойно перебирал в уме варианты выхода из положения и взвешивал меру опасности каждого из них. Прежде чем что-либо предпринять, нужно было найти путь, где меньше всего подводных камней.

Джой рождает ребенка, и он признает свое отцовство. Он не имеет намерения расторгнуть свой брак, но вместе с тем чувствует себя не вправе лишать сына или дочь отцовской любви и заботы. Этот вариант можно сразу отбросить. В обществе более раскрепощенном это сработало бы. Но только не с Палаццо. Дохлый номер.

Допустим, Джой объявляет, что у нее будет ребенок, но личность отца остается в секрете и она не собирается ни с кем обсуждать эту тему. Тоже ничего сверхъестественного для эмансипированной женщины 80-х годов. Но опять-таки — это ведь мир Палаццо... На Джой будут косо смотреть, шептаться у нее за спиной, и хуже всего, что стоит ей только выпить, и правда выплывет наружу.

Предположим, он станет отрицать свое отцовство. То есть, грубо говоря, заявит, что она лжет. Он даже удивился, как такое вообще могло прийти ему в голову. Ему было хорошо с Джой, он любил ее не только ради секса — он восхищался ее умом, ему казалось, что они одинаково смотрят на вещи. Он никогда не помышлял о том, чтобы нанести Карло удар в спину и сделаться единовластным хозяином «Палаццо»; руки Ренаты он добивался не только из-за ее богатства и положения — не такой уж он подлец. И все же, как мог он хотя бы подумать о том, чтобы предать Джой — женщину, которая три года была его возлюбленной и ждет от него ребенка? Он посмотрел на нее — лицо перекошено, тело распласталось в кресле — и содрогнулся, чувствуя, сколь силен в нем страх перед алкоголем, который творит с человеком такие вещи. Он знал, что теперь, что бы ни произошло, он уже никогда не сможет доверять Джой.

Может быть, все-таки попробовать уговорить ее сделать аборт? Всем от этого только легче будет. Если сделать это не позже, чем через две недели, операция будет совершенно безопасной. Может быть, удастся ее уговорить.

А если не удастся? Он рискует навлечь на свою голову бурную реакцию. И если она не послушает его и решится рожать, зная, что он не прочь избавиться от ребенка, тогда положение будет хуже не придумаешь.

А что, если предложить ей уехать и начать новую жизнь с кипой блестящих рекомендаций в кармане?.. Чтобы Джой уехала из Лондона?! Начала жизнь заново со своим малышом только потому, что это устраивает Фрэнка? Нет, исключено.

Далее, он может попросить ее отдать ребенка ему. Положим, они с Ренатой усыновят малыша. Ребенок унаследует миллионы Палаццо. Всем будет хорошо. Фрэнк с Ренатой долго и безуспешно обивали пороги учреждений: сорокашестилетний Фрэнк считался слишком старым, чтобы стать приемным отцом. Но, как оказалось, не слишком

старым, чтобы стать отцом фактическим. Да что говорить, природа никогда особенно не считалась с бюрократами.

Но ведь Джой решила рожать ребенка, потому что захотела, чтобы рядом с ней было другое человеческое существо. Она и думать не станет о том, чтобы отдать свое дитя. Во всяком случае, сейчас. Сбрасывать со счетов эту возможность не стоит. Она еще может передумать — попозже, пока будет ждать ребенка. Маловероятно, но не исключено.

И тогда он усыновит собственного ребенка. Лучшего и пожелать нельзя. Ренате, положим, придется все рассказать, зато ее родным это знать вовсе не обязательно...

Фрэнк поглаживал ее горящий лоб, подливал ей чаю и думал, думал, что делать, и даже если бы впоследствии те слова и звуки, какими он утешал Джой Ист, в точности были восстановлены (что маловероятно), из них никогда бы не сложилось никакого обещания или определенного решения.

Прошло несколько недель. Об эксцентричном поведении Джой на рождественской вечеринке почти не вспоминали, Фрэнка, как обычно, похвалили за то, что он сумел пресечь недоразумение на корню. Джой с высоко поднятой головой вернулась на работу, планы и идеи сыпались из нее как из рога изобилия. Запоев больше не повторялось. Но и свидания дома у Джой прекратились.

Сразу после Нового года Фрэнк и Джой встретились за обедом. Фрэнк в присутствии нескольких менеджеров заговорил о дефиците свежих идей. Сейчас, после Рождества, надо срочно придумать что-нибудь новенькое. Они с Джой Ист пообедают вдвоем в ресторане и пораскинут мозгами. Женщины обожают деловые обеды, да и сам он не прочь.

Они отправились в лучший ресторан, где все могли их видеть.

Она потягивала свой тоник, он — томатный сок. — Обед за счет фирмы, а мы ничего не пьем, — сказала она с улыбкой.

— Как ты мне тогда сказала, я — сын пьяницы и боюсь алкоголя.

— Я так сказала? По правде, не очень-то помню, что говорила в тот день. Поэтому ты больше ко мне и не приходишь?

— Нет, не поэтому.

— Тогда почему? Я хочу сказать, больше ведь не нужно соблюдать мер предосторожности, это все равно что запереть конюшню после того, как лошадь уже сбежала... Надо пользоваться ситуацией...

Ее улыбка была теплой и приветливой. Как у той, прежней Джой.

— Боюсь, как бы не было вреда. Говорят, на этой стадии беременности не рекомендуется...

Она улыбнулась, довольная, что он беспокоится.

— Но ты мог бы прийти, просто чтобы поговорить, разве нет? Я ждала много дней подряд.

Это была правда, она держала слово и не звонила ему. Ни разу.

— Нам и вправду надо поговорить, — сказал Фрэнк.

— Почему же ты пытаешься сделать это в ресторане, где мы у всех на виду? Вон те женщины — родня жены Нико Палаццо. С самого нашего прихода они не спускают с нас глаз.

— Мы с тобой обречены быть на людях всегда, до конца жизни, поэтому на людях мы и должны решать, как нам жить дальше. Если мы поедem к тебе домой, то невольно вернемся в те дни, когда для нас кроме нас самих не существовало никого, с кем бы стоило считаться.

Голос его был спокоен. Но она чувствовала в нем тревогу.

— Выходит, ты хотел заставить свидетелями — на случай, если я собираюсь сказать тебе что-нибудь неприятное?

— Не валяй дурака, Джой.

— Я не валяю дурака, а вот ты из кожи вон лезешь, не зная, как выпутаться из этой истории! Что, не так? Ты и в самом деле перепуган до смерти.

— Неправда, и хватит улыбаться этой своей улыбочкой, она ведь ненастоящая. Это фальшивая улыбка, которую ты надеваешь для клиентов и деловых партнеров. Она не от сердца.

— А твоя улыбка, Фрэнк, разве она когда-нибудь была от сердца? Может быть, ты не знаешь, но твоя улыбка никогда не доходит до глаз, никогда! Она всегда кончается в уголках у рта.

— Почему мы сейчас все это говорим друг другу?

— Потому что ты трясешься от страха, я сердцем чую.

— С чего ты так на меня ополчилась? Что я такого сказал? — Он в изумлении развел руками.

— Не надо делать этих итальянских жестов, я тебе не Палаццо! Что ты такого сказал? Я повторю, что ты сказал. Ты сказал, что мы

должны, сидя в общественном месте, решать, как нам жить дальше. Ты забываешь о том, как хорошо я тебя изучила, Фрэнк, ты забываешь наше первое правило: когда тебе нужно встретиться с неприятелем, проводи встречу на нейтральной территории, а не у себя или у него. Вот это ты сейчас и делаешь. Мы с тобой знаем, что если возникает опасность ссоры, главное — сделать так, чтобы встреча происходила в общественном месте. Это удерживает тех, кто хотел бы закатить сцену.

— Джой, ты хорошо себя чувствуешь? Уверена?

— Знаешь, этот способ далеко не всегда действует, — упрямо продолжала она. — Пьяная или трезвая, дома или не дома, я могу устроить сцену, стоит мне только захотеть.

— Конечно, можешь, но к чему это? Мы же друзья, с какой стати нам ссориться?

— Мы не друзья, мы, как фехтовальщики, обмениваемся выпадами, мы играем друг с другом, и каждый ищет выгоду для себя...

— Ну хорошо, если все это так, зачем же мы тогда заводим ребенка?

— Не *мы* заводим ребенка, — отчеканила Джой. — Это я завожу ребенка.

И на лице у нее появилось торжествующее выражение, как будто она одолела соперника, выиграла приз или просто добилась своего вопреки всем обстоятельствам.

Именно тогда он понял, что у нее на уме. Она намерена вечно держать его в неизвестности и тем самым — на коротком поводке. Он и пикнуть не посмеет. Это ее ребенок и ее решение, и пока это ее устраивает. Она и не думает обещать ему какой-либо определенности, ее план состоит в том, чтобы он никогда не знал наверняка, сохранит ли она все в тайне или нет. Он будет игрушкой в ее руках.

Однажды с Фрэнком Куигли уже пытались проделать такую штуку. Был один такой поставщик, он тайно скупил рынок, а потом, когда в «Палаццо» уже полным ходом шла рекламная кампания товара и поздно было идти на попятный, вдруг поднял цену. Да, с этим Фрэнк сталкивался, с ним уже пытались играть в такие игры. Он ответил тогда с улыбкой, что не заплатит ни копейки сверх той цены, о которой они изначально договорились. «Но вы же будете выглядеть глупо, если, ухлопав столько денег на рекламу, вынуждены будете признаться, что товара у вас нет!» Отнюдь, спокойно ответил Фрэнк с

очаровательной улыбкой. Они просто-напросто дадут объявление, в котором извинятся перед покупателями и объяснят, что поставщики их подвели. «Палаццо» только еще больше станут уважать за честность, а ненадежный поставщик утратит репутацию. Все очень просто. Но ведь тогда дело касалось фруктов. Тогда речь не шла о ребенке.

Он пустил в ход все свое обаяние и, когда обед кончился, совершенно измочаленный, поздравил себя с тем, что, по крайней мере, удалось соблюсти видимость нормального разговора.

Они поговорили о работе. Дважды он ее рассмешил — рассмешил по-настоящему, так, что она, откинув голову, громко хохотала. Две женщины, которые, по ее словам, приходились родней Нико Палаццо со стороны жены, бросали в их сторону любопытные взгляды. Но при всем желании они не смогли бы увидеть ничего такого, о чем можно было бы посудачить дома. Это был самый невинный обед в истории. Иначе они бы не обедали здесь, на глазах у всех.

Он рассказал ей, как справил Рождество, Джой рассказала, как ездила к друзьям в Суссекс, у которых гостила уже не в первый раз. Большой родовой дом с кучей ребятишек.

— Ты им сказала? — поинтересовался Фрэнк. Он чувствовал, что нельзя отходить в разговоре слишком далеко от того, о чем они оба думают, иначе его обвинят в черствости.

— О чем? — спросила она.

— О ребенке.

— О каком ребенке?

— О твоём. О нашем, если хочешь, хотя по большому счету, как ты сказала, это твой ребенок.

Джой довольно фыркнула, будто говоря: «А-а, так-то лучше».

— Нет, — ответила она. — Я никому ничего не собираюсь говорить, пока не решу, что делать.

И больше об этом не было сказано ни единого слова. Как всегда, говорили о планах и проектах. О том, что нежелательно посвящать Нико во все дела компании, о новом приобретении «Палаццо» — участке в районе, который считался перспективным. Джой даже боялась, что он развивается слишком уж быстро. За большие деньги люди покупали там большие дома, а затем за еще большие деньги превращали их в шикарные современные особняки. Эти люди будут покупать еду в дорогих гастрономах или даже ездить в «Хэрродз».^[15]

Джой считала, что «Палаццо» не стоит метить так высоко, их цель — менее фешенебельные районы, где огромная автостоянка супермаркета не будет пустовать.

— Можно даже было бы придумать что-нибудь интересное с автостоянкой, — с воодушевлением говорила Джой. — Сам знаешь, какое гнетущее они производят впечатление. Гнетущее — это в лучшем случае, а в худшем — просто кажется, будто именно здесь тебя и укокошат. Что, если попробовать раскрасить все в яркие цвета? А вокруг устроить некое подобие галереи. И сдать в аренду место под торговые палатки. В общем, оживить атмосферу...

Из ее слов получалось, что она не собирается уходить из «Палаццо» и покидать Лондон.

Если у Джой Ист вообще были какие-то планы, то они заключались в том, чтобы взять трехмесячный декретный отпуск и сразу после родов вернуться на работу. Похоже, она не собиралась информировать Фрэнка о том, какая роль при этом уготована ему. Видимо, именно по таким правилам она и собиралась вести игру.

Когда наконец они расстались, у Фрэнка все внутри клокотало от бешенства. Он был вне себя и еще решительнее, чем до Рождества, вознамерился поставить ее на место. Он не собирался мириться с ролью марионетки в ее руках. Если она, как всякий нормальный человек, не откроет ему своих намерений, то и с него взятки гладки, пусть не ждет нормального отношения. Он станет бороться с ней ее же оружием. Если ей хочется играть в кошки-мышки, что ж, он в долгу не останется.

Задолго до того, как кто-нибудь еще узнает о беременности Джой, Фрэнк разработал план ответных действий.

Целиком и полностью опираясь на мысли Джой о необходимости ориентироваться на покупателя более или менее среднего достатка, Фрэнк обратился в бюро по изучению рынка с просьбой провести для «Палаццо» исследование. Он объяснил, что компании требуется подтверждение мнения о том, что им следует осваивать менее фешенебельные районы. Предполагалось провести социологический опрос — по всей стране, но очень выборочный.

Если бы результаты опроса оказались отрицательными, Фрэнк мог бы их отклонить на том основании, что полученные данные не имеют решающей силы. Его замысел состоял в следующем: ссылаясь

на мнение независимых экспертов, убедить правление в том, что путь дальнейшего роста для «Палаццо» лежит через выход за пределы Лондона, а потому необходимо начать наступление на центральные графства и даже на север Англии. Ключом к успеху будет дизайн и имидж. Слово «Палаццо» должно ассоциироваться со стилем и качеством. Ответственной за создание этого имиджа станет Джой Ист.

Для Джой это будет означать повышение, она войдет в правление компании. Раз в месяц они будут встречаться на заседаниях правления, зато он не будет видеться с ней каждый день.

И она не будет видеться каждый день с его тестем.

И можно будет не бояться, что она встретится с Ренатой.

Она не оставила ему выбора — приходилось брать хитростью.

Нужно, чтобы она думала, будто он был против ее повышения и перевода из Лондона.

Исследование, которое Карло Палаццо наивно считал своей собственной идеей, было завершено к марту. Именно тогда Джой Ист объявила о своей беременности — и произвела настоящую сенсацию. Она выложила свою новость на еженедельном собрании администрации, включив ее в последний пункт повестки дня — в «разное».

Ее глаза подозрительно блестели. Фрэнк понял, к чему идет дело.

— Ну что ж, думаю, это и в самом деле «разное». Я специально поднимаю этот вопрос сейчас, чтобы потом вы не удивлялись, если услышите об этом от кого-нибудь со стороны. В июле мне придется попросить трехмесячный декретный отпуск... Безусловно, я прослежу за тем, чтобы к тому времени вся работа по рекламе была отлажена и определена на месяцы вперед. В общем, я подумала, что лучше всем знать об этом заранее.

Очаровательно улыбаясь, она обвела взглядом пятнадцать сидящих в комнате мужчин. Карло оторопел.

— Боже милостивый, ну и дела!.. Вот уж не думал не гадал, что вы собираетесь замуж... Поздравляю.

— О нет, все не настолько серьезно, — колокольчиком прозвенел ее смех. — Всего лишь ребенок. Чтоб еще и замуж... Мы не хотим наносить такой удар системе.

У Нико отвисла челюсть. Остальные заготавливали поздравления, а сами поглядывали на Карло и Фрэнка, стараясь уловить реакцию

начальства.

Фрэнк изобразил приятное изумление.

— Чудесная новость, Джой, — невозмутимо заговорил он. — Мы все очень рады за тебя. Не знаю, что мы будем без тебя делать все эти три месяца... Но потом ты к нам вернешься?

Вежливый, дружеский вопрос. Никто не мог видеть, как встретились над столом их взгляды.

— О да, конечно! Сейчас я как раз готовлю все необходимое. Это не так просто, сами понимаете.

— Без сомнения, — с готовностью подтвердил он.

К тому времени Карло уже пришел в себя настолько, что сумел промямлить какую-то шутку. Но после собрания вызвал Фрэнка к себе в кабинет.

— Что будем делать? — сказал он.

— Карло, на дворе 1985-й год, мы же не в средневековье живем. Если захочет, она может завести себе детей хоть тридцать штук. Боже, неужели вы шокированы?

— Ну конечно, я шокирован! И кто отец, как ты думаешь? Кто-нибудь из «Палаццо»?

Фрэнк почувствовал себя актером на сцене.

— С чего бы это? — возразил он. — У Джой богатая личная жизнь за пределами «Палаццо».

— Но почему она вдруг... Непонятно!

— Может быть, она подумала, что ей уже как-никак за тридцать, или почувствовала себя одинокой, или... ну, просто ей захотелось.

— Очень опрометчивый поступок с ее стороны, — проворчал Карло. — И в такой неподходящий момент. Подумай только, как это расстроит наши планы насчет севера!

Фрэнк заговорил, взвешивая каждое слово:

— Когда, можно надеяться, дело пойдет полным ходом? Не раньше нового года, так? Осенью, когда она вернется из отпуска, все еще только начнет раскручиваться...

— Да, но...

— Но разве это не лучше для вас? Во всех отношениях. Нет, говорить ей об этом, конечно, не надо... Вы ведь беспокоились, вдруг она не захочет уезжать из Лондона. А теперь, когда у нее будет ребенок, это, может быть, как раз то, что ей и нужно. Новая

обстановка, повод начать все заново, больше пространства, больше возможностей...

— Да... — В голосе Карло совсем не слышалось уверенности. — И все-таки это путает все наши планы...

— Ну так вот, раз вы хотите перевести ее на север, нужно обрисовать ей эту перспективу в самом привлекательном виде. Преподнести все так, будто это самое правильное для нее решение...

— Может, лучше ты ей все и объяснишь?..

— Нет, Карло. — Во второй раз Фрэнку показалось, что он играет роль в спектакле. — Дело в том, что я в известном смысле не хочу ее лишиться, не хочу, чтобы мы здесь в Лондоне остались без нее, хотя в душе я понимаю, что вы правы. Она должна поехать на север и вывести «Палаццо» на новые высоты, на общенациональный уровень. Так будет лучше для компании.

— Я и сам так думал, — сказал Карло, ни капли в этом не сомневаясь.

— Так что убеждать ее должен не я.

— А если она подумает, что я хочу от нее избавиться?

— Карло, не может она такого подумать. У вас же на руках документы и данные опроса, доказывающие, что вы задумали все это давным-давно.

Карло кивнул. Это точно, документы у него имеются.

Фрэнк тихонько перевел дух. Нигде во всей этой писанине не значилось его имя. Более того — к делам были подшиты несколько его писем, где высказывалось легкое сомнение и звучал вопрос, не лучше ли оставить мисс Ист в Лондоне. Он был абсолютно чист перед ней.

Долго ждать не пришлось. Джой, сверкая глазами, ворвалась к нему в кабинет. В кулаке она сжимала лист бумаги.

— Твоя работа? — резко спросила она.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — невозмутимо отвечал он.

— Ах, понятия не имеешь! Решил от меня избавиться? Клянусь Богом, Фрэнк, этот номер у тебя не пройдет. Запахло жареным, и ты, значит, усылаешь меня с глаз долой.

— Сядь, — сказал он.

— Не указывай мне!

Он прошел мимо нее и позвал из соседней комнаты свою секретаршу.

— Диана, можно нам кофейку, большой кофейник? Мы с мисс Ист собираемся крепко поругаться, поэтому нам надо как следует подзаправиться.

— Не надейся, тебе не удастся заговорить мне зубы своими шуточками, — предупредила Джой.

— Я и не думал шутить, то, что я сказал, это, к сожалению, голая и горькая правда. Так о чем все-таки речь? О плане Карло ввести тебя в правление и назначить ответственной за расширение?

— План Карло! — ехидно передразнила Джой. — Не морочь мне голову. Это твой план, как от меня отделаться.

— Давай обойдемся хотя бы без паранойи. — Он смерил ее холодным взглядом.

— Что ты несешь, при чем тут паранойя? Он заговорил негромким, но резким голосом:

— Я скажу тебе, при чем. Мы любили друг друга, я до сих пор тебя люблю. Мы занимались любовью, за контрацепцию отвечала ты. Когда с этим возникли проблемы, по совести, ты должна была бы предупредить меня, чтобы я мог позаботиться об этом со своей стороны. Да, Джой, так было бы честно. А допустить, чтобы я случайно, сам того не ведая, зачал ребенка, это нечестно.

— Я думала, ты только рад будешь убедиться, что вообще на это способен, — съязвила Джой.

— Ты думала неправильно. Так вот, на этом твоя нечестность не заканчивается. Теперь ты не желаешь поделиться со мной своими планами касательно ребенка, которого мы зачали. Я согласился, что решать тебе, раз ты так хочешь. Ты обещала поставить меня в известность, когда что-нибудь надумаешь. Ты этого не сделала. Ты все это время играла со мной в какие-то игры. Сейчас я знаю не больше, чем знал в Рождество.

Она молчала.

— И вот ты являешься сюда и с пеной у рта несешь какую-то ерунду насчет того, что я задумал сослать тебя на периферию. Тогда как в действительности я сделал все от меня зависящее, чтобы ты осталась здесь. Можешь не верить, но это правда.

Раздался стук в дверь, и вошла Диана. Она поставила кофе на стол между ними.

— Перебранка закончилась? — поинтересовалась она.

— Нет, — улыбнулся Фрэнк, — в самом разгаре.

— Я тебе не верю, — сказала Джой, когда Диана вышла. — У Карло в жизни не возникало ни одной собственной мысли.

Фрэнк подошел к шкафу с документами, достал письмо, показал ей. В письме черным по белому было написано, что в Лондоне, центральном офисе «Палаццо», способности Джой Ист, возможно, найдут себе лучшее применение, нежели в провинции. Фрэнк сказал, что есть и другие письма. Если ей нужны доказательства, он может их отыскать.

— Значит, это Карло. Не может стерпеть такое бесстыдство — незамужняя мать! — и отсылает меня прочь.

— Джой, я предупреждал тебя, как опасна паранойя. Если ты просмотришь документы, то увидишь, что тот опрос был затеян еще в январе. За два месяца до того, как ты объявила о своей беременности.

— Проклятый опрос!.. — проворчала Джой. — Да кто они вообще такие, это бюро? По-моему, грош цена всем этим опросам.

На миг он испытал сожаление. Она так умна и проницательна, они мыслят в унисон. Как досадно, что все закончилось враждой и игрой в кошки-мышки.

— Ну, тем не менее, Карло верит всему, что они говорят, и надо признать, они иногда попадают в точку. Ты сама говорила еще раньше многое из того, что потом подтвердил этот опрос.

— Знаю, — нехотя согласилась она.

— Так что ты собираешься делать?

— Я сама решу, что мне делать, и обойдусь без твоего участия, — заявила она.

— Как хочешь, Джой, но позволь тебе напомнить, что это мой кабинет и ты сама пришла ко мне. Ничего странного в том, что я хочу знать, ведь ты, похоже, намерена впутать меня в это дело.

— Когда я решу, я тебе сообщу.

— Это я слышу уже не в первый раз.

— Но тогда речь шла о моем ребенке. Теперь речь идет о твоей компании. Ты имеешь право знать.

Она ушла, так и не притронувшись к кофе, а он еще долго сидел, глядя перед собой. Похоже, она встревожена и не совсем уверена в себе. Но не исключено, что ему просто этого хотелось бы.

Она — женщина с мозгами, и она знает, что может заставить его нервничать от неизвестности в ожидании следующего ее хода.

Он продолжал думать об этом и вечером того дня, у себя дома. Рената сидела по одну сторону большого мраморного камина и глядела на пламя, он — по другую сторону камина. Они часто подолгу молчали вдвоем. Но в тот вечер он вообще не произнес ни слова.

В конце концов Рената заговорила сама.

— Тебе никогда не бывает со мной скучно по вечерам? В ее вопросе не слышалось недовольства, она будто спрашивала: «Который час?» или «Будем смотреть новости?»

— Нет, — искренне ответил Фрэнк. — Я вовсе не скучаю. Я бы сказал, отдыхаю душой.

— Это хорошо, — обрадовалась она. — Ты такой хороший муж, и я иногда жалею, что во мне маловато живости и огня.

— Боже, этого мне на работе хватает — хоть отбавляй! Вот там действительно все «горит». Нет, ты хороша такая, какая есть.

И он кивнул самому себе, как бы соглашаясь с тем, что сказал. Он не хотел менять ее на другую модель, на более эффектную и шикарную марку.

Прошло несколько недель, от Джой не было ни слова, подготовка к расширению компании шла своим чередом. Карло сказал, что Джой Ист уделяет этим планам пристальное внимание, но согласится ли она ехать на север — об этом можно только гадать.

— Не давите на нее, — посоветовал Фрэнк. — Она согласится, просто ей нужно время.

Ему хотелось надеяться, что так оно и есть. Она добилась своего — он стал нервничать.

Пришло красивое приглашение на серебряную свадьбу — от Десмонда и Дейдрры Дойлов. Он мрачно посмотрел на него. Через десять лет они с Ренатой, может быть, тоже будут рассылать нечто подобное. Но у него уже не было уверенности.

Что Десмонду праздновать? — недоумевал он. С самого начала все у него шло наперекосяк. Все подозревали, что Дейдра беременна и что только из-за этого они и женятся (все, правда, оказалось не так).

В Дублине его вечно шпыняли эти ужасные О'Хаганы. Карьера в «Палаццо» не удалась. С детьми тоже проблемы. Старшая вроде бы живет с каким-то безработным актеришкой. Их парень, Брендан, все бросил и уехал в Мейо — другого места не нашел! И Хелен... Монашка, очень своеобразная, трудная девушка. Фрэнк не любил думать о Хелен Дойл, которая возникла в его жизни дважды и оба раза принесла с собой беду.

Да, у Дойлов мало причин для праздника. Может быть, потому они и затеяли этот юбилей.

Вот уж неожиданное приглашение.

Но приглашение, которое ждало его дома, было подобно грому среди ясного неба.

— Джой Ист пригласила нас на ужин, — сообщила Рената. — Говорит, будем только мы втроем: ты, я и она.

— Она сказала, по какому поводу?

— Я у нее спросила, говорит, что хочет с нами поговорить.

— У нее дома?

— Нет, она сказала, что такие вещи надо обсуждать на нейтральной территории.

Рената явно была сбита с толку.

У Фрэнка кровь застыла в жилах.

— Не понимаю, к чему это ей, — выдавил он.

— Она сказала, что закажет столик в ресторане... Она выяснила у Дианы, что ты не занят, а потом позвонила мне — узнать, свободна ли я.

— Да. Понятно.

— Ты что, не хочешь идти? — Казалось, Рената разочарована.

— Джой последнее время ведет себя очень странно, думаю, это беременность на нее так действует, а тут еще перевод на другое место... Она, правда, до сих пор не сказала ни да, ни нет. Нельзя ли как-нибудь от нее отделаться, как ты думаешь?

— Выйдет очень некрасиво... Но мне казалось, она тебе нравится, — смущенно добавила Рената.

— Нравится, о чем речь, не в этом дело. Она стала немножко неуравновешенная. Ладно, я сам все улажу.

— Она просила позвонить.

У Ренаты было чужое, отстраненное лицо.

— Хорошо. Мне все равно сейчас нужно съездить по делу. По пути позвоню.

Фрэнк сел в машину и поехал домой к Джой. Он звонил в звонок, стучал — все без толку. Потом нашел телефон-автомат и позвонил ей. Она сразу же взяла трубку.

— Почему ты мне не открыла?

— Не хотела.

— Сама сказала, что хочешь поговорить.

— Я просила позвонить, а не приходите. Разные вещи.

— Джой, не делай этого, не устраивай сцен перед Ренатой. Это несправедливо, она этого не заслужила, совсем не заслужила. Не будь жестокой.

— Ты умоляешь? Я и вправду слышу в твоём голосе мольбу?

— Черт возьми, можешь слышать что угодно, но подумай, что плохого она тебе сделала?

— Так ты принимаешь мое приглашение или нет? — спросила она с вызовом.

— Послушай...

— Нет, я не буду больше слушать. Да или нет? В голосе ее слышалась угроза.

— Да.

— Так я и думала, — сказала Джой и положила трубку.

Это был тот самый ресторан, где они с Джой обедали в январе. Тогда у Джой еще не было живота, и тогда они смеялись на глазах у родственниц Нико. Теперь все было по-другому.

Джой, которая, к огромному облегчению Фрэнка, до сих пор сидела на минералке, была сама любезность и хлопотала о том, чтобы они устроились поудобнее и удачно выбрали блюда. Говорила в основном она: Фрэнк слишком нервничал, а Рената вела себя очень сдержанно.

— Знаете, как в фильмах всегда говорят: «Вы, наверное, удивляетесь, зачем я попросила вас сегодня прийти сюда», — проворковала Джой.

— Вы сказали, что хотите о чем-то поговорить, — вежливо напомнила Рената.

— Хочу. Я долго думала и наконец пришла к определенному решению. И я полагаю, будет правильно, если я вам об этом расскажу. Тебе, Фрэнк, в связи с работой, а вам, Рената, — вам из-за Фрэнка.

Начиналось самое страшное. Будь она трижды проклята! Это не просто уязвленная женщина, это фурия. Надо было играть с ней честно.

— Да? — встревожилась Рената.

Фрэнк молчал, боялся, что голосом выдаст себя.

— Так вот, я о ребенке... — начала Джой. Она выжидательно посмотрела на Фрэнка, потом на Ренату. Казалось, молчание длится целую вечность, хотя на самом деле прошло, вероятно, не более трех секунд. — Я думаю, это изменит мою жизнь намного сильнее, чем мне казалось раньше. Месяц-другой я все раздумывала, правильно ли я поступаю. Не лучше ли расстаться с ребенком, отдать его в хорошие руки, в дом, где он найдет любовь и заботу, ведь из меня вряд ли получится прекрасная мать. — Она сделала паузу, чтобы они могли из вежливости заверить ее в обратном. Никто из них не потрудился это сделать. — Но потом я сказала себе: нет. Я же знала, на что иду, и не должна останавливаться на полпути.

На ее лице заиграла счастливая улыбка.

— Да, но при чем тут мы... Я не совсем понимаю... — На лице Ренаты застыл страх.

— А вот при чем. Если бы я собиралась отдать кому-нибудь ребенка, я бы, скорее всего, предложила его вам. Вы были бы такими хорошими родителями, я знаю. Но раз я не собираюсь этого делать, а вы, наверное, питали какие-то надежды...

— Никогда!.. У меня и мысли такой не было! — чуть не задохнулась Рената.

— Неужели? Но у тебя-то, Фрэнк, наверняка была. В конце концов, все эти общества по усыновлению тебе ничем не помогли, как я слышала от Карло.

— Отец не имеет права говорить о таких вещах! — возмутилась Рената, густо краснея.

— Да, наверное, не имеет. Но все равно говорит. Одним словом, я затем вас и пригласила сюда, чтобы расставить в этом деле все точки над С. Скоро я уеду на север, намного раньше, чем кто-либо предполагал. Я уже продала свой дом и купила там другой — старый загородный

домик в георгианском стиле. Правда, он требует ремонта, но зато очень изящный и красивый, и для ребенка лучшего места не придумаешь. Если бедняжке придется довольствоваться лишь моим обществом, то пусть у него или у нее хотя бы будет пони и место для игр.

Она одарила их лучезарной улыбкой. Рената судорожно перевела дух.

— А отец ребенка, у него будет во всем этом хоть какая-то роль? — спросила она.

— Никакой. Отец ребенка — случайный знакомый, я повстречала его на ярмарке производителей упаковки. Корабль, который скрылся в ночи...

Рената ахнула и непроизвольно зажала рот ладонью.

— Вас это так шокирует? Я захотела ребенка, а он годился для этой цели, как любой другой мужчина.

— Я знаю, просто... я вдруг подумала... — Она умолкла и взглянула на мужа, который сидел с каменным выражением лица.

— Что вы подумали, Рената? — вкрадчиво проговорила Джой с невыносимо приторной улыбкой.

— Я знаю, это глупо. — Рената перевела взгляд с Джой на мужа. — Я вдруг испугалась, что отцом ребенка может быть... Фрэнк. И поэтому у вас и была мысль предложить его нам... Простите, я сама не понимаю, зачем все это говорю... ради Бога...

В глазах у нее стояли слезы. Фрэнк сидел как истукан, он до сих пор не знал, чего ожидать от Джой. Он не мог даже протянуть руку, чтобы попытаться успокоить жену.

Джой заговорила, медленно, тщательно подбирая слова:

— Ах, Рената, как вам такое могло прийти в голову! Чтобы мы с Фрэнком... Мы с ним слишком похожи, чтобы из этого вышел величайший роман века. Нет-нет. И потом, Фрэнк в роли отца... Как говорится, не судьба, так ведь?

— Что... Что вы имеете в виду?..

— О, Карло говорил мне о его проблемах... Боюсь, ваш отец бывает подчас чересчур откровенен, но только когда знает, что сказанное им не пойдет дальше... Пожалуйста, не выдавайте меня. Но он всегда так горевал, что Фрэнк не может подарить ему внука...

Фрэнк впервые за долгое время нарушил молчание. Он надеялся, что ему удалось совладать с дрожью в голосе.

— А твой ребенок? Скажешь ли ты ему, что это была всего лишь одна ночь в гостинице?

— Нет, конечно же, нет. Я придумаю что-нибудь куда более романтическое и грустное. Удивительный человек, которого давно уже нет в живых. Поэт, быть может. Что-нибудь печальное и красивое.

Как-то они закончили ужин, как-то нашли другие темы для разговора. Угасла боль и обида во взгляде Ренаты, сошло напряжение с лица Фрэнка. А в Джой Ист еще больше чувствовались безмятежный покой и свежесть здоровой беременности. Она уверенно заплатила по счету кредитной карточкой. Рената отлучилась в дамскую комнату, а Джой сидела напротив Фрэнка и спокойно смотрела на него.

— Ну, ты победила, — сказал он.

— Нет, это ты победил.

— Как это я победил, интересно! Сначала ты пугаешь меня до смерти, а теперь отнимаешь право маломальского участия в жизни ребенка. Хороша победа!

— Ты добился, чего хотел. Ты от меня отделался.

— Опять начинаешь?

— В этом нет необходимости. Я все разузнала в бюро по изучению рынка. Они сказали, что это ты их нанял, я даже узнала точную дату — это произошло сразу же после нашего обеда здесь, в этом самом ресторане. Как обычно, все вышло так, как ты хотел. Я больше не создам тебе проблем. Путь свободен для следующего проекта. Интересно, кто она будет. Я этого никогда не узнаю. Но и ты никогда не узнаешь, каково играть с двухлетним малышом — с твоим двухлетним малышом. Потому что ты бесплоден. Это твое алиби, а для меня — предлог, чтобы вычеркнуть тебя из жизни.

— Ты так и не сказала мне — почему. Откуда такая ненависть?

— Это не ненависть, это решимость. Откуда? Наверное, из-за того, что у тебя слишком холодный взгляд, Фрэнк. Я долго не замечала.

Вернулась Рената. Они встали, пора было уходить.

— Ты ведь будешь приезжать на совещания... И вообще? — спросил Фрэнк.

— Не на все. Я думаю, если мы хотим, чтобы проект расширения на севере удался, нельзя создавать впечатление, будто мы чуть что мчимся в Лондон. Самые важные решения должны приниматься на

месте. Иначе там подумают, что мы всего лишь захолустный филиал, и не станут воспринимать нас всерьез.

Конечно, она была права, права, как всегда.

Он проводил ее до такси и придержал дверь. Она сказала, что слишком растолстела и уже не влезает в свою маленькую спортивную машину.

На какой-то миг их взгляды встретились.

— Мы оба победили, — тихо сказала она. — Можно так сказать.

— Или не победил никто, — печально заметил он. — Можно сказать и так.

Когда они с Ренатой шли к своему «роверу», он обнял жену за плечи.

Этот вечер не пройдет для них бесследно. Но их жизнь лишь дала маленькую трещинку. А могла разбиться вдребезги. И это, можно сказать, тоже была победа.

8. ДЕЙРДРА

В статье говорилось, что любая женщина может стать настоящей красавицей, стоит только выделить для этого по двадцать минут в день. Сладко потянувшись, Дейдра бросилась в кресло и придвинула к себе пакет сухого печенья. Естественно, двадцать минут в день она может выделить. Да и кто бы не смог? В сутках, слава тебе Господи, двадцать четыре часа. Двадцать минут — сушая ерунда.

Она повторила эти слова — настоящей красавицей! Когда-нибудь так будут говорить о ней, она уже мысленно это слышала. Не правда ли, Дейдра настоящая красавица? Кто бы мог вообразить, что она уже двадцать пять лет замужем. Подумать только, у нее трое взрослых детей.

Она удовлетворенно вздохнула и принялась за чтение. Посмотрим, что от нее потребуется. В ее жизни теперь есть маленькая тайна — эти двадцать минут в день. А результат будет поразительный.

Для начала, говорилось в статье, необходимо посмотреть на себя трезвым взглядом и определить свои достоинства и слабые места. Дейдра достала из сумочки маленькую серебряную ручку. Как забавно! Жалко, что приходится заниматься этим в одиночестве. Ее старшая дочь Анна сказала бы, что она и так хороша, не нужно выискивать недостатки фигуры и подсчитывать морщинки. Хелен, ее вторая дочь, сказала бы, что это абсурд — придавать такое значение внешности, когда в мире столько страдания. Непозволительная роскошь тратить время на изучение своих изъянов и раздумывать о том, какие у тебя глаза — глубоко посаженные или близко поставленные.

А ее сын Брендан, живущий далеко в Ирландии, в деревне, на родине своего отца... Что бы сказал Брендан? Она поняла, что уже практически не может представить себе, как бы отреагировал Брендан. Сколько ночей она плакала после того, как он покинул родной дом, ничего толком не объяснив и почти не извинившись. Но потом, когда он прямо спросил ее по телефону... Когда он вклинился в ее плач со своим вопросом: «А если бы все было в твоих руках, если бы ты могла выбрать мне судьбу и решить, чем мне заниматься, что бы ты для меня выбрала, какое хорошее и важное дело для меня бы нашла?» — она не

знала, что ответить. Ей бы хотелось, чтобы все было по-другому, но она не могла так сказать — это был не ответ. Все равно что желать, чтобы круг сделался квадратным или черное белым.

Но в этой статье о макияже утверждалось, что есть вещи, которые можно и должно изменить. Вот, скажем, форма лица — если подойти с умом, немножко румян и осветлитель для волос могут творить чудеса. Дейдра весело посмотрела на схемы — она обязательно освоит эту науку. Хуже не придумаешь — когда берешься за что-то, но делаешь это кое-как. Только выставлять себя на посмешище.

Так бы, наверное, сказала когда-то Морин Бэрри. Хорошее было время. Мать Дейдры и миссис Бэрри крепко дружили, и девушкам предоставлялась полная свобода действий, пока они были вместе. Дейдра подумала о каникулах в Солтхилле, куда они с Морин ездили много лет назад. Свой дом на Розмари-драйв она назвала Солтхиллом в память об этом морском курорте, но название на калитке настолько ей примелькалось, что уже не вызывало воспоминаний о море, солнце и безграничной свободе их юности.

С Морин скучать не приходилось, и они обе знали, что у них нет и не может быть друг от друга никаких секретов.

Так продолжалось вплоть до того, лондонского лета, которое все переменяло для них обеих.

Дейдра подумала о других девушках, с которыми они учились в университете, которые в конце концов стали юристами или повыходили замуж за юристов. Интересно, часто ли они задавались вопросом, что стало с белокурой Дейдрой О'Хаган? Они знали, что она рано вышла замуж, может быть, стоит даже поместить в «Айриш тайме» объявление о ее серебряной свадьбе. Напомнить им, ткнуть их носом, этих задавак. Дублин они считали центром мироздания, а весь остальной мир знали только понаслышке; «Хэрродз» для них был просто магазином, а Челси — просто местом проживания. Пиннер? Они произносили это «Пиннер» так, будто речь шла о какой-то деревушке в ирландском захолустье. А, так это в северном Лондоне?.. Понятно. Кто виноват, что они так невежественны и нигде не бывали? И все-таки она поместит объявление. Или, может быть, это должны сделать дети. Несколько строк с наилучшими пожеланиями по случаю двадцатипятилетней годовщины. Надо будет посмотреть в газетах, как это нынче делается.

Как жалко, что они уже не так дружны с Морин Бэрри. Если бы можно было вернуть то время, она бы просто набрала номер телефона и спросила у нее. Без всяких околичностей. И еще поговорила бы с ней об овале лица и о том, как скрыть морщинки у рта. Но теперь она уже ни о чем таком не поговорит с Морин. Никогда. Годы слишком все переменяли.

Рядом не было никого, с кем она могла бы разделить удовольствие от этой затеи по улучшению внешности. Многие ее соседки работают, они либо и без того разбираются в подобных вещах, либо у них нет времени этим заниматься. В любом случае Дейрдре и в голову не пришло бы посвящать их в свои дела. Они и не узнают, какое важное место занимает эта мысль в ее жизни, так как это ее шанс доказать, что четверть века прошла не даром, что она чего-то достигла. Целью Дейдрды было скорее произвести на соседей впечатление, чем разделить с ними удовольствие. В сущности, они ничего для нее не значат, не то что дублинцы, и все же приятно показать им, что Дойлы — люди достойные, с которыми надо считаться.

Что бы сказал Десмонд, увидев, что она так скрупулезно изучает эту статью? Что-нибудь высокопарное вроде того, что она и так настоящая красавица? Или он всего лишь произнес бы «чудненько» своим странным, равнодушным тоном, как он частенько говорил, думая при этом о чем-то своем? Или он бы сел и сказал, что не стоит поднимать суету и начинать все эти приготовления. Десмонд часто говорит ей: «Не стоит поднимать суеты». Она терпеть этого не могла, вовсе она не поднимает суеты, просто следит за тем, чтобы все делалось как положено. Если бы все эти годы никто не тормозил, не подстегивал тяжелого на подъем Десмонда, интересно, что бы с ними сейчас было?

Нет, она не станет делиться с мужем своим тайным замыслом стать настоящей красавицей. Давно-давно, в то странное лето, когда все началось, Десмонд лежал на узкой кровати и любовался ею, пока она расчесывала свои длинные светлые кудри, и говорил, что всегда считал эти слова из песни — «персик и сливки» — сентиментальной чепухой, пока не увидел прелестное лицо Дейдрды. Вот он тянется к ней и говорит: давай помогу, надо взбить еще этих чудесных холодных сливок, можно немножко здесь, на шее... и на плечах. И... С трудом

верилось, что Десмонд был таким. Но в журнале говорится, что всю эту свежесть можно вернуть, главное — правильный уход за кожей.

Она выполнит в точности все, что здесь сказано, каждую мелочь. Будет массировать шею всеми этими восходящими и круговыми движениями, будет избегать чувствительных участков вокруг глаз... Она сделает все, чтобы выглядеть в тот день как надо. Даже если это будет стоить ей жизни. Она покажет им, как сильно они ошибались, что жалели ее тогда, двадцать пять лет назад, когда она вышла за Десмонда Дойла, помощника в бакалейном магазине, парня из бедной семьи, живущей где-то на краю света, в Мейо. Из семьи, о которой никто никогда не слышал. Это будет день ее торжества.

Все, на кого она рассчитывала, ответили согласием. Конечно, было несколько человек, приглашенных из чистой вежливости, и они знали, что им следует отказаться. Вроде брата Десмонда, этого чудака Винсента, безвылазно сидящего со своими овцами в горах, в глуши, где Брендан тоже решил прожить свою жизнь. Сын сообщил, что дядя очень сожалеет, но в такое время он никак не может вырваться. Дейдра кивнула, довольная корректным ответом.

И, разумеется, Палаццо, хозяйева огромной компании, где так долго работал Десмонд. Увы, они не смогут прийти, она получила от Карло и Марии милое письмо с собственноручными подписями. Они бесконечно сожалеют, что дата юбилея совпадает с их ежегодной поездкой в Италию, и желают Десмонду и Дейдре счастья. От них будет подарок и цветы. Но это даже к лучшему, что Палаццо не придут. Птицы слишком высокого полета, своим присутствием они только стесняли бы всех остальных. И мать Дейдры, которая никогда не испытывала трудностей в разговоре с кем бы то ни было, пожалуй, еще стала бы подробно обсуждать с ними карьеру Десмонда. И, чего доброго, узнала бы, что он в этой компании высоко не поднялся и когда-то был даже сокращен. Это будет плохо согласовываться с той радужной картиной, которую Дейдра всегда рисовала матери.

Фрэнк Куигли и его жена Рената ответили, что с удовольствием придут. Дейдра мрачно подумала, что Фрэнк, хотя и добился большого успеха и несправедливо обошел Десмонда еще до того, как стал мужем наследницы Палаццо, все-таки будет полезным человеком на торжестве. Он всегда знает, что следует сказать, и всегда говорит это к месту. Она вспомнила день своей свадьбы; Фрэнк, который был

шафером, четко выполнял возложенные на него обязанности, и ничто и никто не могли сбить его с толку. Даже ее мать и отец, которые на протяжении всей церемонии и так называемого празднества смахивали на раннехристианских мучеников.

И отец Хёрли придет. Он сказал, что просто счастлив навестить супружескую чету, чей брак оказался таким удачным. Дейдра знала, что может положиться на любезного отца Хёрли, он весь вечер будет оживлять обстановку приятными словами.

Само собой, придет родня из Ирландии. Дейдра заблаговременно известила всех о дате торжества и постаралась, чтобы никто не смог уклониться от участия. Возникла была опасность, что ее брат Джерард не сможет приехать, но Дейдра обрушилась на него с таким негодованием, обидой и недоумением, что он сумел-таки изменить свои планы. Она прямо сказала ему по телефону, что нет смысла вообще праздновать серебряную свадьбу, если не может собраться вся семья.

— А что, разве будет вся родня Десмонда? — поинтересовался Джерард.

— Это совсем другое дело, — отрезала Дейдра.

Приедут, естественно, мама с Барбарой, они вообще запланировали себе обширную программу развлечений с походом по магазинам и участием в нескольких вечеринках. Муж Барбары Джек, без сомнения, совместит поездку с делами по работе. Он всегда был на это мастер.

И когда все соберутся, ближе к вечеру, они устроят коктейль на свежем воздухе, на лужайке перед домом. Потом отправятся в церковь, на специальную службу, где священник произнесет небольшую проповедь о благости священных уз брака вообще и в частности приведет в пример Десмонда и Дейдру. Далее отца Хёрли, венчавшего их, попросят сказать несколько слов... Потом, после того как будут сделаны снимки на фоне церкви и прочее, они вернутся на Розмари-драйв и откроют шампанское.

Тогда, в 60-м году, шампанского не было, но Дейдра не собиралась вспоминать о грустном: если она хочет стать настоящей красавицей, она должна поменьше беспокоиться — от этого появляются морщины.

Она убеждала себя, что беспокоиться, в сущности, не о чем — все пройдет отлично.

А если даже... Нет-нет, не хмурить лоб, не поджимать губы!

Проект улучшения внешности предполагал наличие календаря и таблицы. Ничто не могло прийти более по душе Дейдрре, обожавшей составлять всякие планы и графики. В конце концов, она уже и так распланировала оставшееся до серебряной свадьбы время — предстояло много разных дел и приготовлений.

Десмонд печально покачал головой, но ведь мужчины ничего не понимают в житейских делах. Точнее сказать, сердито подумала Дейдра, *некоторые* понимают, и таким-то все и удается в жизни. А подобные Десмонду, те, кто, ничего не достигнув, бросают место в «Палаццо» и вступают в долю с хозяином лавки на углу, — *такие* не понимают.

Погруженная в свой мысленный календарь, Дейдра как раз подсчитала, что остается ровно сто десять дней, когда зазвонил телефон. Это была ее мать.

Она звонила каждое второе воскресенье вечером. Дейдра сама завела этот обычай много лет назад, они поочередно звонили друг другу по воскресеньям. Иногда она чувствовала, что матери почти нечего ей сказать, но это не так уж важно. Эйлин О'Хаган не умела писать письма, поэтому разговоры по телефону были для Дейдры необходимы как воздух. Она помнила все, что говорила мать, и даже держала у телефона блокнотик на пружинках, чтобы записывать на ходу имена ее друзей и делать памятки о вечеринках, на которых бывали Барбара с Джеком, о концертах, на которые Джерард водил ее мать. У Дейдры поразительная память на мелочи, ахала иногда Эйлин О'Хаган. Но Дейдра считала своим долгом интересоваться всем, что происходит в жизни родных. Ее всегда слегка раздражало, что мать почти никого не помнит из ее друзей, никогда не спрашивает о «Палаццо», не интересуется, как прошел какой-нибудь пикник, о котором сообщала ей Дейдра.

Дейдра никак не ожидала, что мать позвонит в середине недели, в середине дня.

— Что случилось? — ахнула Дейдра, едва услышала ее голос.

— Ничего. Боже милостивый, ты прямо как моя свекровь.

Мать Кевина всегда начинала разговор с вопроса «Что случилось?».

— Но ты звонишь не в свое обычное время.

— Да-да, правда, — смягчилась Эйлин О'Хаган. — Просто я в Лондоне и подумала: позвоню-ка я Дейрдра, может, она дома.

— Ты в Лондоне?! — вскричала Дейрдра, прижав руку к горлу. Она оглядела неприбранную комнату, всюду были раскиданы газеты и бумаги — это Десмонд составлял сметы и набрасывал планы, чтобы потом обсудить их с Пателами, семьей, державшей тот магазинчик, на который он с радостью променял место у великого Палаццо, утверждая, что именно этим он всю жизнь и мечтал заниматься. Сама Дейрдра была в застиранном переднике, в доме все вверх дном. Она боязливо выглянула в окно, будто мать могла вот-вот появиться на пороге.

— Да, только что из аэропорта. Метро — это что-то удивительное, правда? Из конца в конец — почти мигом!

— Что ты делаешь в Лондоне? — проговорила Дейрдра почти шепотом.

Мама раньше времени приехала на серебряную свадьбу? За три месяца? Неужели и впрямь что-то произошло?

— Я тут проездом, можно сказать. Отправляемся-то мы из Лондона.

— Отправляемся? Куда вы отправляетесь?

— Дейрдра, я же говорила тебе о путешествии... Разве нет? Должна была. Я всем говорила.

— Я впервые слышу о каком-то путешествии! — возмутилась Дейрдра.

— Как же так, может, мы с тобой давно не говорили, и я еще не успела...

— Господи, мы созваниваемся каждое воскресенье, уже тысячу лет! Ты говорила со мной четыре дня назад!

— Дейрдра, дорогая, что-то не так? Ты какая-то странная. Можно подумать, мы ссоримся.

— Я не знала ни о каком путешествии. Куда ты едешь?

— Сначала в Италию, а потом садимся на корабль в Анконе и оттуда отплываем...

— Куда?

— По разным местам... Корфу, Афины, Родос, Кипр и еще какой-то город в Турции...

— Это же круиз, мама, ты едешь в настоящий морской круиз!

— По-моему, это слишком сильно сказано.

— Ничего себе вояж!

— Ну, остается только надеяться, что там везде будет не очень жарко. Наверное, для такого путешествия это не самое лучшее время.

— Почему же ты едешь?

— Потому что так получилось. И вообще, хватит об этом. Так мы с тобой встретимся?

— Встретимся? Ты хочешь ко мне приехать? Сейчас? Эйлин О'Хаган рассмеялась.

— Ну, Дейдра, большое спасибо, ты — само гостеприимство! Но, вообще говоря, я не собиралась в твой Пиннер... Я подумала, может, лучше ты приедешь сюда и мы вместе перекусим или выпьем кофе.

Дейдру выводило из себя, когда Анна говорила ей «твой Пиннер». Это звучало так обидно, можно подумать, она живет в каком-то захолустье, в стороне от всего на свете. И надо же, ее собственная мать, которая сама из Дублина и вообще не знает, что где, говорит ей то же самое.

— Где ты остановилась? — спросила Дейдра, стараясь не показать своего раздражения.

Ее мать остановилась в гостинице в центре — в самом центре, сказала она, всего две минуты ходьбы от Пикадилли-Лайн, и ты уже в вестибюле гостиницы. Просто замечательно. Найти ничего не стоит.

— Я знаю, как туда доехать, — заверила Дейдра, вся белая от злости.

— Тогда, скажем, в здешнем баре в час тридцать... Успеешь?..

Дейдра оставила на столе записку Десмонду. В последнее время он почти не бывал дома. Его отношения с «Палаццо» еще не завершились. Фрэнк Куигли сказал, что такого работника, как Десмонд, решившего открыть собственное дело, следует проводить достойно. То есть не ограничиться выходным пособием, премией, наградными и так далее. Дейдре хотелось надеяться, что ко дню серебряной свадьбы все формальности будут улажены.

Понуро поднявшись наверх, она надела свой лучший костюм. Волосы были сальные, тусклые. Она планировала попозже вымыть голову, теперь на это не было времени. Свою дорогую сумочку она отдала в ремонт — сломался замочек. Запястье было обмотано бинтом не первой свежести — она обожгла руку о кухонную плиту. Менять повязку не стала — ей сказали, что лучше это делать в больнице.

В подавленном настроении и со смутным страхом в душе Дейдра Дойл отправилась на встречу с матерью. Она чувствовала себя серой и непривлекательной. Поймав свое отражение в окне поезда, везущего ее на Бейкер-стрит, она решила, что выглядит, как и должна выглядеть. Немолодая уже домохозяйка из пригорода, жена человека не сказать чтобы преуспевающего, у которой нет ни работы, чтобы занять ум, ни денег, чтобы как следует одеться. К тому же, страдающая от синдрома опустевшего гнезда. Быть может, страдающая как никто другой. И правда, одна дочь мечтает принять постриг в монастыре, где ее не очень-то жаждут видеть, другая иногда не появляется у родителей по две недели, а сын, любимый сын, покинул ее, уехал жить в другую страну.

Она была уверена, что они с матерью поссорятся. Ей не понравился тон их разговора, было в нем что-то такое... Мать была нетерпелива, одергивала ее будто непослушную девчонку.

Все это было неприятно, но она постарается держать себя в руках. Жизнь научила ее терпению: ссоры на Розмари-драйв редкость. Дейдра всегда этим гордилась. Это как бы оправдывало все прожитые здесь годы и все, что здесь происходило.

Эйлин О'Хаган сидела в углу обшитого панелями бара, точно завсегдатай. Выглядела она отлично, на ней была кремовая блузка, бежевые полотняные жакет и юбка; волосы только что уложены; должно быть, пока ее дочь мучилась, добираясь до центрального Лондона, она мирно сидела в парикмахерской. Сразу было видно, что чувствует она себя здесь совершенно раскованно, на душе у нее легко и спокойно. Она читала газету, и, если только не ломала искуснейшую комедию, читала ее без помощи очков.

Ей было шестьдесят семь лет, но она казалась как-то моложе и свежее собственной дочери.

Как раз в эту минуту Эйлин О'Хаган подняла глаза и широко улыбнулась. Подходя к матери, Дейдра внутренне напряглась,

движения ее стали скованными. Они поцеловались, и миссис О'Хаган подозвала официанта, с которым уже явно успела познакомиться и даже подружиться.

— Бокал вина с содовой, — сказала Дейрдра.

— Может, что-нибудь покрепче, чтобы отметить приезд твоей старой матери в Лондон?

— Не может быть, что вы — мать этой леди, скорее сестра... — любезно заметил официант. Но для Дейдрды его слова прозвучали горькой правдой.

— Вино с содовой, — отрезала она.

— Дай-ка посмотрю на тебя... — начала Эйлин О'Хаган.

— Не надо, мама, я скверно выгляжу, лучше бы ты меня предупредила заранее...

— Но тогда бы ты подняла страшную суматоху и только измотала бы себе нервы...

— Значит, ты признаешься, что нарочно ничего мне не сказала, что у тебя не просто из головы вылетело?..

— Я лишь хотела как лучше, Дейрдра... Ты всегда принимаешь все так близко к сердцу, вот я и не стала ничего тебе говорить.

Слезы защипали Дейдрде глаза, она приложила огромное усилие, чтобы не выдать обиду.

— Ну, очень жаль, вот и все, что я могу сказать. Десмонд был бы очень тебе рад, и девочки расстроятся, что не повидались с бабушкой.

— Чепуха, Дейрдра. Анна работает, Хелен молится, у Десмонда дел по горло... Зачем поднимать суету?

Опять это ненавистное слово — суета! Дейрдра стиснула кулаки и заметила, что мать бросила взгляд на ее побелевшие костяшки. Это никуда не годится. Она же обещала себе, что не допустит никаких препирательств.

— Ладно, как-никак, мы встретились, — сказала она голосом, который показался ей до странности металлическим. — И ты, мама, выглядишь замечательно.

Эйлин О'Хаган просияла.

— Этот костюм — настоящая находка. Знаешь, я купила его три года назад в магазине Морин. У нее всегда был прекрасный вкус. Раньше я удивлялась, что некоторые вещи у нее стоят так дорого, но ее

мать всегда говорила, что платишь за покрой и за то, что вещь никогда не выйдет из моды...

Она довольно похлопала себя по юбке.

— По-моему, для круиза это как раз то, что нужно. — Дейрдра старалась изобразить воодушевление.

— Ну да, я подумала, что не стоит запасаться всем этим шелковым тряпьем в цветочек, которое шьют специально для туристов. Лучше взять с собой что-то традиционное, привычное, а для осмотра достопримечательностей у меня есть несколько платьев из хлопка.

Она была оживлена и полна энтузиазма.

— Так что все-таки подвигло тебя на эту затею?

Еще не договорив, Дейрдра уже почувствовала, что правильный тон ей не удался: вместо того чтобы радоваться за самостоятельную родительницу, с которой не надо нянчиться, она брюзжала, словно старуха, отчитывающая упрямую дочь.

— Я же говорю: случай подвернулся. И потом, кое-кто предложил мне составить компанию, просто глупо было бы не воспользоваться такой прекрасной возможностью...

— А-а, так ты не одна едешь, это хорошо, — обрадовалась Дейрдра. Две старенькие леди на борту лайнера... По крайней мере, ей будет с кем поболтать, а потом поделиться воспоминаниями. Дейрдра стала припоминать приятельниц матери по бриджу, пытаюсь угадать, кто из них будет ее спутницей в круизе.

— Да, и я подумала, что это удобный случай познакомиться вас. Нет, не во время обеда — мы пообедаем с тобой одни, но Тони обещал, что заскочит поздороваться... Ага! Вот и он... Легок на помине!

К ужасу своему, Дейрдра осознала, что мать машет рукой какому-то человеку с красным лицом, в кричаще ярком блейзере. Оживленно потирая руки, он приближался к ним с другого конца бара. Ее мать отправляется в путешествие с мужчиной!

— Чудненько! — Тони сдвинул горячую ладонь Дейдрды и заказал официанту большой джин с тоником и льдом — «Корк» и «Швепс».

У официанта вытянулось лицо. Эйлин О'Хаган ласково пояснила, что ирландские любители джина до фанатизма патриотичны и признают только «родные» марки.

— И вместе с тем мы очень демократичны: пьем английский тоник, — отозвался мужчина с сияющей улыбкой. — Ну, Дейдра, что вы думаете об этой затее?

— Я узнала о ней буквально только что. — Каким-то чудом ей удалось вновь обрести дар речи.

— Вояж должен быть первый сорт, — заметил Тони. — Не надо ни о чем волноваться, думать, куда и как ехать — все уже решено, и достопримечательности сами плывут тебе навстречу. Специально для лентяев. И летняек, — добавил он и похлопал Эйлин О'Хаган по руке.

— И об этом ты тоже побоялась мне сказать, чтобы я не подняла суеты? — спросила Дейдра и в следующее мгновение готова была язык себе откусить.

Прежде чем ее мать успела что-нибудь ответить, встрял Тони.

— Вот видишь, Эйлин, ей тоже завидно. Барбара чуть не взбесилась, когда узнала, что вместо нее ты берешь с собой меня. А Джерард сказал, что по справедливости она должна была ехать с сыном, а не с альфонсом вроде меня.

Откинув голову назад, он от души расхохотался, и Эйлин О'Хаган к нему присоединилась.

Он знает Барбару и Джерарда, подумала Дейдра. Почему никто из них ничего ей не сказал о нем? Как они смеют умалчивать о таких важных вещах! Он говорит, что мама берет его с собой. Неужели она и впрямь будет платить за этого развязного, вульгарного типа? Или это тоже какая-то шутка?

Эйлин О'Хаган явно догадывалась, о чем думает ее дочь.

— Дейдра, дорогая, не переживай, — улыбнулась она. — Это у него манера такая. Тони не охотится за семейным состоянием.

— А если б и охотился, у меня не было бы ни малейшего шанса. Ваша матушка будет жить вечно, а я окочурюсь со дня на день. Будем надеяться только, что не во время круиза, хотя погребение в море оставляет неизгладимое впечатление.

Дейдру в прямом смысле слова затошнило. Этот человек, по виду одних лет с ее матерью, занимал важное место в ее жизни! И до этой самой минуты она, Дейдра, ничего не знала!

Дейдра выдавила на своем лице улыбку и перехватила одобрителный взгляд матери. Она искала подходящие слова, но у нее пересохло во рту, и язык отказывался повиноваться.

Однако в компании Тони долгое молчание было невозможно. Он позаботился о том, чтобы ее бокал не остался пустым, распорядился насчет оливок и хрустящего картофеля, чтобы, мол, все было как полагается, а потом заверил Дейрдру, что будет хорошенько присматривать за ее матерью во время круиза, опять больно стиснул ей руку и сказал миссис О'Хаган, что ключ оставит у портье. Ключ. Он даже не сделал вида, что у них разные номера. Чувство нереальности нахлынуло на Дейрдру, и она уже едва заметила, как он, уходя, чмокнул ее мать в щеку.

Соседний ресторанчик, где Эйлин О'Хаган заказала столик, был французский, дорогой, с толстыми салфетками, массивным столовым серебром и пышными букетами живых цветов на столиках.

Дейдрра двадцать пять лет прожила в Лондоне, но ни разу не бывала в таком заведении, и вот, пожалуйста, — ее мать, приехавшая из маленькой страны, из маленького по сравнению с Лондоном города, говорит с официантом с таким видом, будто бывает здесь каждый день.

Дейдрра обрадовалась, что мать взяла все на себя: сама она не могла разобраться в меню, да и вообще что-либо заказывать, настолько была растеряна и расстроена.

— Почему ты ничего не говорила мне о... мм... о Тони? — сказала она наконец.

— Ну, и говорить-то было по сути нечего, пока мы не решили отправиться вместе в этот круиз, а когда мы собрались ехать, я тебе и сказала.

Она развела руками, будто все это было ясно как день и просто как дважды два.

— А Джерард... и Барбара... они... как они это...

— Ну, они знают, что Тони мой друг, и, разумеется, я говорила им о наших планах относительно путешествия.

— И они... что они...

— Джерард довез нас в аэропорт сегодня утром. Тони прав, он аж позеленел от зависти и все твердит, что ему как никогда нужен отпуск. Он слишком много работает, ему просто необходимо отдохнуть, и он вполне может себе это позволить. Может, это его и подтолкнет.

— Но он сказал... что он думает?..

— Он не говорил, что возьмет отпуск, но ты же знаешь Джерарда, вероятно, он все-таки об этом подумывает.

Она и правда не понимает? Или притворяется? Но сдаваться Дейрдра не собиралась.

— Хорошо, а Барбара с Джеком? Как они отнеслись к тому, что ты уезжаешь с мужчиной?

— Дорогая моя Дейрдра, я еду отдохнуть, это да, и еду с Тони, и он, действительно, мужчина. Что значит «как они отнеслись»? Никак не отнеслись, абсолютно уверена.

— Но семья Джека...

Насколько Дейрдра помнила, о семействе Джека всегда упоминали с глубочайшим почтением. Его отец был судьей, дядя — послом. Сделав такую блестящую партию, Барбара исполнила заветное желание О'Хаганов, в противоположность Дейдрре, старшей дочери, которая вышла замуж за человека без всякого положения, и сделала это в страшной спешке.

Но ее мать будто бы ничего не понимала.

— Семья Джека? — повторила она так, будто Дейрдра вдруг заговорила с ней на иностранном языке. — При чем тут они?

— Ты сама понимаешь...

— По-моему, они незнакомы с Тони. Да, точно незнакомы. А почему ты спрашиваешь?

Дейрдра пристально посмотрела на мать. Она, черт возьми, прекрасно знает — почему. Потому что с мнением родных Джека всегда считались, с тех пор, как младшая сестра Дейдрры Барбара начала с ним встречаться. Дейрдра помнила шикарную свадьбу, которую устроили для Барбары, с остроумными речами, с политиками и фотографами. Ее собственная свадьба была совсем, совсем другой. И вот теперь, получается, мнение могущественного клана Джека уже ничего не стоит.

Чувствуя, как краска заливает ей лицо, она заговорила с матерью без обиняков.

— Может, у вас с Тони... ммм... есть и другие планы... ну, на потом, после круиза, вы не думали о том, чтобы пожениться и все такое прочее?

— Не понимаю, к чему этот удивленный тон? Случаются вещи и куда более странные, знаешь ли. Так вот, отвечаю на твой вопрос: нет. Никаких таких планов нет.

— Да?

— И вообще, хватит обо мне и моей поездке. Расскажи лучше о своих делах. — Она выжидательно улыбнулась.

— Мои дела совсем не так интересны по сравнению с твоими планами, — угрюмо отозвалась Дейдра.

— Брось! Десмонд открывает собственное дело, ты скоро закатываешь эту свою серебряную свадьбу...

«Закатываешь» — словечко совершенно в духе Тони. Раньше ее мать так не выражалась.

— Как ты с ним познакомилась? — оборвала Дейдра.

— С Десмондом? — Теперь мать решила ее подразнить. — Ты привела его домой и сообщила нам о своей свадьбе, как же еще. Тебе и самой это известно.

— Я не о Десмонде говорю, и ты это знаешь, — вспыхнула Дейдра. — Я говорю о Тони. Где ты его подцепила?

— Мы встретились в гольф-клубе.

— Тони состоит в вашем гольф-клубе? — изумилась Дейдра.

— Да, и прекрасный игрок, — с гордостью подтвердила Эйлин О'Хаган.

— Но как его туда приняли?

В прежние времена кандидатура кого-нибудь вроде Тони была немислима, вопрос стоял именно так. И даже Десмонд — играй он в гольф — никогда бы не получил членства в клубе. Каким же образом такому типу, как Тони, удалось туда пролезть?

— Как приняли? — переспросила Эйлин О'Хаган. — Понятия не имею. Видимо, так же, как и всех нас принимали, — мать неопределенно пожала плечами.

— И все твои друзья его знают? Знала ли его, к примеру, миссис Бэрри?

Дейдра нарочно вспомнила покойную мать Морин Бэрри, которая всегда была чутким барометром общественного мнения у них в Дублине. Не может быть, чтобы Тони хорошо приняли в кругу Софи Бэрри.

— Софи? Да, конечно, бедняжка Софи встречала его время от времени. Софи Бэрри, правда, не играла в гольф, так что, сама понимаешь, не могла знать Тони в этом плане.

— Не говори только, что Тони играет в бридж!

— Нет, он глубоко презирает нас, как он выражается, старых гусынь, убивающих часы за картами.

Эйлин О'Хаган звонко рассмеялась, и Дейдрдре внезапно показалось, что жизнь ее матери куда веселей, чем ее собственная. Всеми силами стараясь удержать разговор в нужном направлении, Дейдрдра попробовала зайти с другого конца.

— Ну, а Джерард? Скажи, мама, что думает Джерард? Что говорит?.. Нет, не о своем отпуске, что он говорит насчет тебя и Тони?

— Понятия не имею.

— Но ты же не можешь не знать.

— Но как? То есть, откуда мне знать? Я знаю только то, что он сам мне говорит, я понятия не имею, что он говорит другим. У него сейчас довольно миленькая подружка, возможно, он говорит об этом с ней... Хотя вряд ли.

По всей видимости, ей было абсолютно все равно.

— Как же иначе... Он непременно...

— Послушай, Дейдрдра. У каждого из нас своя жизнь. Джерарда, наверное, намного больше интересует его адвокатская карьера. Станет ли он королевским адвокатом.^[16] Не пора ли ему завязать со всеми этими молоденькими красотками и остепениться, завести семью. Не исключено, что он беспокоится о своем здоровье, ведь ему скоро сорок, думает о холестерине и растительных жирах. Может, планирует продать свою квартиру и купить дом. Ему что, делать больше нечего, как думать о своей матери? Ответь мне!

— Но если ты совершаешь какой-нибудь... Если ты затеяла что-нибудь такое...

— Без сомнения, он считает, что я достаточно взрослая и за мной не надо приглядывать.

— Мы все должны друг за другом приглядывать, — возразила Дейдрдра с ноткой назидательности.

— А вот здесь ты глубоко ошибаешься. Наоборот, мы не должны вмешиваться в чужую жизнь. Это большой грех.

Несправедливость ее слов поразила Дейдрдру, точно удар хлыста. Как только мать может такое говорить — этот нравоучительный вздор о невмешательстве в чужую жизнь! Четверть века Дейдрдра усердно поддерживала некий образ, стараясь оправдать ожидания семьи. На нее, старшую из детей О'Хаганов, возлагали большие надежды. Она

блестяще училась в университете, могла бы поступить на службу в министерство иностранных дел, когда-нибудь стать послом или выйти за посла замуж. Могла бы стать адвокатом, как ее брат Джерард. Могла бы сделать блестящую партию, как ее сестра Барбара.

А вместо этого в одно долгое жаркое лето она влюбилась и оказалась в ловушке. Это ни в какой мере не могло удовлетворить ожидания родителей, но со стороны все должно было выглядеть замечательно.

И вот, всю жизнь Дейдра жила по этому правилу, стараясь угодить матери, а та сейчас сидит напротив и оправдывает свою достойную сожаления связь с обыкновенным пошляком, утверждая, что главное жизненное правило — не совать нос в чужие дела! Дейдра просто отказывалась верить своим ушам.

Она заговорила очень медленно:

— Я понимаю, о чем ты говоришь, но мне кажется, нельзя думать только о себе и не принимать в расчет мнения других. В конце концов, разве мне не твердили всю мою юность о людях приемлемых и неприемлемых?

— Только не я, от меня ты ничего подобного не слышала.

— Но ты всегда хотела знать, чем занимаются другие люди, где живут, кто из какой семьи, у кого какие родители.

— Из чистого любопытства, — пожала плечами ее мать. — Всегда приятно знать, кто есть кто. Только и всего.

— Нет, не только. Ты с миссис Бэрри...

— Ах, Дейдра, Софи Бэрри всегда только и думала, что о каких-то нелепых приличиях и о репутации. Никто не принимал ее всерьез.

— Морин принимала.

— Тем хуже для нее. И, по-моему, ты ошибаешься. Морин всегда поступала по-своему, она пошла собственным путем, как бы бедняжка Софи ни клеймила тех, кто занимается торговлей.

— Ты хочешь сказать, вы с папой были счастливы, что я вышла за Десмонда? Не старайся меня убедить, ни за что не поверю!

Ее душили слезы — слезы ярости, обиды и растерянности. Ширма падала, маски сбрасывались, и она вдруг почувствовала, что почва уходит у нее из-под ног. Многолетнему деликатному притворству пришел внезапный конец.

Элегантная дама в бежевом полотняном костюме и кремовой блузке — ее мать — глядела на нее с тревогой. Она хотела было заговорить, но не стала.

— Вот видишь, ты не можешь этого отрицать! — торжествовала Дейдра.

— Дитя мое, все это уже быльем поросло, — сказала Эйлин О'Хаган.

— Но тогда тебе было не все равно, тебя волновало, что Десмонд нам не ровня.

— Что значит «нам»? Не мы выходили за него, это ты за него выходила, ты его выбрала, никто не говорил, что он нам не ровня.

— Не говорил во всеуслышание.

— Не говорил вообще. Уверяю тебя, мы с твоим отцом, конечно, считали, что ты еще слишком молода, ты бросила университет, не получив степени, мы боялись, что ты останешься без профессии. Поэтому мы, может быть, и правда хотели, чтобы вы повременили. Но только лишь поэтому.

Дейдра глубоко вздохнула.

— Ты знала, что мы не можем ждать.

— Я знала, что ты не хочешь ждать, вот и все, что я знала. Ты была очень решительно настроена. Я не хотела вставать у тебя на пути.

— Ты знала почему.

— Я знала, что ты его любишь или думаешь, что любишь. Судя по тому, что вы до сих пор вместе и ты не побоялась мороки и решилась на все это празднование осенью, ты, видно, была тогда права. Ты и вправду любила его, и он тебя любил.

У матери все получалось слишком просто. Раз вы прожили вместе двадцать пять лет и готовы признать этот факт публично, значит, вы любите друг друга. Дейдра погрузилась в раздумье.

— Что, разве я не права?

Эйлин О'Хаган ждала определенного ответа — да или нет.

— Более или менее, но не благодаря вам, — задумчиво проговорила Дейдра.

— Не понимаю, что ты хочешь этим сказать, Дейдра. Я всегда считала, что из моих детей ты самая счастливая. Ты поступила так, как хотела, и получила то, что хотела. Никто тебя не неволил, ни к чему не принуждал, ты училась в университете, могла бы работать, но никогда

не работала. Мы с Софи всегда говорили, что тебе все досталось на блюдечке, а теперь вот, кажется, ты обижена и чем-то недовольна.

Она была озабочена, но отнюдь не расстроена, она просто хотела знать. Умело заправив салат соусом, мать ждала объяснения.

— Если ты считала, что я слишком молода, то почему позволила мне выйти за Десмонда?

— Я просто думала, что лучше выбрать меньшее из зол. Я всегда так считаю. Твой отец думал, что ты беременна, но я-то знала, что это не так.

— Откуда ты знала? — прошептала Дейдра.

— Даже в далеком 1960-м никто бы не стал выходить замуж только по этой причине без особого на то желания. И я оказалась права, Анна родилась лишь много месяцев спустя. Бедняжка Софи, наверное, была страшно разочарована: я подозреваю, что она думала так же, как твой отец.

— Да.

— Так в чем проблема, Дейдра? Что я сделала не так? Мы дали свое согласие. Это плохо? Нет. Мы приехали на свадьбу, как ты хотела. Ты сказала, что не хочешь никому пускать пыль в глаза, пусть все будет тихо и скромно и пусть свадьба будет в Англии. Мы согласились. Взяли из школы Барбару и Джерарда... Дом наш всегда открыт для вас с Десмондом, но вы никогда не приезжаете. Один раз ты приехала, но была как на иголках, мы не знали, как к тебе подойти, тебе и сказать ничего было нельзя. Несколько раз мы приезжали к вам в гости, и скоро опять приедем — на вашу серебряную свадьбу. Скажем прямо, такое случается нечасто. И почему-то, несмотря на все это, я — исчадие ада и, подразумевается, твой покойный отец тоже, да и сестра с братом.

Эйлин О'Хаган кусочком хлеба собрала остатки соуса и посмотрела на дочь в ожидании объяснений. Дейдра молчала.

Подошел официант, убрал тарелки и стал убеждать их полакомиться яблочным пирогом и взбитыми сливками. Эйлин с оживлением принялась обсуждать с ним эту тему, и Дейдра получила возможность собраться с мыслями.

— Я заказала и то, и другое. Не хочу тебе ничего навязывать, но я подумала, что это оптимальный вариант.

— Очень хорошо, мама.

— Так о чем мы говорили? Ах да, вспомнила. Значит, мы с отцом должны были ненавидеть Десмонда, так что ли?

— Не совсем так.

— Нет, совсем не так. Мы оба считали его очень милым. Правда, он, бедняжка, совершенно у тебя под каблуком, но этого и следовало ожидать, ты у нас любишь покомандовать, это у тебя от меня. — Эйлин О'Хаган с удовольствием помянула это бесценное качество.

— Что вы говорили о нем друг другу? — тихо спросила Дейрдра.

— Мы с отцом? Почти ничего. Материально он тебя обеспечивал, об этом мы в первую очередь тогда волновались, приятно было, что в этом отношении нет проблем. Еще мы, наверно, огорчались, что ты не сделала карьеру.

— У меня было трое детей, один за другим, — оправдывалась Дейрдра.

— Да, но потом. И, вообще говоря, нам казалось, что Десмонд зря связался с этими итальянцами, с Палацци...

— Палаццо, мама.

— Вот-вот. И это, пожалуй, единственное, что нам в нем не очень нравилось. Так что ты зря на меня набрасываешься.

Эйлин О'Хаган добродушно рассмеялась.

Дейрдра глядела на мать так, будто видела ее впервые.

— А миссис Бэрри, она не спрашивала о нас?

— Нет, родная моя. По правде говоря, никто вами особенно не интересовался. Сама знаешь, как у нас в Дублине — стоит исчезнуть из поля зрения, и о тебе тут же забывают. С глаз долой, из сердца вон.

— Но не для тебя ведь. Не могла же ты забыть обо мне, своей старшей дочери! — У Дейдрды задрожали губы.

— Конечно же, я тебя никогда не забывала, глупенькая, но это не значит, что я помню вес мелочи, которые, как ты думаешь, не сходили у нас с языка: что Десмонда повысили, что Палацци сказали о нем то-то, что Анна была на приеме с принцессой Дианой...

— С супругой принца Майкла Кентского.

— Ну, ты понимаешь, о чем я, Дейрдра, это не спорт, никто не подсчитывает количество набранных тобой очков — столько-то за это, минус столько-то за то.

Наступило молчание, долгое молчание.

— Я тебя не распекаю, надеюсь, ты понимаешь?

— Да, мама.

— И даже если бы нам с Кевином не нравился Десмонд, а он нам нравился... во всяком случае, если судить по тому, что мы могли о нем узнать... Но предположим, нам бы он не нравился... Зачем бы нам было распространяться об этом, кричать на всех углах? Жить-то вам.

— Понятно.

— Когда я вышла за Кевина, мои родители были вне себя от радости, они просто захлебывались от восторга, а мне было очень не по себе.

— Тебе бы радоваться.

— Нет, у меня возникали нехорошие подозрения. Я думала, что они хотят от меня избавиться, сбить поскорей с рук, и еще мне казалось, что для них деньги означают счастье. Но от твоего отца я не получила ни того, ни другого.

— Я тебе не верю! — Дейдра глядела на мать, широко раскрыв глаза.

— Разве я не могу сейчас быть с тобой откровенной? Мы ведь люди уже не первой молодости, говорим о жизни и любви. Твой отец был тем, кого сейчас называют сторонниками дискриминации женщин, тогда это называлось просто женоненавистник. Каждый день он торчал до поздней ночи у себя в клубах, ты наверняка это помнишь по своему детству. Уверена, Десмонд проводил вечера дома, со своими детьми.

— Он не состоял ни в каких клубах, — задумчиво произнесла Дейдра.

— Разве тебе от этого было не лучше? Одним словом, я раз и навсегда зареклась совать нос в жизнь своих детей, навязывать им что-то, мешать им в чем-то. Пусть сами решают, как им жить.

— Свадьба Барбары... — начала Дейдра.

— Чуть нас не разорила. Эта семейка Джека, черт их подери, дала нам жару. Список гостей с их стороны был вот такой длины! Мы, мол, решили, пусть все будет по желанию молодых. Хотя Барбара потом часто мне говорила, что лучше бы не было всей этой помпы, тем более что ничего хорошего из этого не вышло.

— Барбара так сказала?

— Она говорит так всякий раз, как хлебнет хересу, так что едва ли я выбалтываю тебе страшную тайну. Она говорит об этом в гольф-

клубе, сказала бы даже, когда была зрителем на том телешоу, но ей, видно, микрофона не дали.

Впервые Дейдра от души засмеялась и так обрадовала этим официанта, что он подбежал к ним с тарелкой конфет и свежей порцией кофе.

— Я знаю, по-твоему, я должна быть счастлива, что у меня столько внуков и внучек, трое твоих детей и трое Барбары. Но твоих я никогда не вижу. Выросли они без нас, а когда мы наконец с ними встретились, они дрожали как осиновый лист, до того были перепуганы. С детками Барбары я в свое время намучилась — мы были бесплатными няньками, и никакой благодарности. А теперь, когда они стали приятными, интересными людьми, я их вообще не вижу. От Джерарда, по-моему, не приходится ждать новостей в этом отношении, ну да это его дело. У меня нет желания подталкивать его на поиски жены только затем, чтобы на свете стало еще больше тех, кто зовет меня бабушкой.

Она излучала бодрость и жизнерадостность; и действительно, трудно было заподозрить ее в желании, чтобы пополнились ряды тех, кто зовет ее бабушкой, и еще труднее было поверить, что есть взрослые люди, которые так ее называют.

— Допустим, вы, ты и... ммм... Тони, хорошо поладите в этом круизе... Почему ты считаешь, что из этого не может получиться, ну, что-то более серьезное?

Дейдра подумала, что раз уж от этого человека не отвернулись дублинские друзья матери и брат с сестрой, то он, видимо, не так плох, как ей показалось с первого взгляда.

— Нет, это невозможно.

— Ты сама сказала, не настолько уж это дикая мысль.

— Вот именно что дикая, Дейдра, увы. Во всяком случае, для его жены.

— Он женат?! Не может быть!

— Может, уверяю тебя.

— Кто-нибудь об этом знает? Она где-нибудь поблизости? И людям все известно? — взволновалась Дейдра.

Эйлин О'Хаган впервые замолчала. Она смотрела на дочь странным взглядом, в нем читалась грусть и вместе с тем какое-то

смирение, будто бы она заранее знала, что все так и будет. Но в безнадежности проглядывал оттенок нетерпения.

Она не ответила Дейдре, так и не ответила на ее вопрос. Вместо этого подозвала официанта, заплатила по счету, и они двинулись назад в ее гостиницу.

Она сказала, что ей нужно сделать еще кое-какие покупки, велела передать привет Анне и Хелен. Передавать привет Брендану не имело смысла: она знала, что связь с ним очень ненадежная. С Бренданом Дейдра не перезванивалась по воскресным вечерам, как это было заведено у нее с матерью.

Эйлин просила передать Десмонду, что желает ему успеха. По ее мнению, он правильно сделал, что ушел от этих Палацци или Палаццо или как их там. Мужчина должен быть мужчиной. А женщина женщиной.

Она пообещала прислать открытку из какого-нибудь красивого, экзотического места и, так как Дейдра забыла об этом, заверила, что обязательно передаст Тони сердечный привет от нее и пожелание доброго пути.

Прощаясь с Дейдрой — той предстояло доехать на метро до вокзала и вернуться на поезде в Пиннер, где ее ждали бесчисленные приготовления к годовщине, до которой оставалось еще сто десять дней, — Эйлин О'Хаган подняла руку и нежно потрепала дочь по щеке.

— Прости, — сказала она.

— За что, мама? С какой стати ты просишь прощения? Ты угостила меня отличным обедом. Я очень рада была тебя увидеть. — Дейдра отнюдь не кривила душой.

— Нет, я прошу прощения за то, что дала тебе так мало.

— Ты дала мне все, просто я была глупа. Ты сама сказала, что я самая счастливая из твоих детей. Я этого не знала.

Ее мать открыла было рот, собираясь что-то сказать, но передумала, промолчала, а когда Дейдра обернулась, чтобы помахать на прощание, она увидела, что мать шевелит губами. Дейдра подумала, что она просто произносит ей вслед прощальные слова.

Она была уже слишком далеко и не могла расслышать, как Эйлин О'Хаган говорит: «Прости, что я не научила тебя быть счастливой.

Только и научила, что притворяться, будто ты счастлива. А это плохой дар, лишь тяжкое бремя».

Дейдра еще раз помахала рукой перед лестницей, ведущей к станции метро, и стала спускаться, надеясь, что ее мать перестала шевелить губами. В конце концов, здесь, на Пикадилли-Сёркес, мог оказаться кто-то знакомый. Кто угодно мог случайно проходить мимо и увидеть их. Мир становился все теснее, и приходилось всегда быть начеку, как если бы за тобой велось скрытое наблюдение. По большому счету, так оно и есть — за каждым из нас всегда кто-то наблюдает.

9. СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА

Они поставили будильник на семь часов. Десмонд проворчал, что еще слишком рано. К тому времени, как все начнется, они уже совсем забегаются. Но Дейдра сказала, что лучше перестраховаться и иметь время в запасе, чем весь день лихорадочно спешить и ничего не успеть. Они должны быть в полной готовности, когда приедут люди из фирмы, организующей праздничный стол.

— Они же будут не раньше трех, — сказал Десмонд.

— К их приходу надо все прибрать.

— Боже мой, Дейдра, не собираешься же ты восемь часов убирать в кухне. Разве она и так уже не прибрана?

Пропуская нитье мужа мимо ушей, она налила ему чаю.

Уже много лет, а именно с тех пор, как они перебрались в разные кровати, каждое утро повторялся этот ритуал с электрическим чайником на столике между ними. Он действовал успокоительно и плавно вводил в новый день, смягчая легкое раздражение, с которым они оба просыпались.

— Поздравляю с серебряной свадьбой, — сказал он и потянулся к ее руке.

— И я тебя, — ответила она с улыбкой. — Когда будем дарить друг другу подарки, сейчас или попозже?

— Как хочешь.

— Пожалуй, лучше потом.

Прихлебывая чай, Дейдра мысленно расставляла по пунктам предстоящие дела. Она записалась на прием в парикмахерскую, а также решила в честь праздника побаловать себя и сделать маникюр. Ее новый наряд висел, обернутый в целлофан, на дверце шкафа. Она надеялась, что сделала хороший выбор. Женщина в магазине была очень напориста, через каждое слово повторяла «мадам», будто речь шла совсем не о ней. Мадам очень пойдет светлое, не хочет же мадам стариться раньше времени. Хорошо бы выбрать что-нибудь с отделкой на рукавах, раз мадам категорически против подложенных плечей.

В принципе Дейдра ничего не имела против подложенных плечей, теперь чуть ли не все женщины их носят, взять хотя бы героинь сериалов «Династия» или «Даллас», но она не забыла тот

случай — это было много лет назад, — когда она купила себе роскошный жакет с плечиками. Как смеялась над ней Морин Бэрри, называя обновку мундиром советского маршала. Второй раз она бы не отважилась пойти на такой риск. Страшно было даже вспоминать об этом.

Что бы ни надела сегодня Морин, это будет нечто потрясающее, и она совершенно затмит всех, включая саму Дейрдру, виновницу торжества. Служащая в магазине поверить не могла, что Дейдра собирается праздновать серебряную свадьбу, но такая у нее работа. Надо польстить, чтобы покупательница выложила денежки.

Та женщина никогда не видела Морин.

Морин и сегодня будет в центре внимания — как двадцать пять лет назад. Невеста тогда краснела, нервничала, тряслась от страха, зато подружка невесты в простом розовом полотняном платье и с гвоздикой в волосах была сама невозмутимость и элегантность. И Фрэнк Куигли не мог от нее глаз отвести. И тем днем, и следующим.

Будет ли так же сегодня? Вспомнит ли великий Фрэнк Куигли свою страсть к Морин Бэрри с сожалением, как единственное, что ему не удалось в жизни? Зная Фрэнка, можно предположить, что он и это поражение обратил в победу. Только взгляните, какой куш он отхватил. Женился на всех миллионах Палаццо. Ничего бы этого ему не досталось, если бы Морин не отказала ему тогда.

Но она не будет расстраивать себя такими мыслями. Только не сегодня. Сегодня действительно ее день. Она упорно трудилась ради этого дня, она готовилась к нему долгие месяцы, посвятила ему много часов. Сегодняшний день будет днем Дейдры Дойл.

Десмонд в ванной глядел на свое отражение в зеркале. Ему казалось, что с недавних пор он заметно помолодел. Быть может, ему просто так кажется, и все объясняется тем, что он лучше себя чувствует. Нет уже этой постоянной ноющей боли, которая раньше терзала его, когда он отправлялся на работу в «Палаццо». Теперь он выходил из дома с радостью. Утро стало для него намного приятнее.

По его предложению, они с Пателом организовали в районе доставку газет на дом. Многие рады были получать утреннюю газету пораньше, до семи часов, чтобы почитать ее за завтраком перед уходом на работу. И затея увенчалась успехом. К делу пристроили одного

смышленного парнишку, он разносил газеты до того, как отправиться в школу, и с педантичной аккуратностью вел счета. Он заносил «Дейли мейл» и на Розмари-драйв, Дойлам, и теперь Десмонд мог прочесть газету до работы и оставить ее Дейрдра.

Он досадовал, что Дейрдра не хочет пригласить Патела с женой на празднование годовщины.

— Они же не были у нас на свадьбе, — оправдывалась Дейрдра.

— Джон и Джин Уэст тоже не были, — возражал он.

— Не говори ерунды, Десмонд, они ведь наши ближайшие соседи.

— А Суреш, как-никак, мой компаньон.

— Совсем недавно, и потом, он же никого не знает.

— Половина приглашенных друг друга не знает.

— Будь же благоразумен, Десмонд, сам подумай, его жена даже не говорит по-английски. Что прикажешь мне говорить людям? Что это жена компаньона Десмонда, которая умеет только кивать и улыбаться?

И он махнул рукой. Но совесть его была неспокойна. Суреш непременно бы пригласил Дойлов на семейное торжество. Однако не стоило из-за этого ссориться. Ведь если бы он добился своего, ему пришлось бы весь вечер присматривать и ухаживать за Пателами. А забот и без того хватало. Взять хотя бы приезд Брендана; сын ехал к ним на серебряную свадьбу — ехал по собственной воле. Быть может, теперь, когда он сам, как и Брендан, нашел в себе силы порвать с миром, в котором ему было неуютно, у них станет больше общего. Быть может, уменьшится всегдашняя натянутость и отношения потеплеют.

И отец Хёрли... Приятно будет снова его увидеть, хороший он человек! Даже четверть века назад, когда священникам полагалось бичевать грехи и проповедовать священные узы брака, — даже тогда он был исполнен великодушия. Он не укорял и не осуждал Десмонда, когда тот явился к нему с просьбой поскорее обвенчать их с Дейрдрой. Как можно скорее.

Отец Хёрли только спросил:

— Вы уверены?

— Да-да, анализы положительные, — пробормотал Десмонд, стараясь скрыть смятение.

— Нет, я хочу сказать, хорошо ли вы оба подумали? Ведь это на всю жизнь...

В то время такой вопрос казался странным. Десмонд не придавал ему особого значения. Важно было одно — через три недели они должны быть женаты, не то каждому дураку будет ясно, что их ребенок родился до неприличия рано. А ребенок так и не родился. В сочельник у Дейдры случился выкидыш.

Интересно, задумывался ли когда-нибудь об этом отец Хёрли. В конце концов, это он крестил Анну. Приходила ли ему в голову мысль, что она родилась спустя полных четырнадцать месяцев после свадьбы, причиной которой была беременность. И что у Анны был неродившийся брат или сестра.

Десмонд вздохнул. Вероятно, отцу Хёрли некогда об этом раздумывать. Ирландия быстрыми темпами догоняет весь остальной мир в отношении безбожия, и у священника есть дела поважнее, чем задаваться вопросами о судьбе людей, которых он когда-то обвенчал.

Проснувшись около семи, Анна подошла к окну своей I квартиры в Шепердс-Буш посмотреть, как на улице. Светлое, свежее утро предвещало хороший осенний день. Осенью Лондон прекрасен. Парки — загляденье. Прошлым вечером она со своей подругой Джуди шла через парк, и они насчитали по меньшей мере десятков разных оттенков желтого и оранжевого. Джуди сказала, что в Америке, в Новой Англии, даже устраивают туры для тех, кто хочет полюбоваться осенней листвой, люди специально едут посмотреть, как природа наряжается в новые цвета. В Лондоне такое тоже можно организовать.

Первую половину дня Анна собиралась провести на работе. На Розмари-драйв она бы только путалась под ногами, там будет дым коромыслом. Так что, чем меньше народу, тем лучше. Она появится часа в три, как раз, когда подъедут работники из фирмы обслуживания, и будет сдерживать мамин пыл. Не то бедняги на стену полезут от ее ценных указаний и замечаний. Она заклинала Хелен не приходить раньше пяти — официального начала праздника. Мысль о том, чтобы пустить Хелен в дом, где специа- I листы по организации торжеств готовят праздничный стол, любого способна была вогнать в дрожь.

Хелен в настоящее время находилась не в лучшей форме — у нее опять были какие-то проблемы в монастыре. Очевидно, другие монахини не хотят, чтобы она приняла постриг и стала полноправным членом общины. Так Анне подсказывала интуиция; самой Хелен,

конечно же, интуиция не подсказывала ничего. Она видела во всем лишь череду мелких неприятностей, недоразумений и препятствий.

Анна вздохнула. Живи сама она в монастыре (где ей меньше всего хотелось бы жить), ни за что на свете не хотела бы она оказаться там вместе с Хелен. От одного ее присутствия становилось как-то неуютно. Несколько раз Хелен заходила к ней в книжный магазин, и ее визит непременно сводился к тому, чтобы суметь удержать на полках стопки книг. Ни один из покупателей никогда их не опрокидывал, но Хелен могла сделать это запросто. Ведь столкнула же она с расчетной кассы аппарат для кредитных карточек, разбив при этом стекло прилавка. А ее пальто вечно задевало чью-нибудь чашку кофе. Везде от нее только лишнее беспокойство. Анна хотела надеяться, что сегодня вечером на родительском юбилее Хелен не очень часто будет смущать присутствующих неуместными замечаниями.

Но что ужасного она может ляпнуть? Ну, хотя бы что-нибудь насчет Брендана, скажем, как здорово, что мы-таки заставили его приехать... И это будет неправда, никто его не заставлял, но вот отец Хёрли подумает, что так оно и есть. Или что папа, наконец, ушел из «Палаццо» и работает теперь с милым пакистанцем. У нее все были «премильми». Да, Ренату Куигли она тоже назвала бы премилой итальянчочкой.

Анна босиком протопала на кухню приготовить себе растворимого кофе — еще одно приятное следствие разрыва отношений с Джо Эшем. С Джо приходилось пить кофе натуральный, только что смолотый в кофемолке, от рева которой у нее трещала голова. Анна не собиралась навсегда оставаться одна, но с каждым днем она открывала все больше положительных сторон в том, что рассталась с Джо Эшем.

Он ушел такой же добродушный и беспечный, каким был всегда. Чмокнул ее в щеку и сказал, что она подняла шум из-за пустяка и что он будет по ней скучать. Прихватил с собой несколько ее пластинок и очень дорогое ковровое покрывало, которое она купила для их общей постели. Она видела, как он его сворачивает, но промолчала.

— Ты ведь мне его подарила, помнится? — сказал он, непринужденно улыбаясь.

— Конечно, Джо. — Она не станет поднимать шум из-за какого-то покрывала. Это совсем не то, что другая женщина в ее постели.

Джуди, узнав о разрыве с Джо, всячески старалась поддержать ее.

— Не забывай, что есть я, звони, если станет тоскливо. Но не звони мужчинам, когда тебе одиноко. Звони только, когда можешь вернуть их назад.

Друзья — это замечательно, думала Анна. Друзья поймут, если ты вдруг потеряешь из-за кого-то голову, и будут терпеливо ждать, пока твое безумство не пройдет само собой. А Оно уже почти прошло. Почти совсем.

И в ближайшее время она не собиралась снова сходить с ума. Кен Грин очень хорошо это понял, он сказал, что не придет к ней, пока из квартиры не выветрится довольно мерзкий запах лосьона после бритья, которым пользовался Джо. Кен очень забавный. Как ни странно, он очень хорошо поладил с ее отцом и уговорил его с мистером Пателом взять несколько своих книжек: пусть, мол, парень, который разносит газеты и журналы, их тоже на всякий случай показывает — мало ли, вдруг найдется покупатель... И покупатель, конечно, находился. Отец с мистером Пателом собирались расширять свое дело. Появилась возможность открыть в их районе книжный магазин. Кен даже предложил ей самой открыть магазин совместно с ними.

— Слишком близко от дома, — сказала она.

— Может, ты и права.

Кен тоже был человеком уступчивым, но он соглашался с другими не так, как Джо Эш. Джо соглашался, потому что лень было спорить. А Кен соглашался, потому что умел принять чужую точку зрения. Анне даже хотелось пригласить его на родительский юбилей, но слишком уж публичный это будет праздник, друзья матери начнут шептаться, а бабушка О'Хаган обязательно захочет все узнать, хотя и узнавать-то нечего.

Брендан прибыл в Лондон рано, как раз в утренний час пик. Выйдя с поезда на вокзале Юстон, он чуть не четверть часа стоял на месте и, будто зачарованный, глядел, как толпы людей, приехавших из пригородов на работу, снуют туда-сюда, торопливо взбегают вверх по пандусам и устремляются вниз по лестницам, садятся в такси, наспех завтракают в забегаловках, запрыгивают на эскалаторы. У всех такой самоуверенно-деловитый вид, думал Брендан, словно каждый, будь то

самый мелкий служащий или обыкновенный работяга, ворочает большими делами и делает большие деньги. Отец с матерью хотели, чтобы он жил точно так же — несся сломя голову с Розмари-драйв, боясь опоздать на поезд, выскакивал на Бейкер-стрит, садился на метро, чтобы выйти где-то еще... Такая жизнь — абсурд, но этот абсурд считается признаком благополучия.

Брендан понимал, что не должен высказывать подобные мысли вслух, ведь он все-таки *приехал* к родителям на юбилей — зачем портить хорошее впечатление от своего поступка.

И еще он помнил, что Винсент советовал ему купить что-нибудь из одежды, в чем не стыдно будет показаться на праздновании серебряной свадьбы.

— Хороший костюм, парень, завсегда пригодится, — сказал Винсент.

— Нет, Винсент, только не костюм. Ни в жизнь в костюм не влезу.

— Ну, в мое время носили костюмы... Тогда просто пиджак и брюки.

— Может, куртку? — осенило Брендана.

— Да ты что, дурень! Для банкета у них в доме? Говорю тебе — приличный черный или темно-синий пиджак и синие брюки. Зато в следующий раз, как пойдешь на танцы, из-за тебя тут все передерутся.

Дядя выдал ему денег, и Брендан просто обязан был приодеться. Он написал Анне, спрашивая, сколько ему нужно потратить денег, и очень боялся, как бы она не подняла его на смех. Оказалось, он сильно в ней ошибался.

Ее ответ был полон энтузиазма и благодарности.

Она написала, что в «Марксе», «Си энд Эй» или любом магазине на Хай-стрит он найдет то, что нужно, в огромном ассортименте. И она очень тронута тем, что он взял на себя труд позаботиться о своем внешнем виде. Сама она собирается надеть темно-синее платье с жакетом, то и другое отделаны ужасными белыми кружавчиками. Мама должна остаться довольна — это именно то, что она считает «нарядным». Сама Анна считала этот наряд отвратительным, но ведь это мамин день. Анна также постаралась внушить Хелен, что со времени Второго Ватиканского собора монахиням не запрещается появляться на людях в нормальной человеческой одежде, но Хелен, естественно, вырядится как всегда.

Когда Морин Бэрри вышла из универмага «Селфридж», ей показалось, что она узнала в молодом человеке, идущем по Оксфорд-стрит, Брендана Дойла. В руках у него был громадный фирменный пакет «Маркс и Спенсер», будто бы он только что скупил полмагазина.

Но она тут же одернула себя. Какой вздор! В Лондоне двенадцать миллионов человек, с какой стати ей должен попасться на глаза именно сын Десмонда и Дейрдры, о которых она как раз думает?

Насколько она знала, парень все еще живет в западной Ирландии — с родителями у него какие-то нелады. Об этом говорила мама незадолго до смерти. А ей сказала Эйлин О'Хаган. Все держалось в строжайшей тайне, но правда заключается в том, что парень бросил родной дом и уехал из Англии — и не куда-нибудь, а в то самое захолустье, из которого когда-то вырвался его отец. В те места, откуда родом и Фрэнк. Морин приказала себе бросить глупости. Если даже парень приехал в Лондон, он наверняка в Пиннере, помогает расставлять столы к празднику. Довольно фантазировать и мерить Лондон той же меркой, что Дублин. Не далее как сегодня утром в гостинице ей показалось, что она увидела в дальнем конце столовой мать Дейрдры; в самом деле, женщина была настолько похожа на миссис О'Хаган, что Морин совсем было собралась подойти и поздороваться, но тут к женщине присоединился какой-то развязный тип в блейзере. Видно, ей уже нужны очки. Она улыбнулась при воспоминании о том, как много лет назад они шутили, что надо бы вставить себе зубы и завести очки за счет Государственной службы здравоохранения. Они умирали со смеху от одной мысли, что кому-то из них могут понадобиться очки.

Морин рада была снова очутиться в Лондоне. Ее переполняла энергия, а в бумажнике лежали три кредитные карточки. Она была как бы в разведке — отправилась в небольшой поход по бутикам и магазинам одежды, чтобы присмотреться и выяснить, что сейчас в моде. Стоило ей только захотеть — она могла приобрести все, что только душа пожелает. Она шла, окутанная облаком дорогих духов, только что купленных в «Селфридж»; там же она выбрала щегольской галстук для своего отца. В нем он будет неотразим, и ему понравится, что она подметила его пристрастие к галстукам.

Хелен Дойл сидела на кухне монастыря св. Мартина, обхватив обеими руками кружку кофе, точно пытаясь согреться ее теплом. Этим утром вовсе не было холодно, но даже яркое солнце, бьющее в окно, казалось, не может ее согреть. Напротив сидела сестра Бриджид, больше никого не было. Остальные, видимо, знали, что предстоит большой разговор, и разошлись по кельям или пошли по своим делам.

Рыжая кошка со сломанной лапой доверчиво смотрела снизу вверх на Хелен. Это Хелен ее нашла и смастерила нечто вроде шины, чтобы ей легче было ходить. Другие сестры говорили, что нужно отнести ее в кошачий приют, но Хелен воспротивилась: в приюте рыжей кошке конец. А здесь — много она не съест, обузой не будет, они сами вполне в состоянии о ней позаботиться.

Кошка стала еще одним знаком присутствия Хелен в обители, и еще одной заботой стало больше. Никто не ожидал от Хелен, чтобы она вовремя кормила кошку и убирала за ней. Кошка громко заурчала и выгнула спину, требуя, чтобы ее погладили. Сестра Бриджид осторожно взяла ее и вынесла в сад. Вернувшись, она села напротив Хелен и посмотрела прямо в полные тревоги глаза девушки.

— В твоём сердце столько любви, — начала сестра Бриджид, — ты можешь сделать много добра. Но у нас неподходящее для этого место.

Она увидела, как у Хелен задрожала нижняя губа, которую она до того нервно покусывала, а на больших глазах выступили слезы.

— Выгоняете меня... — начала Хелен.

— Мы можем сидеть здесь все утро, Хелен, ты будешь называть это так, я этак. Я скажу, что ты должна обрести то, что ты ищешь, найти себя где-то в другом месте, а ты скажешь, что я выставяю тебя вон.

— Что я на этот раз натворила? — жалобно простонала Хелен. — Это все из-за кошки?

— Разумеется, кошка тут ни при чем, и речь не об единственном случае или каком-то одном проступке. Пожалуйста, пойми... попытайся понять, это не наказание и не экзамен, который ты сдала или провалила. Тут вопрос выбора. Эта обитель — наша жизнь, мы ее сами выбрали и мы должны решать, с кем будем ее делить.

— Я вам не нужна, вы все собрались и решили, что я здесь лишняя, так ведь?

— Нет, не так, никто не устраивал над тобой суд и не выносил тебе приговор. Когда ты пришла сюда, ты прекрасно понимала...

— Раньше, — с горячностью перебила ее Хелен, — монахини не могли привередничать и выбирать, с кем им быть. Если тебе не по душе кто-то в общине, это твой крест, оставалось молиться и терпеть, в этом и заключается подвиг смирения...

— Никто не питает к тебе неприязни... — начала было сестра Бриджид.

— Пусть даже кто-нибудь меня и не любит, раньше не придавали этому значения, не устраивали конкурс — кто лучше, кто хуже.

Бриджид была непоколебима.

— Будь у нас конкурс, ты во многих отношениях стала бы первой. И если уж говорить о том, что было раньше, то раньше много было скверного. Когда-то женщин необузданных, обуреваемых страстями или потерпевших неудачу в любви могли заточить в монастырь. Это был прекрасный способ создать обитель.

— В моем случае все не так. Меня никто не хотел заточить, даже наоборот — все старались удержать меня.

— Потому я и завела весь этот разговор, — мягко сказала сестра Бриджид. — Я не хочу, чтобы ты обольщалась надеждой, что в недалеком будущем примешь постриг. Потому что этого не будет, Хелен, во всяком случае, у нас. Как глава этой обители, я бы повела себя нечестно, отпуская тебя на семейное торжество в уверенности, что ты станешь членом нашей общины. Когда-нибудь ты поблагодаришь меня от всего сердца. Я хочу, чтобы ты посмотрела на свою семью другими глазами, присмотрелась к другим возможностям...

Хелен была сражена.

— Значит, вы прогоняете меня прямо сейчас, мне уже нельзя будет сегодня вернуться!

— Зачем так драматизировать...

— Так когда? Раз вы предупреждаете меня, то когда я должна освободить свою келью? — с обидой и горечью требовала ответа Хелен.

— Я подумала, что тебе надо обо всем поразмыслить, ты больше не работай, просто посиди и соберись с мыслями, подумай, чем бы тебе хотелось заняться...

— Когда? — повторила Хелен.

— Скажем, месяца через два-три, — твердо ответила Бриджид. — Рождество, по-моему, самый подходящий срок. У тебя будет время все обдумать.

Фрэнк и Рената Куигли планировали предстоящий день.

— Как мне одеться — получше или попроще? — спросила Рената.

— Чем лучше, тем лучше, — улыбнулся Фрэнк.

— А про нас не подумают... ну, не знаю... что мы слишком выставляемся? — засомневалась Рената.

— Так или этак, жене Десмонда все равно не угодишь. Оденься кое-как — значит не взял на себя труд постараться, а возьмешь на себя труд — так переборщил...

— И как же нам быть?

— Давай, по крайней мере, сделаем так, чтобы ей приятно потом было глядеть на снимки. Эта женщина с ума сходит по фотографиям. Стоит в ее доме кому-нибудь почесать себе зад — и это тут же увековечивается на пленке.

— Фу, Фрэнк, ей-богу!

— Нет, правда, ты их просто не знаешь. Их дом битком набит фотографиями в рамочках, во всяком случае, одна стена у них, помнится, вся увешана снимками, от угла до угла.

— Ну, это очень мило в каком-то смысле.

— Да, если только есть что вспомнить. И что праздновать.

— Вы же были друзьями, как ты можешь так говорить?

— Я дружил с Десмондом, с Дейрдрой у меня никогда дружбы не было. И вообще, ей не нравилось, что я свободен, она боялась — и правильно делала, — что старина Десмонд, бедолага, сравнивает свое положение с моим и приходит к неутешительным выводам... Так что давай-ка мы разодемся в пух и прах, и пусть у них глаза на лоб полезут.

Она улыбнулась ему в ответ. В последнее время, с тех пор как произошло столько перемен, Фрэнк был полон бодрости и оптимизма. Дела шли в гору, «Палаццо» расширялась, открылись филиалы на севере, но, вопреки опасениям Ренаты, Фрэнк не пропадал все время там. Нет, он почти вовсе туда не ездил, в отличие от ее отца и дяди, ну и, конечно, миссис Ист принимала во всем этом активное участие.

Даже с маленьким сынишкой на руках она работала не щадя себя, и ее энергия казалась неистощимой. Некоторым женщинам все по плечу, с грустью думала Рената.

Как бы там ни было, а в последнее время все вроде бы шло на лад, и этим утром она собиралась сделать уколы и прививки для предстоящей дальней поездки. А Фрэнк собирался на работу, как и почти каждую субботу. Он говорил, что по выходным в большом здании штаб-квартиры «Палаццо» так тихо, можно спокойно диктовать, и за час он успевает сделать больше, чем за неделю обычных рабочих дней. Она напомнила ему, что надо постричься — он слегка оброс, на затылке волосы не мешает подровнять.

Фрэнку не надо было напоминать — он съездит к Ларри и пострижется, а также сделает массаж. Он собирался надеть свой лучший костюм и новую рубашку. Если Морин Бэрри соизволит взглянуть в его сторону, она не будет разочарована тем, что увидит. Потому-то он и жене сказал принарядиться. При полном параде Рената выглядела очень недурно. Морин Бэрри не сможет сказать, что человек, которого она отвергла, женился на бесцветной мышке с деньгами.

В Лондоне отцу Хёрли было где остановиться. Он всегда говорил, что это место — нечто среднее между шикарным отелем и мужским клубом. В действительности же это был монастырь — ныне уже маленькая, скромная обитель: большая часть комнат в здании сдавалась под офисные помещения. Когда-то это были гостиные с высокими потолками и полированными столами, на которых лежали номера ежегодника «Миссионер». После дня, проведенного в большом шумном городе, эта обитель казалась настоящим оазисом. За утро отец Хёрли несколько переутомился, и приятно было сознавать, что здесь тебя ждет покой и отдых. Патроном здесь был его друг Дэниел Хейз, человек с прекрасными манерами, умевший, казалось, понимать многие вещи без слов. Когда прошлым вечером он справился у отца Хёрли о его племяннике, то сразу понял, что лучше впредь этого пункта не касаться. Непринужденно, с отточенной долгими годами ловкостью дипломата отец Хёрли перевел разговор на другую тему. Еще отец Хейз понял, что у его старого друга Джеймса Хёрли отчего-

то беспокойно на душе из-за серебряной свадьбы, на которой ему предстояло присутствовать.

— С тобой я могу поделиться, Дэниел, ты их не знаешь. Это была очаровательная молодая пара. Она — настоящий продукт фешенебельного Дублина. Он — деревенщина из западной Ирландии, без гроша за душой, но добрый малый. Обыкновенная история: она беременна, я знаком с ее семьей, и не могу ли я обвенчать их в мгновение ока.

— И ты обвенчал?

— Естественно. Чем еще мы занимались в те времена? Покрывали грех, заматали следы, торопились уладить неприятности...

— И что, не получилось? Они ведь до сих пор вместе.

— Знаю, Дэниел, просто что-то там не так. Во-первых, ребенка не было.

— Что?

— Нет, потом у них были дети, трое. Но тогда — нет. Они как бы играли в женитьбу... будто актеры на сцене.

— Думаю, многие делают точно так же.

— Согласен, и в каком-то смысле мы с тобой тоже играем в священников. Но, понимаешь, у меня такое ощущение, что все это ненастоящее. Подделка. И сейчас Дейрдра прислала мне приглашение. Будто ей нужно что-то доказать людям.

— Что именно?

— Боже, откуда мне знать... Наверное, что у них нормальная семья.

— Может быть, они просто очень несчастны, — предположил Дэниел Хейз. — Как многие и многие. Люди, вступая в брак, тешат себя нелепыми надеждами. Лично мне обет безбрачия никогда не казался таким уж тяжким.

— Мне тоже, — согласился отец Хёрли. Лицо его было печально.

— Но когда брак счастливый, то прекраснее этого, наверное, ничего нет на свете. Это настоящая, подлинная дружба, когда ты можешь другому человеку доверить всю свою жизнь. Нам с тобой это неведомо, Джеймс.

— Да, правда. — Отец Хёрли все еще пребывал в унынии.

— Зато твоя сестра знает, что это такое. Так ведь? Помню, ты говорил, что она вышла за очень хорошего человека и они понимают

друг друга с полуслова, будто между ними какая-то телепатия.

— Да, но в жизни им нелегко пришлось...

— Пусть так, — перебил отец Хейз, — но мы ведь не об этом говорим, а только о том, что бывает такое взаимопонимание... Без сомнения, это поддерживало их в трудные времена. А у этих людей из Пиннера, у которых серебряная свадьба, — у них ты ничего такого не увидел?

— Нет, там все будет сводиться к одним пустым фразам, как и четверть века тому назад.

— Ну, Джеймс, такая уж у нас работа, — рассмеялся его друг. — Кто еще может придать убедительность и вес ничего не значащим фразам? Кто, как не священники?

Организаторы торжества прибыли в три часа, обо всем было условлено еще несколько недель назад. У Филиппы, хозяйки фирмы «Банкеты Филиппы», был наметанный глаз, и она с первого взгляда распознала, с кем имеет дело, — миссис Дойл по всем признакам принадлежала к паникершам высшего разряда. Добрый час гостей будут угощать канапе и напитками, потом все двинется в католический храм, где отслужат мессу и Дойлы заново произнесут супружеские клятвы. Затем, раскрасневшиеся и торжествующие, они вернутся на Розмари-драйв (будет уже седьмой час), и гостям опять предложат выпивку и холодную закуску: лососину и курятину под майонезом с карри, теплый пряный хлеб. Оценив размеры дома и скромную величину духовки, Филиппа отговорила миссис Дойл от горячего, ей удалось убедить хозяйку, что гости будут удовлетворены угощением, даже если оно будет холодным и без картошки.

Филиппа выгрузила из своего фургона ящики с провизией и обосновалась в маленькой кухне Дойлов. Она очень надеялась, что кому-нибудь в доме поручат отвлекать эту женщину с новой прической и явно только что сделанным маникюром, которая стояла, неуклюже расставив пальцы, боясь неосторожным прикосновением повредить свежий лак.

К счастью, явилась дочь, темноволосая интеллигентная девушка, уж на нее-то можно было положиться. Она несла с собой на вешалке собственный праздничный наряд. В кухонное окно Филиппа видела, как она благодарит привезшего ее мужчину. Девушка наклонилась к

окошку автомобиля и поцеловала его. Филиппе нравилось наблюдать такие сценки, они были отдушиной в напряженной обстановке, с которой она так часто сталкивалась, работая в частных домах.

Не будь, однако, всех этих свадеб, юбилеев, торжественных проводов на пенсию, на что бы она жила? Филиппа подумала о своих клиентах — миссис Дойл и ее муже. Надо быть не в своем уме, чтобы тащиться в церковь и снова провозглашать там, что они муж и жена. Будто бы и без того не ясно. Будто кто-то грозитя отнять их друг у друга! Ладно, отставим вопросы — продолжаем распаковываться, пора заняться убранством стола, и, может быть, стоит послать в спальню чай на подносе, чтобы мать и дочка подольше оттуда не вылезали.

— Мама, да ты просто настоящая красавица! — восхитилась Анна. — Послушай, у тебя ни единой морщинки. Выглядишь на двадцать!

Дейдра была польщена.

— Ну-ну, прекрати немедленно, это уж слишком.

— Я на полном серьезе. А волосы! Эти локоны... очень изысканно.

Дейдра посмотрела на темную блестящую шапку коротко подстриженных волос дочери.

— Конечно. Вот если бы ты заживала время от времени в парикмахерскую на завивку и укладку, ты бы тоже выглядела гораздо лучше. Знаю, теперь модно каждый день мыть голову под душем... — Дейдра старалась удружить дочери полезным советом.

— Знаю, мама... Ой, гляди-ка, чай! Да еще на подносе! Вот это жизнь!

Дейдра озабоченно нахмурилась.

— Скорей бы твой отец возвращался, опоздает ведь. Не понимаю, что ему приспичило идти к Пателам...

— Он не у Пателов, мама, а в «Розмари Сентрал Стор». Папа же совладелец, а по субботам очень много работы, видно, он захотел помочь Сурешу, но вернется задолго до начала. Ты же его знаешь.

— А Брендан когда придет?

— Должен быть с минуты на минуту. Он решил немножко повременить. Сказал, что не хочет приходить слишком рано, чтобы не путаться под ногами.

— Боже, кто бы мог подумать, что он приедет...

— И, само собой, он пробудет здесь и завтра, и послезавтра, и еще день.

— Что бы ему остановиться в своем родном доме...

— Мама, Брендан с нами, мы ведь так все на это надеялись. А у меня он остановился потому, что так легче, удобнее. Он будет навещать тебя каждый день.

— Отец запросто мог бы убрать из его комнаты все эти коробки и бумаги.

— Теперь это уже не его комната, как и моя комната больше не моя. Чем беречь их для нас, лучше использовать для хранения документов или еще чего-нибудь, устроить папе кабинет.

— Комната Хелен так и стоит нетронутая, а она вот живет в монастыре.

— Оставить Хелен собственный угол — это совсем другое дело. Кто знает, когда он ей может понадобиться.

— Не пора ли мне переодеться, как ты думаешь?

— Подожди еще минутку. Мы взможем от пота, если нарядимся раньше времени.

— Надеюсь, все пройдет хорошо.

— Не просто хорошо — великолепно! Придут те, кого ты хотела видеть, нам не о чем беспокоиться. Все просто ахнут.

— Но мы вовсе не пытаемся пустить людям пыль в глаза, — решительно заявила Дейдра.

— Конечно нет, чего ради, — откликнулась Анна, недоумевая в душе: неужели мать говорит серьезно? Зачем тогда все затеяно, если не для того, чтобы пустить пыль в глаза? Показать бабушке О'Хаган, на какую широкую ногу они живут. Внушить Морин Бэрри, что Пиннер — не какое-нибудь захолустье. Дать понять Фрэнку Куигли, что хотя Десмонд и не женился на дочери босса, он тоже кое-чего добился. Продемонстрировать отцу Хёрли, какие достойные, ревностные католики встречаются в Англии, которую он, вероятно, считает варварской, языческой страной. Показать соседям, какое общество они могут собрать: тридцать человек гостей плюс наемная прислуга — и речи, и тосты, и хорошее шампанское. Если мама не стремится произвести впечатление, то какой во всем этом смысл?

Снизу донесся шум — кто-то колотил в дверь черного хода, слышались громкие голоса, и они поняли, что это явилась Хелен.

Она не захотела входить через парадную дверь, чтобы никого не беспокоить, и попыталась проникнуть в дом через черный ход, а это оказалось непросто, поскольку дверь была изнутри заставлена ящиками с вином. Филиппа из «Банкетов Филиппы» быстренько всучила ей чашку чая и препроводила наверх.

Хелен вошла в комнату, и по ее понурому виду Дейрдра с Анной сразу же поняли: что-то случилось. Анне хотелось надеяться, что они не станут обсуждать это прямо сейчас.

— Хелен, правда ведь мама выглядит потрясающе?! — воскликнула она.

— Не то слово, — покорно и рассеянно промямлила Хелен.

— Ас минуту на минуту прибудет Брендан.

— Он остановился здесь? — спросила Хелен.

— Нет, мы... ммм... подумали, что лучше будет, если он остановится у меня. Он сейчас одевается, я оставила ему ключ под цветочным горшком. У меня ему удобнее и к центру ближе...

— Чего ему в центре делать-то? Анна стиснула зубы:

— Мало ли что.

— Значит, он сегодня тут не будет спать?

— Да он бы и не... — начала было Дейрдра.

— Все равно в его комнате теперь папин кабинет, так что...

— В моей комнате тоже папин кабинет? — спросила Хелен.

— Нет, конечно же, нет. Почему ты спрашиваешь?

— Я подумала, не переночевать ли мне сегодня здесь, — сказала Хелен. — Если только я не помешаю.

Анна замерла на месте. Она боялась произнести хоть слово. Значит, Хелен решила уйти из своего монастыря. И намерена сообщить это всем именно теперь. За час до начала празднования серебряной свадьбы родителей. Взгляд Анны остановился на двух халатах, висевших на двери. Отцовский был с поясом в виде длинного шнура.

Может, взять этот шнур и задушить Хелен? Или это только усугубит положение?..

Приход Брендана избавил ее от необходимости разрешать этот вопрос. Он легко взбежал по лестнице, и сестры с матерью бросились ему навстречу. Они обратили внимание, какой он загорелый и

здоровый. И красивый — в темно-синем пиджаке с иголки, белоснежной рубашке и галстуке со скромным рисунком.

— Я выбрал галстук в серебристых тонах. Подумал, это будет кстати, — сказал он.

Глядя на своего единственного сына, Дейрдра Дойл сияла от гордости. Сегодня ей не придется краснеть и оправдываться за Брендана. Как бы он там ни жил у себя в глуши, по крайней мере, сегодня, в такой важный день, он оделся как следует. Он постарается произвести на гостей приятное впечатление, не будет ото всех шараться и брюзжать. На такое она и надеяться не смела.

Десмонд вернулся вовремя, с таким расчетом, чтобы успеть помыться и переодеться, и за пять минут до официального начала празднества Филиппа могла с чистой совестью объявить, что клиенты выглядят великолепно и что все идет по плану.

Чем дальше, тем больше она убеждалась, что в ее работе успокоить взвинченную хозяйку и домочадцев не менее важно, чем организовать меню и сервировать стол.

Семья собралась в гостиной. Двери в сад открыты, все готово. Без лишних комментариев Анна подобрала в материнском гардеробе подходящий наряд для Хелен — простенькую зеленую юбку и длинную кремовую блузку. Этот незамысловатый костюм очень походил на обычное полумонашеское одеяние Хелен и вместе с тем вполне отвечал мирским стандартам. Он должен ее устроить, какую бы линию поведения она ни избрала.

Гостей ожидали с минуты на минуту. Филиппа предложила выпить, но Дойлы отказались, мол, сейчас им требуется ясная голова.

Филиппа обратила внимание на то, что между ними не было никаких нежностей, задушевных сцен, проявления теплых чувств. Они не стискивали друг другу руки с возгласами: «Подумать только, серебряная свадьба!..» Казалось, само знаменательное событие их вовсе не трогает. Важно только, как пройдет его празднование.

Первой прибыла бабушка О'Хаган. Дейрдра всматривалась в подъехавшее такси: не появится ли следом за матерью Тони. К счастью, мама догадалась приехать одна. Не успела она войти в дом, как подъехали Фрэнк и Рената. Из цветочного магазина был доставлен на фургоне громадный букет от Карло и Марии, к нему прилагались извинения и сердечные поздравления по случаю знаменательной даты.

Все это организовала накануне секретарша Фрэнка Куигли, которая вслед за тем передала в кабинет Карло сообщение об успешном выполнении задачи.

Соседи Уэсты, увидев из своих окон, как дом наполняется гостями, поспешили присоединиться, а за ними прибыл отец Хёрли, его привез друг — отец Хейз.

— Может быть, отец Хейз тоже зайдет, выпьет с нами? — предложила Дейрдра. В таких случаях лишний священник никогда не помешает.

Отец Хейз, соблазнившись хересом, сказал, что в мире, где процветает легкомысленное отношение к браку, так приятно встретить супружескую чету, чья любовь оказалась столь долговечной.

— Ну да, ну да. — Дейрдра была польщена, хотя и слегка шокирована таким комплиментом.

И тут явилась Морин Бэрри.

По всей видимости, оставив такси на углу Розмари-драйв, она неторопливо прошла по короткой дорожке от калитки к дому. Часть гостей была в доме, другие вышли подышать воздухом — стоял один из тех теплых осенних вечеров, когда прием в саду казался не совсем бредовой идеей.

Похоже, Морин ожидала, что окажется в центре самого пристального внимания, однако в ее манере не было ни намека на тщеславие или кокетство. Высокая и стройная, она была в лимонном шелковом костюме и черно-лимонном шарфе, ее черные волосы блестели, как в рекламе шампуня. Здороваясь, она улыбалась каждому ясной, уверенной улыбкой.

Она сказала все, что полагалось сказать, но далеко не все, что было у нее на уме. Да, это Брендана она видела сегодня утром с большущей зеленой сумкой из «Маркс и Спенсер». Ее содержимое, очевидно, и было сейчас на нем. Что ж, вполне, вполне. Однако насколько же лучше выглядел бы красивый, рослый парень в костюме, сшитом на заказ.

Поразительно, но это и в самом деле была мать Дейдрды — та женщина, которую она видела утром в отеле вместе с мужчиной довольно жалкого вида. Неужто и впрямь безупречная Эйлин О'Хаган завела любовника! То-то отец потешится, когда она расскажет ему об этом завтра в Аскоте.

Она поцеловалась с Дейрдрой и пришла в восторг от ее восхитительного платья. А в душе подивилась, как только могла Дейдра соблазниться этим одеянием пошловатого сиреневого цвета с однотонной вышивкой на плечах. В этом невыносимо почтенном наряде она была настоящая «мать невесты». Дейдра заслуживала лучшего, ведь она может отлично выглядеть. К тому же, за платье, верно, пришлось отвалить кучу денег.

Наряды ее дочерей тоже не отличались изысканностью. Хелен была в блузке и юбке — по-видимому, самое большее, что позволялось монастырскими правилами в отношении одежды. Анна, сама по себе очень даже привлекательная, вырядилась в чудовищный синий с белым костюм, везде, где только можно, белые оборочки — на вороте, на подоле, на манжетах. Ни дать ни взять детское праздничное платьице.

И Фрэнк.

— Отлично выглядишь, Фрэнк, сколько лет, сколько зим, — сказала она.

— Поразительно, но для тебя годы остановились, — ответил он, чуть передразнивая ее тон.

Она впиалась в него жестким взглядом.

— Рената, это Морин Бэрри, мы с ней были шафером и подружкой невесты на знаменательном событии двадцать пять лет назад. Морин, это моя жена Рената.

— Счастлива познакомиться.

Две женщины окинули друг друга взглядом.

Морин увидела перед собой ничем не примечательное лицо, хорошо скроенную модельную одежду, аккуратный макияж, неброские драгоценности. Если она не ошибалась насчет этой золотой цепочки, то на шее у Ренаты Куигли висела стоимость нескольких домов на Розмари-драйв.

— Фрэнк сказал, вы преуспевающий бизнесмен и у вас несколько магазинов модной одежды.

Рената говорила так, будто заранее выучила небольшую речь. Ее акцент был очарователен.

— Он слишком меня превозносит, Рената, всего лишь два магазинчика, и еще один я планирую открыть здесь. Нет, не в Лондоне — ближе к Беркширу.

— Я расстроился, когда услышал, что твоя мать умерла. — Фрэнк деликатно понизил голос.

— Да, это было большое горе, всегда такая энергичная, уверенная в себе — ей бы еще жить и жить. Вон как миссис О'Хаган. — Морин кивнула в сторону весело болтающей в углу матери Дейдрры.

Рената немного отошла, чтобы побеседовать с Десмондом и отцом Хёрли.

— Она меня ненавидела, — сказал Фрэнк, не отрывая взгляда от Морин.

— Прости, кто?..

— Твоя мать. Она меня ненавидела. Ты это знаешь, Морин.

Взгляд его был так же жесток, как минуту назад ее.

— Нет, ошибаешься. Она не питала к тебе никакой неприязни. Всегда очень хорошо о тебе отзывалась, говорила, ты был очень мил в тот раз, когда она тебя видела. Помню, как она стоит в «утренней комнате» и говорит: «Он очень милый молодой человек, Морин».

Она точно воспроизвела беспощадную иронию, высокомерное пренебрежение, ехидное изумление — все, что когда-то вложила в эти слова ее мать.

Больнее ранить его она не могла.

Но он сам напросился — красивый, всемогущий, дерзкий, он играл жизнями других людей, решал за них, что они будут покупать, где покупать и когда.

— Ты не вышла замуж? — спросил он. — Не нашлось для тебя никого подходящего?

— Да, никого не нашлось.

— Но, наверное, не раз бывали искушения... — Он по-прежнему глядел ей прямо в глаза, его взгляд не дрогнул под ее сарказмом, когда она изобразила убийственный тон своей матери.

— Ах, Фрэнк, ну конечно, я испытывала соблазны, как и все деловые люди. Замужество тут ни при чем. Уверена, у тебя в жизни было то же самое. Очень удивлюсь, если это не так. Но выходить замуж, заводить семью — для этого нужна веская причина.

— Любовь, может быть... или даже увлечение?

— По-моему, этого слишком мало. Требуется что-то более прозаическое, к примеру... — Она огляделась по сторонам, и ее взгляд

упал на Дейрдру. — К примеру, беременность. Или... — Она снова обвела взглядом комнату и остановилась на Ренате.

Но сказать не успела. Фрэнк ее опередил.

— Или деньги? — услужливо подсказал он.

— Именно, — подтвердила она.

— Не очень достойные причины, и та, и другая.

— Ну, во всяком случае, не беременность, это уж точно. Тем более, если оказывается, что ее не было.

— А ты выяснила, что там такое было? — поинтересовался Фрэнк.

Морин пожала плечами.

— Господи, да мне ни единым словом не намекнули ни о каких-либо проблемах, так что же им было сообщать мне: мол, опасность миновала или не миновала или чего там у них было.

— Скорей всего, у нее случился выкидыш, — сказал Фрэнк.

— Десмонд тебе что-то говорил? — Морин была удивлена.

— Нет, совсем нет. Они впервые справляли Рождество в Лондоне, а я тогда был не в лучшей форме, на душе было скверно, ходил как неприкаянный. Попытался напроситься на Рождество к ним, но не тут-то было: Дейдрдре, мол, нездоровится. И вид у нее действительно был неважный. Думаю, она все-таки была тогда беременна.

Тон у него изменился, стал человечнее, и глаза потеплели; она почувствовала это и тоже смягчилась.

— Вот не повезло-то! Попасться в ловушку из-за ложной тревоги, — сказала она.

— Может быть, они находят утешение в детях и ни о чем не жалеют, — возразил Фрэнк.

Они уже говорили, как друзья, старые друзья после долгой разлуки.

Хозяева и гости отправились, наконец, в церковь, и Филиппа вздохнула с облегчением. Она не знала и знать не хотела, что там будет, но понимала, что для Дойлов этот визит в церковь исполнен большого значения. Что им важно не просто устроить застолье, но снова побывать в храме, подобном тому, где все началось. Филиппа весело пожала плечами и распорядилась насчет мытья бокалов и проветривания комнаты. По крайней мере, этот своего рода антракт

дал им возможность без помех убрать то, что осталось от закуски, и сервировать салаты.

До церкви было рукой подать, потому пешая прогулка туда и оказалась такой хорошей идеей. Если ехать на машинах и такси, надо решать, кто с кем поедет, — это бы неминуемо растянулось на целую вечность. А так, вот уже все они, тридцать человек, собравшихся на серебряную свадьбу, преклонили колена.

Это была самая обычная месса, и многие радовались, что теперь можно не идти в церковь завтра: в нынешние либеральные времена присутствие на субботней вечерней службе считалось достаточным.

А те, кто, как Анна, вообще не ходили в церковь, ничего не выгадали.

Брендану хождение в церковь всегда представлялось делом обычая и привычки, как было у них с Винсентом в Ирландии. Брендан сомневался, что дядя верит в какого бы то ни было Бога, но тот посещал воскресное богослужение так же регулярно, как ездил за бензином или на рынок покупать овец. Это было частью их образа жизни.

Хелен во время мессы горячо молилась, чтобы Господь наставил ее на путь истинный. Если она, как сказала сестра Бриджид, от чего-то бежит, то от чего... И куда ей бежать, раз уж монастырь оказался неверной дорогой? Она просила немного — только бы получить какой-нибудь знак.

Отца Хёрли не покидало ощущение, что все происходящее — какой-то фарс, абсурдная игра, почти что телевизионное шоу. Вот-вот раздастся голос: «Стоп! Снято». В других случаях своего пастырского служения он не испытывал ничего подобного. Почему-то ему было не по душе публичное повторение сказанного и скрепленного когда-то давным-давно.

Но ведь от верующих всегда требуют повторения обетов, данных при крещении, так отчего же ему сейчас так не по себе?

Глядя в церкви на Морин, Фрэнк думал: «Что за удивительная женщина! Какая личность, какая сила! Как же она похожа на Джой Ист!» Он мельком подумал о Джой и о своем сыне, которого она назвала Александром. О сыне, которого он никогда не увидит.

Фотографироваться в церкви не стали — решили, что это неумно. Другое дело настоящая свадьба, но для такой они староваты... —

хихикнула Дейдра, надеясь, что кто-нибудь ей возразит. И надежда ее оправдалась.

Дейдре горячо возразила Морин.

— Да что ты, дорогая! Я сама все никак не решусь, но если уж когда-нибудь и соберусь, то хочу, чтобы при выходе из церкви стояла целая армия фотографов.

— И вообще, люди вступают в брак в любом возрасте, абсолютно в любом, — добавила мать Дейдры, и у той от ее слов екнуло сердце.

— А если судить по тому, в каком направлении движется церковь, скоро, может быть, даже священники будут жениться, и отец Хёрли в мирской одежде пойдет к алтарю, — сказала Хелен.

Все посмеялись, улыбнулся и печальный отец Хёрли, который заметил, что будь он даже на сорок лет моложе, и то не отважился бы на такой шаг.

Вскоре общество двинулось назад в Солтхилл, дом № 26 по Розмари-драйв. Соседи, оставшиеся неприглашенными, махали им и выкрикивали поздравления. Но вот зажгли свет и все сели за стол.

— Как на самой настоящей вечеринке! — сказала Дейдра мужу с изумлением.

Ее покрасневшее лицо казалось тревожным, налакированные волосы рассыпались и выглядели мягкими и естественными. На лбу и верхней губе выступили капельки пота.

Десмонда странно растрогало ее волнение.

— Ну, это ведь и есть настоящая вечеринка, — ответил он и нежно коснулся рукой ее лица.

Это был непривычный жест, но она не отпрянула. Она улыбнулась.

— Да, наверное, — согласилась она.

— И твоя мать прекрасно со всеми ладит, — добавил он, стараясь ее ободрить.

— Да-да, правда.

— А Брендан у нас молодцом, а? Он очень заинтересовался работой «Розмари Сентрал Стор», сказал, что с удовольствием зайдет туда завтра утром — хочет посмотреть.

Дейдра удивилась.

— Он собирается спозаранку проделать весь путь из Шепердс-Буш? Брендан прекрасно мог бы переночевать у нас, в своей комнате.

Она все еще не могла смириться с тем, что сын не хочет пожить у них.

— Это больше не его комната, Дейрдра, это кабинет.

— Для него бы нашлось место, — упорствовала она.

— Да. Когда-нибудь он и поживет у нас. Но в качестве гостя.

— Члена семьи, — поправила она.

— Члена семьи, приехавшего в гости, — мягко поправил он.

Всего несколько месяцев назад Десмонд Дойл вел бы себя совсем иначе. Он был бы слишком озабочен тем, чтобы подыгрывать Дейдрре в хитросплетениях лжи, подтверждать все, что она сочинит своей матери и Морин Бэрри о его мифических успехах в «Палаццо», да еще следить все время за тем, чтобы эти разговоры не дошли до слуха Фрэнка или Ренаты, знающих правду.

Какой восхитительный покой снизошел на Десмонда Дойла теперь, когда он обрел свое собственное место, независимое положение. Наконец он стал самим собой, принадлежал самому себе, а не «Палаццо». По злой иронии судьбы, это придало ему ту веру в себя, какую жена всегда хотела в нем видеть и какой он никак не мог обрести в мире Палаццо.

— Смотри-ка, мама нормально разговаривает с отцом, — прошептал Брендан Анне на другом конце стола. — Часто такое бывает?

— Впервые вижу, — ответила она. — Не хочу тебя разочаровывать, но, ей-богу, ты стал свидетелем очень редкого явления, так что постарайся насладиться этим зрелищем сполна.

И действительно, у них на глазах идиллической сценке пришел конец. К миссис Дойл подошел один из работников Филиппы: на кухне возникла маленькая проблема.

— Хелен, как пить дать, — покачала головой Анна. И оказалась права.

Хелен во что бы то ни стало захотела украсить праздничный торт свечами. Она купила двадцать пять свечей и полезла в кухонный шкаф за жестяными подставками для них. Но нашла всего четырнадцать штук.

— Видимо, нормальным людям старше четырнадцати это уже не интересно — свечи в торте, — сострила Анна. — Ладно, мама, возвращайся к гостям, я все улажу.

— Нечего тут улаживать! — с обидой и раздражением огрызнулась Хелен. — Я всего-навсего хотела сделать доброе дело... Чтоб был настоящий праздник.

Филиппа сказала, что по договору на сливочной глазури будет выложена жареным миндалем надпись: *«Десмонд и Дейдра. Октябрь 1960 г.»*.

— По-моему, так будет лучше, Хелен, тебе не кажется? Анна говорила, будто перед ней была бешеная собака или сильно отстающий в развитии четырехлетний ребенок. Кен Грин сказал, что ему в жизни часто приходится говорить с людьми таким манером, это создает тебе репутацию терпеливого и туповатого малого, а также человека, на которого всегда можно положиться. Анна помнила, как Кен признавался, что чем сильнее он взбешен, тем медленнее говорит.

— Тебе не кажется, что лучше оставить это специалистам? — сказала Анна, произнося каждое слово очень четко и медленно.

— Да иди ты, Анна, знаешь куда! Ты меня уже достала! — выпалила Хелен.

И вылетела в сад.

Анна решила, что религиозный период в жизни Хелен явно подошел к концу.

— Сходить за ней? — предложила Филиппа.

— Не надо. Там ей, пожалуй, грозит меньше неприятностей, ведь в саду некого оскорбить и почти что нечего раскокать.

Анна решила, что Кен бы ею гордился, и с удивлением поймала себя на мысли, что слишком много о нем думает.

Обхватив колени, Хелен сидела в саду, где часто сидела в детстве, думая, что ее никто не понимает и не любит. И тут она услышала у себя за спиной шаги. Ну конечно, это Анна. Сейчас позовет ее в дом и скажет: нечего устраивать сцены. Или мама — отругает за то, что она сидит на мокром камне. Или бабушка О'Хаган — та, конечно, спросит, когда же все-таки она примет постриг. Она обернулась — это был Фрэнк Куигли. От ужаса у нее перехватило дыхание и на миг закружилась голова. Нет, это глупо, не тронет же он ее в родительском доме. Но в темноте у него был такой зловещий вид.

— Я слышал от твоего отца, что ты собираешься уходить из «Святого Мартина», — сказал он.

— Да. Они хотят, чтобы я ушла, выставляют меня вон.

— Уверен, это не так.

— Сестра Бриджид говорит, что все сестры против меня.

Она почувствовала, что выглядит сейчас пятилетней девочкой с большим пальцем во рту.

— Сестра Бриджид слишком тебя любит, чтобы так думать, а тем более говорить.

— Вам-то откуда знать? Вы ее видели только раз, в ту кошмарную ночь.

Глаза Хелен стали огромными как блюдца при воспоминании о том, как она пыталась украсть ребенка для Фрэнка и Ренаты Куигли и чем все это закончилось. С того дня, по сути дела, и начался закат ее духовной карьеры в «Святом Мартине».

— Нет, Хелен. С тех пор я не раз встречался с сестрой Бриджид, — сказал Фрэнк. — О тебе мы мало говорили, у нас были другие дела... Сестра Бриджид давала мне советы. Она мне очень помогла, и за это я тебя должен благодарить.

— Я тогда только помочь хотела, я и правда думала, что всем так будет лучше.

— Возможно, ты была права. Но мы не могли пойти на это. Пришлось бы прятаться, притворяться.

— Я всю жизнь так жила! — с вызовом, и как бы защищаясь, возразила Хелен.

— Нет-нет, неправда.

— В этом доме все всегда притворялись. И сегодня тоже притворяются.

— Не говори так...

— Как вам удастся быть таким честным? Как вы научились быть не таким, как мы?

— Я далеко не такой честный, тебе ли это не знать, — серьезно сказал Фрэнк. — Я совершал поступки, которых теперь стыжусь. Среди всего прочего, мне очень, очень стыдно за то, что я сделал с тобой.

Впервые с того дня, когда она побывала в его квартире, Хелен посмотрела Фрэнку Куигли прямо в глаза. Впервые за много лет настала минута, когда Хелен растерянно молчала, не зная, что сказать.

— Я всегда надеялся, что тебе попадетс какой-нибудь хороший, чуткий человек, который заставит тебя посмотреть на этот странный

злосчастный случай трезвым взглядом, как бы со стороны. Покажет тебе, что все это по большому счету пустяк, не стоящий внимания.

Хелен промолчала.

— И мне было грустно, что ты ушла в обитель святого Мартина. Мне казалось, ты преувеличиваешь значение того, что произошло.

— Я никогда об этом не вспоминала. — Хелен вскинула голову и вызывающе на него посмотрела.

Он знал, что она лжет, но важно было, чтобы она не поняла, что он это знает.

— И правильно делала. Выходит, я зря волновался. Он улыбнулся ей. Ласково и печально. Он все рассчитал верно. И видел, что ей уже легче.

— Так чем ты займешься... если все-таки уйдешь из «Святого Мартина»?

— Уйду-уйду... Еще не знаю чем. Пожалуй, мне нужно время, чтобы подумать.

— И ты будешь думать вот здесь? — Фрэнк окинул сомнительным взглядом Сотлхилл, дом № 26 по Розмари-драйв.

— Может быть, и нет.

— Не лучше ли тебе уехать? Куда-нибудь подальше от Лондона. Бриджид говорит, у тебя хорошо получается ладить с детьми?

— Да. Детей я люблю. Они не терзают себя так, как взрослые.

— Ты могла бы поработать няней? Годик-другой, пока будешь думать?

— А у вас есть ребенок на примете?

Они уже говорили как равные, ее страх перед ним прошел.

— Есть. Его зовут Александр. Его я не знаю, но я знаю его мать. Только мы с ней поссорились, и она не питает ко мне особо теплых чувств, так что если я предложу тебя, она и слышать не захочет. Вот если бы ты сама предложила ей свои услуги...

— Не покажется ли это странным совпадением?

— Нет, мы можем сделать все через Карло. Она спрашивала Карло, нет ли у него кого-нибудь на примете. Он скажет ей о дочери одного из своих бывших администраторов... Она знает твоего отца.

— Это мисс Ист? — Да.

— Из-за чего вы поссорились?

— Из-за всякой ерунды.

— Александр — славный мальчуган?

— Я не знаю, Хелен.

— Но вам бы хотелось узнать? — Казалось, она взрослеет прямо на глазах.

— Мне бы очень хотелось узнать.

— Прекрасно, — сказала Хелен Дойл. — Все равно мне надо где-то все обдумать, так пускай вместе с Александром Истом.

Праздничный торт, наконец, был принесен и разрезан. И когда каждый получил по кусочку роскошного десерта на тарелочке, Десмонд постучал ногтем по своему бокалу, требуя внимания, и объявил, что Фрэнк Куигли, который четверть века назад произносил такие прекрасные тосты, скажет сейчас несколько слов.

Фрэнк вышел вперед и поблагодарил за то, что ему дали слово: для него это огромное удовольствие и огромная честь. И ему удалось создать впечатление, что так оно и есть на самом деле. На миг все присутствующие поверили, что ему действительно несказанно повезло, что его вообще пригласили.

Фрэнк заговорил. Он прекрасно помнит Дейрдру в тот день, когда она отдала руку и сердце Десмонду. С тех пор она почти не изменилась. Молодая и красивая девушка.

Перед ней лежала вся жизнь, ей предстояло сделать выбор. И она выбрала Десмонда Дойла.

От свадьбы Фрэнк плавно перешел к периоду «Палаццо», нарисовал картину семейного счастья, остановился на детях, с которыми Дойлам так повезло — со всеми без исключения. Одна дочь преуспевает на поприще книготорговли — «Палаццо» пыталась переманить ее, но безуспешно; другая посвятила жизнь служению людям; а в сыне пробудилась тяга к земле. Трое детей, и, глядя на каждого, Десмонд и Дейдра могут с гордостью сказать, что самые заветные их чаяния осуществились.

Самому ему в молодости не так повезло. Далеко не сразу он встретил на своем пути любовь. (Его взгляд скользнул по Морин в лимонном шелковом платье.) Позже и он изведal радости супружества, хотя, увы, в отличие от Десмонда, ему не дано было стать отцом троих прекрасных детей. Но сегодня он счастлив, и, хотя, возможно, порой он и завидовал своему другу, сегодня в его сердце нет ни капли зависти. В выходные они с Ренатой едут в Бразилию. Домой

они вернутся вместе с девочкой по имени Полетт, восьми месяцев от роду. Монахини выправили все необходимые бумаги. И хотя их будущая дочь намного младше детей Десмонда, он все же надеется, что между ними будет такая же прочная дружба, какая связывает его с Десмондом. Дружба на всю жизнь. Есть вещи, над которыми время не властно.

Это была великолепная речь, кое-кто даже смахнул слезу.

Подняли бокалы с шампанским.

Фрэнк сумел растрогать всех и каждого. Даже Морин Бэрри.

— Боже мой, да ты настоящий актер! — восхитилась она.

— Спасибо, Морин, — галантно поблагодарил он.

— Нет, я серьезно. У тебя всегда был талант. Тебе не приходилось лезть из кожи вон — ты без труда мог бы убедить нас, мою мать и меня, в том, что мы неправы.

— Но твоя мать и так была от меня в восторге, она говорила, что я очень милый молодой человек. — Он передразнил голосом миссис Бэрри. Имитация удалась.

— Я рада, что все так удачно вышло с ребенком, — сказала она.

— Да, мы тоже рады.

— Я еще увижусь со всеми вами, когда открою магазин в Англии?

— Полетт еще нескоро дорастет до твоей одежды.

— Какое совпадение, у меня есть и детский бутик.

— Что ж, хорошо.

Он улыбался. Но его улыбке не хватало теплоты. Отец Хёрли сказал, что ему надо позвонить, но оказалось, что у телефона уже целая очередь. Разговаривала Анна.

— Обязательно, приезжай немедленно... Послушай, Кен Грин, на дворе 1985-й год, все мы вольны поступать так, как считаем правильным. Раз ты хочешь приехать, это будет замечательно.

Пауза.

— Я тебя тоже люблю.

Анна положила трубку, сама себе удивляясь. Телефоном завладела мать Дейдры.

— Да, Тони, лучше не бывает, но никак не могу. Нет-нет, никто ничему не изменяет, просто, понимаешь, мудрость — знать, когда что надо сказать. Да. Да. Все остается как прежде. Абсолютно все. Я тоже. Очень.

Отец Хёрли позвонил отцу Хейзу и сказал, что вернется на такси. Он поедет в компании — заказали большую машину для нескольких человек.

Да, сказал он, все прошло чудесно, только у него такое чувство, что он не имеет права занимать телефон, чтобы не мешать другим говорить о своей любви.

Совсем нет, сердито ответил он в трубку. Он абсолютно трезв, просто только что при нем звонили по телефону одна женщина и ее внучка. Только и всего.

Все дружно засобирались уезжать. Но оставалось ощущение какой-то незавершенности. Казалось, недостает последнего штриха.

Дейдра схватила фотоаппарат, заряженный накануне новой пленкой, и влетела в кухню, где работники Филиппы заворачивали в полиэтилен и укладывали в холодильник остатки угощения.

Дейдра стала объяснять Филиппе, как пользоваться фотоаппаратом. Та терпеливо слушала. Характерная черта этого типа женщин — они думают, их фотоаппараты как-то хитро устроены.

Виновников торжества обступили полукругом. Все улыбались. Вспышка сверкала снова и снова.

Среди двадцати четырех снимков один какой-нибудь будет смотреться что надо. Только увеличить его, и получится прекрасная фотография. Ее повесят на стене, на видное место, чтобы всем она напоминала о серебряной свадьбе. Всем, кто бы ни пришел отныне на Розмари-драйв.

ОБ АВТОРЕ

Мейв Бинчи родилась в Дублине в 1940 году. По профессии — историк. С 1969 года вела колонку в газете «Irish times», и ее остроумные статьи пользовались большим успехом у читателей. Первый роман Бинчи, «Зажги грошовую свечу», вышел в свет в 1982 году. С тех пор она написала более десятка романов и рассказов и несколько пьес. Произведения Бинчи популярны во всем мире. Телеспектакль «Глубоко скорбим», поставленный по ее пьесе, получил целый ряд престижных наград, в том числе и приз Пражского кинофестиваля; романы, как правило, становятся бестселлерами, многие из них экранизированы, а их автор не раз получала премии британских книгоиздателей. Три романа Бинчи вошли в пятерку лучших книг, изданных в Ирландии в XX веке. В чем же секрет писательницы? Мейв Бинчи рассказывает о простых людях, живущих в небольших ирландских городках; она создает яркие, удивительно живые характеры, и просто невозможно оторваться от ее романа, не дочитав до конца и не узнав, как сложатся судьбы героев. А закончив одну книгу, снова хочется встретиться с писательницей и ее персонажами на страницах уже другой...

В романе «Серебряная свадьба» (1988) проявились лучшие качества писательницы — тонкое понимание человеческой природы, умение создавать яркие характеры и увлекательный сюжет.

У Дейдры и Десмонда Дойлов скоро большой праздник — двадцатипятилетие свадьбы. На торжество приглашены трое их детей и все, кто был с Дойлами в тот знаменательный день — родственники и близкие друзья, священник, их обвенчавший. У каждого героя писательницы своя жизнь, свои драмы, свои «скелеты в шкафу». Тут и несчастная любовь, и измены, и внебрачные дети.

Издательство «СЛОВО» уже знакомило читателей с Мейв Бинчи — совсем недавно вышел роман «Уроки итальянского», пользующийся большой популярностью. Мы очень надеемся, что и эта книга писательницы, ставшая бестселлером во многих странах и теперь впервые издающаяся на русском языке, понравится нашим читателям.

notes

Примечания

1

Кен обыгрывает название родительского дома Анны: Солтхилл (Salthill) — соляной дом, Солтмайнс (Saltmines) — соляные копи.

2

Графство Ирландии.

3

Стиль декоративно-оформительского творчества и дизайна, широко распространенный в Западной Европе и США в 20—30-х гг. 20 века и соединяющий в себе тягу к внешней орнаментальной роскоши с продуманной рациональностью функции и структуры.

4

Направление в современной архитектуре, для которого характерны грубые, подчеркнута тяжелые формы, обнаженные конструкции и системы инженерного оборудования зданий.

5

Коннемара — местность в Ирландии.

6

Город в Австралии.

Ватиканский собор (Второй) — 21-й вселенский собор католической Церкви (1962–1965), на котором были намечены меры модернизации культа, организации и политики церкви.

8

Уотерфорд — город в Ирландии, где в период с 1729 по 1851 г. изготавливали высококачественную хрустальную посуду.

9

Националистическая партия в Ирландии.

10

Имеется в виду экстремистская группа, отколовшаяся от Ирландской республиканской армии (ИРА) — неофициальной полувоенной ирландской организации, добивающейся полной независимости Ирландии от Великобритании.

Имеется в виду религиозное братство «Дочери милосердия св. Винсента Де Поля» — международная католическая женская организация, занимающаяся благотворительностью.

12

Имеется в виду один из выпусков знаменитого путеводителя по гостиницам и ресторанам Великобритании и Ирландии.

13

традиционная английская рождественская песня.

14

Grazie, grazie mille (итал.) — благодарю, тысяча благодарностей.

Фешенебельный универсальный магазин в Лондоне.

16

Высшее адвокатское звание в Великобритании.

Table of Contents

[Мейв Бинчи Серебряная свадьба](#)

[1. АННА](#)

[2. БРЕНДАН](#)

[3. ХЕЛЕН](#)

[4. ДЕСМОНД](#)

[5. ОТЕЦ ХЁРЛИ](#)

[6. МОРИН](#)

[7. ФРЭНК](#)

[8. ДЕЙРДРА](#)

[9. СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА](#)

[ОБ АВТОРЕ](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)